Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

БРИТВИН Алексей Валентинович

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Специальность: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Семедов Семед Абакаевич,
доктор философских наук, профессор

Москва – 2026

Оглавление

Введение 5

Глава I. Политологический анализ становления этноконфессиональных отношений на Северо-Восточном Кавказе 32

§ 1. Теоретико-методологические основы политологического исследования этноконфессиональной политики 32

1.1. Модели этноконфессиональной политики 32

1.2. Теории этноса 40

1.3. Определения религии и религиозного фактора 43

1.4. Подходы к исследованию этнорелигиозных конфликтов 48

1.5. Политические основы региональной безопасности 54

1.6. Политологический аспект международной безопасности 57

§ 2. Идеократический механизм в национальных и религиозных отношениях 61

2.1. Религиозно-политический синкретизм 61

2.2. Идеократия и идеократический механизм 67

2.3. Религия и идеология 75

2.4. Цивилизационный подход 82

§ 3. Развитие религиозно-идеологической политики на Кавказе в Российской империи и СССР 85

3.1. Государственно-религиозные отношения на Кавказе в период Российской империи 85

3.2. Ислам на Кавказе и религиозная политика в Советский период 112

Выводы по Главе I 126

Глава II. Ислам и политика Российской Федерации на Северо-Восточном Кавказе 131

§ 4. Государственно-религиозные отношения в Российской Федерации и Северо-Восточный Кавказ 131

4.1. Нормотворчество в 90-х годах XX века 131

4.2. Политический вклад руководителей Республики Ингушетия 140
4.3. Становление власти в Чеченской Республике 143
4.4. Деятельность глав Республики Дагестан 152
§ 5. Социальное значение ислама 157
5.1. Ценности ислама и гражданское общество 157
5.2. Основы вероучения ислама 163
§ 6. Тарикат как системообразующий фактор социума Северо-Восточного Кавказа 170
6.1. Распространение тасаввуфа на Кавказе 170
6.2. Формирование социальной структуры тарикатов 174
6.3. Особенности тариката кадирийа 178
6.4. Виднейшие шейхи тариката шазилийа 181
6.5. Наиболее значимые лидеры тариката накшабандийа 183
Выводы по Главе II 185
Глава III. Противодействие радикальным течениям в исламе в системе региональной и международной безопасности 191
§ 7. Исламизм и его радикальные формы 191
7.1. Деструктивные процессы в политической сфере и психологический аспект религиозного экстремизма 191
7.2. Религиозный радикализм, терроризм и фундаменталистское прочтение ислама 199
7.3. Исламисты, салафиты-реформаторы и салафиты-охранители (ваххабиты) ……. 207
§ 8. Северный Кавказ в мировой политике 218
8.1. Северо-Восточный Кавказ и международная проблематика 218
8.2. Этнический сепаратизм и джамааты 228
§ 9. Проблемы и перспективы предупреждения этнорелигиозных конфликтов на Северо-Восточном Кавказе 236
9.1. Преодоление этнократических тенденций и принцип субвенции 236
9.2. Проблема архаизации социальных отношений 248

Выводы по Главе III 252
Заключение 258
Библиографический список 270
Приложение. Интерактивные диаграммы этнического состава Дагестана, Чечни и Ингушетии 319

Введение

Вопросы эффективной государственной политики в области национальных и религиозных отношений на Северо-Восточном Кавказе остаются актуальными и требуют углубленного научного исследования, способного сделать научно-обоснованные выводы из исторических изменений и трансформаций.

В диссертационном исследовании рассматривается взаимосвязь между, казалось бы, отдельными, но на самом деле тесно связанными между собой вопросами политики, религии и национальных отношений. Эти вопросы играют значительную роль в понимании идеологических основ, определяющих политику государства в этнорелигиозной сфере, а также в том, как эта политика эволюционирует.

В исследовании рассматриваются различные этапы формирования отношений между государством и религией в России: влияние религиозного фактора на национальные отношения, пути преодоления деструктивных политических процессов, нивелирование излишней политизации этноконфессиональных отношений, а также способы предотвращения этнорелигиозных конфликтов на Северо-Восточном Кавказе.

Особое внимание уделяется исламу, специфике организации суфизма, его разнообразных направлений (тарикатов), религиозно-политическому движению исламизма и его радикальным проявлениям. В исследовании также рассматривается и предлагается в качестве формы оптимизации внутренней политики на Северо-Восточном Кавказе модель государственного управления, основанная на идеократическом механизме.

Практическая актуальность темы исследования

Северо-Восточный Кавказ представляет собой обширное пространство с многовековой историей, характеризующееся сложным переплетением судеб множества народов и культур. Полиэтнический состав региона, его уникальные традиции и верования, формируя неповторимый колорит, одновременно являются

источником комплексных межэтнических взаимодействий. Именно эти культурные и религиозные различия, выступая катализатором межэтнической и межрелигиозной напряженности, ставят перед государством и обществом сложные задачи, особенно в условиях современной международной напряженности. В условиях трансформации миропорядка и усиления гибридных угроз необходима интеграция этноконфессиональных отношений Северо-Восточного Кавказа в общероссийское правовое поле.

Проблема обеспечения государственного управления в системе региональной и международной безопасности на Северо-Восточном Кавказе представляет собой один из предметов особого внимания федерального центра. При наличии территориальных, экономических, социальных противоречий и геополитической нестабильности ключевыми детерминантами политических столкновений являются радикальные мировоззренческие установки. Таким образом на Северо-Восточном Кавказе государственная политика должна быть направлена на оптимизацию межэтнических и межконфессиональных отношений, учитывая региональную специфику.

Развитие гражданского общества способствует деэскалации политического радикализма, и требует критического осмысления новых идеологических течений. Региональная безопасность базируется на правовой системе, регулирующей религиозные объединения, и на принципах социальной справедливости, равноправия и свободы. Обеспечение глобальной стабильности предполагает соблюдение международного права. Основополагающим методом по обеспечению региональной безопасности является идеократический механизм, который позволяет анализировать социум через призму доминирующих идей, закономерностей, мотиваций поведения масс и социальных групп, предсказывать их действия и прогнозировать результаты.

Игнорирование идеологических основ может привести к этнорелигиозным конфликтам, подрывающим социальную и экономическую устойчивость страны. В этом контексте особую роль играют суфийские общины: сохраняя традиционный уклад, они выступают фундаментом идентичности, противодействуют

экстремизму и способствуют консолидации общества, обеспечивая региональную стабильность.

Работа обосновывает переход от реактивного управления к проактивному, основанному на экспертном мониторинге идеологических трансформаций. Важным аспектом является разработка прогностических моделей, позволяющих выявлять латентные очаги напряженности до их перехода в активную фазу. Для защиты духовной сферы от политизации необходимо четкое административно-правовое разграничение религии и политики. Сращивание этих институтов свидетельствует о трудностях в реализации национальной политики, а радикальные интерпретации религии, подменяющие духовные ценности политическими интересами, порождают нетерпимость. Перед государством стоит сложная дилемма: минимизировать политизацию религиозных организаций, не ограничивая при этом их потенциал в решении социальных задач.

Результаты исследования предназначены для использования при реализации стратегий государственной национальной политики, подготовке аналитических материалов для органов государственной власти, а также – программ профилактики девиантного общественного поведения в образовательной и культурной средах.

Научная актуальность темы исследования

Высокая динамика региональных процессов требует постоянного научного переосмысления возникающих вызовов и корректировки существующих подходов. Особую остроту теме придает рассмотрение данных проблем через призму национальной и международной безопасности.

Исследование систематизирует теоретические принципы гармонизации взаимодействия власти и традиционных религиозных институтов с опорой на роль религиозных институций как медиаторов гражданского общества. Автор рассматривает религию на Кавказе, и, в частности, суфизм, как ресурс для социального развития и укрепления общероссийской гражданской идентичности,

не вступающей в противоречие с этнокультурной самобытностью народов Северо-Восточного Кавказа.

Диссертационная работа задает вектор для дальнейших междисциплинарных исследований, объединяющих политологию, религиоведение, философию религии и конфликтологию.

Автором предложен ряд оригинальных дефиниций основополагающих понятий в теории государственно-конфессиональных отношений, таких как: этнос, нация, религия, религиозный фактор, регион, этнорелигиозный конфликт, религиозно-политически синкретизм, идеократия, религиозная идеология, деструктивные социальные отношения и др.

Политика рассмотрена как комплекс следующих принципов: гармоничного сосуществования между различными социальными группами, согласия и взаимопонимания на базе рациональных, прагматичных и гуманистических ценностей, социальной справедливости, равноправия всех перед законом, конституционной свободы совести; научной объективности и истинности; добровольного следования нравственным нормам и образцам поведения, уважения идеологических и религиозных ценностей наряду с религиозной и национальной нейтральностью, признания культурного, религиозного, этнического разнообразия, дружбы народов; демократизации и светскости государства, модернизации, неизбежности наказания за совершение общественноопасного деяния, политической легитимации, государственного суверенитета; международного сотрудничества и партнерства, равновесия сил и интересов, а также сокращения вооружений и военного присутствия.

Диссертантом введено понятие принципа субвенции (обособления) в этноконфессиональной политике, который должен регулировать обособленность религиозных и этнонациональных организаций от государства.

Степень научной разработанности темы исследования

В процессе исследования данной темы в настоящей работе были изучены научные труды, экспертные оценки и публикации как российских, так и

иностранных авторов в различных областях, таких как политология, религиоведение, философия, история, социология, этнология, психология, конфликтология, этническая и вероисповедная политика, государственное управление.

Приведем перечень авторов использованных в работе публикаций в соответствии с тематиками, которые разработаны как разными, так и одними и теми же учеными. В связи с этим имена отдельных исследователей в нижеприведенных списках частично дублируются.

Осмыслению государственной этноконфессиональной политики через призму идеократии, так или иначе, посвящены исследования классиков отечественной науки: Л. Н. Гумилева, Н. Я. Данилевского, П. Н. Савицкого, С. Н. Трубецкого и др. Среди работ современных отечественных ученых, на результаты которых опирается данное исследование, следует отметить:
А. А. Исаеву, Д. О. Макарова, А. В. Маринченко, А. С. Разина, С. А. Семедова, В. С. Соловьева, А. А. Трунова и др. В число зарубежных работ, использованных в диссертации, вошли научные достижения классиков: М. Вебера, Д. Белла, Р. Арона, А. Грамши, Д. МакЛеллана, М. Мурариу, Дж. Ротшильда, М. Селигера, М. Спиро, Т. Фитцджеральда, М. Фуко, С. Хантингтона и др.

Выявлению и описанию принципов религиозно-идеологической политики на Северном Кавказе в различные исторические периоды способствовало рассмотрение трудов отечественных исследователей: М. С.-Г. Албогачиевой, А. М. Аджиговой, Д. Ю. Арапова, Я. З. Ахмадова, А. Батуркина, И. С. Бердникова, В. О. Бобровникова, С. Ю. Витте, И. И. Воронцова-Дашкова, Р. Ш. Газимагомедова, В. В. Дегоева, А. О. Дзарасова, А. Г. Далгатова, К. Г. Дендиева, И. Ермакова, В. Л. Ефимовских, П. А. Зайончковского, Г. М. Запальского, С. В. Золотых, А. А. Камаловой, М. И. Кандур, Е. Н. Кумпан, А. В. Логинова, А. Ю. Малашенко, В. А. Матвеева, Б. Н. Миронова, М. А. Мусаева, В. М. Муханова, С. М. Нунуева, А. И. Омарова, В. К. Пинкевича, К. П. Победоносцева, Н. И. Покровского, А. Ю. Полунова, А. В. Попова,

М. А. Рейснер, А. С. Ряжева, И. Х. Сулаева, А. Тахо-Годи, Н. Е. Торнау, М. О. Цицкиевой, М. О. Шахова и С. С. Эсадзе.

Исследование влияния исламских идеологических принципов на развитие северокавказского общества и его социальную структуру опиралось на труды выдающихся зарубежных исследователей идеологии: А.-Л.-К. Дестют де Траси, К. Мангейма, К. Маркса, Ф. Энгельса; и современных исследователей ислама: А. А. Агамова, В. Х. Акаева, Х. Х. Бокова, Ю. Ф. Борункова, А. В. Матюхина, А. З. Нуриловой, С. И. Ожегова, М. А. Омарова, И. В. Пороховой, Г. Н. Сеидовой, М. Д. Харсиева, Ш. Ш. Шихалиева, И. Н. Яблокова и др.

Проблемам сохранения и развития традиционных моральных и духовных устоев северокавказского народа, в том числе организационно-религиозной структуры суфизма в исследуемом регионе, посвящены труды:
М. А. Абдуллаева, В. Х. Акаева, М. С.-Г. Албогачиевой, А. К. Аликберова, А. С. Булатова, М. Гаджиева, М. Р. Гусейновой, А. М. Кангиевой, М. Д. Мекеровой, С. Б. Мирзаева, С. С. Мусайханова, Р. А. Николсона, И. В. Пороховой, С. А. Семедова, Р. Р. Фасхудинова, М. Д. Харсиева, А. А. Хисматулина, Г. Л. Эскерханова, Г. И. Юсуповой и др.

Исследованию влияния религиозного фактора на деструктивные процессы и выработке принципов сбалансированной политики в рассматриваемом регионе, способствовали результаты исследований классических и современных авторов: В. Райха, З. Фрейда, Э. Фромма, С. Шпильрейна, Ю. И. Авдеева, С. Н. Астапова, А. А. Ахметова, Ю. В. Ахромеевой, Г. Ж. Бауберикова, Л. А. Баширова, М. В. Воронцовой, Е. Л. Забарчук, Ю. А. Клейберг, А. Ю. Кругловой, В. Д. Лаза, В. М. Лейбина, Я. А. Лонского, А. Г. Лукьянова, Н. Г. Магомедова, С. И. Муртузалиева, Д. А. Нечитайло, Е. В. Рягузовой, Е. В. Савва, М. В. Савва, И. С. Сайфулина, Е. Я. Сатановского, С. А. Семедова, Р. А. Силантьева, А. М. Хазиева, А. А. Чекалиной, С. З. Якубовой, М. Я. Яхьяева и др.

В ходе исследования идеологических основ исламизма, его специфических черт и радикальных проявлений, особое внимание было сосредоточено на работах выдающихся российских ученых: Р. А. Быкова, А. М. Васильева, А. А. Игнатенко,

З. И. Левина, А. В. Малашенко, Т. П. Милославской, Г. И. Мирского, Ш. Мусаева, С. А. Семедова, Р. А. Силантьева и др.

Не менее важными для анализа природы исламизма стали труды зарубежных исследователей: А. Абдел-Малека, Д. Ачилова, А. Дж. Бантос, Т. Биск, Н. Гадбиан, А. Дж. Денниса, М. Джамилы, М. М. Джанаби, К. М. Дэвидсона, Н. Р. Кедди, Д. Д. Комминс, М. Крамера, А. С. Кудси, А. Ф. Марч, С. Х. Наср, Ф. Рахмана, О. Руа, Б. Тиби, Х. Уолпола, М. А. Хермасси, Дж. Шведлера и др.

В диссертации также исследованы труды исламских религиозных и политических деятелей: С.Д. аль-Афгани, А. Ваххаба, Х. аль-Банны, Р. Гануши, С. Кутба, И. М. Хусаини и др., что позволило проанализировать взгляды и идеи, лежащие в основе исламистских течений, и описать их мотивацию и цели.

В основу исследования роли религиозного фактора в политизации этноконфессиональных процессов на Северо-Восточном Кавказе, его влияния на формирование кавказской идентичности легли работы известных ученых:
В. Х. Акаева, А.-Г. К. Алиева, М. Алоева, Л. А. Баширова, И. А. Ветренко, Г. П. Герейханова, Э. Ф. Кисриева, О. В. Куропаткиной, А. В. Малашенко, Д. Г. Мирзаханова, Д. Ш. Мурзиной, Ю. Х. Мухаммада, С. М. Нунуева, Б. Рашковского, С. А. Семедова, Д. В. Сидорова, К. М. Ханбабаева, Э. Ф. Шарафутдиновой, В. А. Шнирельман, Г. И. Юсуповой и др.

Для разностороннего описания международной идеологической проблематики в диссертации проанализированы работы зарубежных исследователей: З. Бжезинского, Д. Л. Горовица, Л. Купера, Д. М. Ландау, А. Лейпхарта, Р. Г. Сани, Б. Тиби, Д. С. Фернивалла, С. П. Хантингтона, Дж. Хайнса, Э. Хобсбаума, Г. Экштейна и Д. Л. Эспозито.

Раскрытию проблем предупреждения этнорелигиозных конфликтов на Северо-Восточном Кавказе содействовали работы ученых-исламоведов: Р. Г. Абдулатипова, В. А. Авксентьева, М. С.-Г. Албогачиевой, Г. Ж. Бауберикова, О. В. Богатыревой, А. Х. Борова, М. М. Гаджиева, Е. Ю. Гороховой, М. М. Гусаева, К. Г. Гусаевой, Г. С. Денисовой, С. М. Гозгешевой,

С. Ю. Земляковой, Л. Р. Ибрашевой, А. А. Игнатенко, А. А. Ирхина, К. Казенина, А. Г. Лукьянова, Г. А. Майстренко, А. И. Митрофановой, В. А. Михайлова, О. А. Москаленко, Е. Г. Муратовой, Л. С. Перепелкина, Е. М. Полякова, Е. В. Рябченко, С. В. Сиражудиновой, А. В. Смирновой, И. В. Стародубровской, В. А. Толстик, Б. В. Туаевой, Н. В. Тузова, Э. Ф. Шарафутдиновой, А. А. Эбзеева, Г. И. Юсуповой и др.

Теоретическая и методологическая база диссертации опирается на труды таких выдающихся отечественных и зарубежных ученых, как: В. А. Авксентьев, Ю. В. Арутюнян, Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, Г. С. Денисова, Л. М. Дробижева, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон, В. И. Ленин, М. П. Мчедлов, И. С. Нарский, А. С. Панарин, Г. В. Плеханов, М. Р. Радовель, Д. Рекс, М. М. Розенталь, М. Н. Росенко, А. А. Сусоколов, В. А. Тишков, В. А. Ядов, Г. Алмонд, Б. Андерсон, Б. Р. Берелсон, Д. Блэк, А. Ф. Бентли, П. Бурдье, М. Вебер, Р. Водак, Э. А. Геллнер, Э. Даунс, Т. А. Ван Дейк, И. Кант, П. Ф. Лазарсфельд, Э. Лакло, П. Ласлет, Л. Г. Лассуэл, Д. А. Лейк, Р. Д. Липшуц, К. Г. Маркс, Ч. Э. Мерриам, Ш. Муфф, М. Олсон, В. Ф. Парето, У. Х. Райкер, Д. А. Растоу, Дж. Ротшильд, Э. Саид, Г. А. Саймон, У. Г. Самнер, Д. Трумэн, Д. Б. Уотсон, М. Фуко, Н. Фэрклоу, Э. Д. Хобсбаум, Ф. Энгельс, и др.

Фундаментальные философские осмысления и принципы логики нашли свое отражение: во втором законе логики Аристотеля – законе противоречия[1]; в диалектическом методе Г. В. Ф. Гегеля в «Науке о логике»[2], где философ предложил форму устройства человеческого опыта; в «Критике чистого разума»[3], «Критике практического разума»[4] и «Критике способности суждения»[5] И. Канта, которые объединила идея «стимулирования» разума во имя достижения взаимовыгодной пользы.

[1] Аристотель. Аналитики первая и вторая: перевод с греческого. – Ленинград: Госполитиздат, 1952. – 439 с.
[2] Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. – М: Мысль, 1970. – 501 с.
[3] Кант И. Критика чистого разума. – М: Наука, 1999. – 655 с.
[4] Кант И. Критика практического разума. – СПб: Издание книжного магазина М.В. Попова, 1897. – 193 с.
[5] Кант И. Критика способности суждения. – М: Искусство, 1994. – 368 с.

Факторы социальных противоречий и перспективы их преодоления были осмыслены в концептуальных исследованиях: Ф. Энгельса[6], К. Г. Маркса[7], В. И. Ленина[8], Г. В. Плеханова[9], И. С. Кона[10], М. П. Мчедлова[11], М. Н. Росенко[12], М. М. Розенталя[13], И. С. Нарского[14], В. А. Ядова[15] и др.

Классические и современные работы о Северо-Восточном Кавказе требуют актуализации в соответствии с анализом новейшей внешней и внутренней политики Российской Федерации, и, в особенности, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года[16]. Комплексный анализ фактов, определяющих эффективность национальной политики в рассматриваемом регионе, реализуется в данной работе посредством развития теории идеократии и идеократического механизма в национальных отношениях в контексте укрепления общероссийской гражданской идентичности и гражданского единства, предусмотренных упомянутой стратегией.

Постановка проблемы исследования

Современное состояние северокавказских сообществ характеризуется переплетением разнонаправленных процессов модернизации и

[6] Фридрих Э. Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1953. – 328 с.
[7] Маркс К. Диалектический материализм. – М.: Партийное издательство, 1933. – 230 с.
[8] В.И. Ленин. Философские тетради / ред. Адоратский В.В., Сорин В.Г. – М.: Партийное издательство, 1936. – 476 с.
[9] Г.В. Плеханов. Избранные философские произведения. Том II. – М.: Госполитиздат, 1956. – 824 с.
[10] Логика и методология науки. Философия и методология истории: сборник статей / общ. ред. И.С. Кон. – М.: Изд-во «Прогресс», 1977. – 335 с.
[11] Мчедлов М.П. Диалектика общечеловеческого и классового. – М.: Знание, 1989. – 62 с.
[12] Росенко М.Н. Диалектика общественного бытия и общественного сознания в современном обществе // Информация–Коммуникация–Общество. – 2010. – Т. 1. – С. 166-169.
[13] Розенталь М.М. Марксистский диалектический метод. – М.: Госполитиздат, 1952. – 348 с.
[14] Нарский И.С. Проблема противоречия в диалектической логике. – М.: Изд-во Московского Университета, 1969. – 178 с.
[15] Ядов В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961. – 122 с.
[16] Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// base.garant.ru/413134563/?ysclid=mtrgomksck645881252/ (дата обращения: 07.09.2026).

традиционализации, требующих общего надрелигиозного общегражданского целеполагания, так как столкновение архаических социальных установок со светскими государственными ценностями в условиях социально-экономической нестабильности создало питательную среду для этнонационализма и религиозного фундаментализма.

Данная проблематика требует глубокого научного осмысления механизмов деполитизации религии и гармонизации межэтнических отношений. Исследование данной темы призвано выявить причины деструктивных идеологических сдвигов, а также разработать рекомендации по развитию участия гражданского общества в политических процессах и выстраиванию конструктивного диалога между религиозными и светскими субъектами внутренней политики.

Гипотеза исследования

Получившие общественное признание и поддержку концептуально-ценностные ориентиры должны стать основой обеспечения устойчивости поликонфессионального и многонационального государства, формирования единого гражданского пространства, где религиозная идентичность не противоречит общероссийской, а дополняет ее, укрепляя консолидацию общества перед лицом внешних и внутренних угроз.

Исключение создания привилегий для одних этносов за счет других, должно реализовываться через пресечение нарушений гражданских прав и свобод, равенство всех перед законодательством Российской Федерации и неизбежность наказания за его нарушение, независимо от статусной принадлежности.

При этом необходимо развивать межкультурный диалог, одновременно защищая суверенитет Российской Федерации в регионе от нежелательных деструктивных идеологических течений, действующих в исключительных интересах Турции и иных стран Передней Азии.

Объект исследования – государственная национальная политика на Северо-Восточном Кавказе в истории и современности в аспекте региональной и международной безопасности.

Предмет исследования – идеологические основы и принципы государственного управления в методолого-теоретическом контексте этноконфессиональной политики Российской Федерации.

Цель исследования – разработка идеологических основ осуществления этноконфессиональной политики и разрешения социальных противоречий в республиках Северо-Восточного Кавказа.

Задачи исследования

Уточнение и достижение поставленной цели научного исследования решается посредством выполнения взаимосвязанных задач:

1. Систематизировать политические принципы и механизмы, направленные на деполитизацию религиозных отношений на Северо-Восточном Кавказе.
2. Определить политико-правовую основу и условия, обеспечивающие устойчивость модели государственного управления на Северо-Восточном Кавказе и предотвращение развития конфликтов между субъектами гражданского общества.
3. Показать влияние драматичных страниц истории на формирование национального самосознания народов Северо-Восточного Кавказа и пути преодоления исторических травм.
4. Сформулировать идеологические основы сбалансированной политики в этноконфессиональной сфере, обеспечивающей условия согласия и эффективного сотрудничества политических акторов в области безопасности.
5. Определить значение ислама в социально-общественном развитии северокавказского социума.

6. Выявить социальное значение тариката в умме Северо-Восточного Кавказа и в политической стабильности региона.

7. Систематизировать угрожающие региональной и международной безопасности России политические идеологии радикальных исламистских движений, посредством выявления их специфических особенностей, характера экстремистской деятельности и описания истории происхождения.

8. Выявить проблемы политизации этничности в предупреждении деструктивных политических процессов.

9. Определить роль и значение национального и религиозного фактора в предупреждении этнорелигиозных конфликтов на Северо-Восточном Кавказе.

Теоретико-методологическая основа исследования

Этноконфессиональная политика представляет собой междисциплинарную область научного знания, в результате чего исследования этой сферы приобретают сложную методологическую структуру, поэтому в исследовании были использованы методы, основанные на рационализме, сравнительном анализе, историографии, структурно-функциональном и цивилизационном подходах.

Примененная в ходе диссертационного исследования *институциональная модель* теоретического исследования позволила изучить этноконфессиональную политику в призме комплекса фундаментальных политических, социальных и правовых принципов, формирующих основу исследования политических институтов.

В свою очередь, *бихевиористская модель* политической психологии позволила определить и спрогнозировать поведение политических акторов, гражданских групп и объединений в контексте причин и условий, оказывающих влияние на политический процесс.

Использование *системной модели* позволило рассмотреть политическую систему в комплексе взаимодействия ее элементов на основе общих принципов, норм и ценностных ориентаций, определяемых социальными группами

интеллектуальной элиты, политических лидеров, инициативного национального меньшинства.

Методы теории рационального выбора позволили описать свободного индивида как динамично взаимодействующего с обществом субъекта, определить его духовно-нравственной ориентации и выбранный курс деятельности на основе удовлетворения индивидуальных потребностей и принесения общественной пользы.

Дискурсивная модель политологического исследования способствовала осмыслению политического процесса в аспекте вербальной и невербальной коммуникации его акторов посредством использования политико-социальных институтов.

Подходы *модели микроуровневых исследований* позволили рассмотреть политический процесс как взаимоотношение элит и социальных групп.

Использование теории *динамических моделей* в области социальных изменений позволило взглянуть на политический процесс в разрезе пространственно-временных характеристик.

Параллельно с этим, *политико-ситуационный анализ* позволил детально разобрать значимые политические события, выявить их основные движущие силы и взаимосвязи, особенно в контексте политических переходных периодов.

В свою очередь при изучении поэтапного формирования нации был применен *конструктивистский подход*, который сосредоточился на комплексных аспектах этногенеза, где социальные группы, включая интеллектуальную элиту, политических лидеров и активные национальные меньшинства, играют ключевую роль в формировании политической динамики. Эта конструктивистская модель оказалась ценной для описания того, как этноэлита, определяя приоритетные интересы и ценности, а также управляя ресурсами для этнической мобилизации, выступает самостоятельным актором, стимулирующим и направляющим этническое большинство.

В целях же выявления региональных этнонациональных противоречий в этнополитических конфликтах был использован *макрорегиональный подход*. В

свою очередь, *системно-синергетический анализ* этноконфессиональной политики помог обнаружить этнические и религиозные разногласия.

Наконец, *феноменологический метод* позволил осмыслить социальное значение ислама и понять значение богословских терминов, объединенных их общим арабским происхождением.

Информационная база исследования

Научная обоснованность настоящего исследования базируется на глубоком изучении действующего законодательства Российской Федерации, включая Конституцию, федеральные законы, указы Президента и постановления Правительства. В целях раскрытия исторического контекста и понимания причин современных тенденций был также проведен анализ ранее действовавших и утративших силу нормативных правовых актов.

В рамках настоящего исследования, в интересах идентификации актуальных научных дискуссий, спектра точек зрения и методологических подходов к изучаемой проблематике, был осуществлен анализ основополагающих научных трудов, концептуальных исследований, эмпирических данных и материалов конференций, представленных ведущими отечественными и зарубежными специалистами в области политологии, религиоведения, философии, истории, конфликтологии и других смежных дисциплин.

Важным источником информации стали официальные сайты государственных органов, а также религиозных и общественных организаций. Изучение официальных материалов позволило описать государственную политику, деятельность религиозных организаций и общественные инициативы.

В качестве исторических источников диссертации использовались нормативно-правовые акты, преимущественно извлеченные из таких авторитетных источников, как Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи.

Научная новизна исследования

Новизна диссертационного исследования для политической науки состоит в его следующих прикладных достижениях:

1. Сформулированы политико-правовые условия, призванные обеспечить устойчивость модели государственного управления и предотвращение развития конфликтов между субъектами гражданского общества на Северо-Восточном Кавказе.

2. Предложены подходы и механизм по формированию сбалансированной политики гармонизации религиозных и национальных отношений на Северо-Восточном Кавказе.

3. Определены приоритетные направления государственного управления в этнорелигиозной сфере Северо-Восточного Кавказа по преодолению исторических травм и этнократических тенденций.

4. Сформулированы идеологические принципы и ценности, обеспечивающие межнациональное согласие и безопасность в контексте сотрудничества политических акторов с традиционными религиозными организациями.

5. Выявлены ценностно-идеологические основы ислама в социально-общественном развитии северокавказского социума в контексте формирования общегражданской идентичности.

6. Обозначена роль организационно-религиозной структуры тариката на территории Северо-Восточного Кавказа в обеспечении сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей и гармонизации национальных и религиозных отношений.

7. Выявлены идеологические основания радикальных течений в исламе, их специфические особенности и проявления в Северо-Кавказском регионе в аспекте региональной и международной безопасности.

8. Систематизированы этноконфессиональные процессы на Северо-Восточном Кавказе, обозначены условия, нивелирующие политизацию религиозных и национальных отношений на Северо-Восточном Кавказе.

9. Определено влияние религиозного фактора на возникновение и преодоление деструктивных процессов в регионе, выявлены внешние угрозы для российского государства, предложена авторская интерпретация принципа субвенции, направленная на предупреждение этнорелигиозных конфликтов на Северном Кавказе.

Таким образом, выводы диссертации могут быть использованы для актуализации концепций реализации национальной политики на Северо-Восточном Кавказе и разработки соответствующих нормативных правовых актов на федеральном и региональном уровнях.

Положения, выносимые на защиту

Вклад в изучение этноконфессиональной политики на Северо-Восточном Кавказе отражен в основных положениях, выносимых на защиту:

1. Разработаны рекомендации по актуализации региональных концепций национальной политики на Северо-Восточном Кавказе в части активного привлечения светских институтов гражданского общества к реализации государственной национальной политики, индоктринации культуры соблюдения федерального законодательства в правоприменительную практику и ужесточения контроля за деятельностью некоммерческих (религиозных) организаций, финансируемых из-за рубежа, в форме проведения внеплановых проверок некоммерческих организаций - иностранных агентов территориальными органами Минюста России, а также проверок иных НКО, при выявлении нарушений которых предусмотрено введение соответствующих иностранным агентам ограничений.

Данные меры позволяют пресекать распространение деструктивной идеологии, насаждаемой из-за рубежа, и утверждать единые правовые стандарты для всех участников национальных и религиозных отношений.

2. Разработаны понятие и концепция идеократического механизма в этноконфессиональной политике, который заключается в формировании и

поддержании господствующей идеологии, ее принципов и ценностей в гражданском обществе на добровольной основе, при поддержке традиционных религиозных организаций, с целью улучшения качественных характеристик общественной жизни, в соответствии с актуальными запросами общества и законодательно утвержденными стратегиями развития государства. При этом, игнорирование запросов общества, под предлогом достижения оторванных от реальности идеологизированных целей, является недопустимым.

Способность государства применять монополию на насилие не является определяющим условием, обеспечивающим устойчивость государственного управления на Северо-Восточном Кавказе. Эффективность профилактики и предотвращение конфликтов в регионе в большей степени зависит от уровня правовой культуры гражданского общества и использования механизма этноконфессиональной политики, характерного для религиозных отношений, в целях устранения коренных идеологических причин, способствующих распространению радикализма.

Основой этой политики является укрепление политической системы через идеологическую работу с привлечением религиозных организаций к противодействию внедрения деструктивных представлений и концепций в этнорелигиозное самосознание населения посредством развития гражданского политического участия и уважения духовно-нравственных принципов народов Северо-Восточного Кавказа.

3. Для перехода от политики кризисного управления в идеологической сфере к сбалансированному устойчивому развитию доказана целесообразность вовлечения в реализацию национальной политики самых разных представителей гражданского общества Северного Кавказа при модерации данного процесса профильными представителями федеральной власти.

Неоднозначная рефлексия исторического прошлого является одной из ключевых факторов, препятствующих укреплению общероссийской идентичности на Северо-Восточном Кавказе и способствующих активности радикальных

движений. Такими факторами выступают коллективная память о военных столкновениях с государственным центром и репрессиях, через призму которых в общественном сознании региона переосмысливаются вопросы идентичности, лояльности государству и его территориальной целостности. Современная ситуация осложняется потенциальной возможностью «обмирщения» религии при ее вовлечении в политику и, наоборот, «клерикализации» региональной власти из-за активного участия духовных лиц в политической жизни.

4. Доказана эффективность ведения на Северо-Восточном Кавказе ценностно ориентированной политики по обеспечению приоритета общегражданской идентичности над партикулярными интересами, незыблемости федерального правового порядка и сохранению этнорелигиозных традиций и историко-культурного наследия наряду с организацией межкультурного обмена.

Рациональные, прагматичные и гуманистические ценности лежат в основе эффективного управления этноконфессиональной сферой. Они выражаются в практических принципах научной объективности, социальной справедливости, равноправия, свободы совести, уважения идеологических и религиозных ценностей, религиозной и национальной нейтральности, культурного, религиозного, этнического разнообразия, дружбы народов, инклюзии и вероуважения.

5. Доказана политическая целесообразность формирования региональных площадок диалога культур, в котором религиозные ценности ислама интегрируются с гражданскими, приоритет отдается правам и свободам человека, а религиозные институции выступают не инструментами политического доминирования, а площадками для просветительской дискуссии.

Популяризация в региональной политике характерных для ислама норм и ценностей способствует решению задач по обеспечению гражданского согласия на Северо-Восточном Кавказе. Вместе с тем, обеспечение устойчивого развития региона невозможно без активного участия гражданского общества и свободного

обмена мнениями и убеждениями относительно приоритетов социального развития региона.

Площадки для подобного диалога обеспечивают условия для свободного выражения гражданской позиции и полноценного участия различных социальных групп в политической жизни региона. Подобный плюрализм в традиционном религиозном обществе, каким является Северо-Восточный Кавказ, возможен лишь при усилении влияния федеральной власти в регионе и решении насущных социально-экономических проблем населения. Для повышения влияния центральной власти в регионе недопустимо повторение ошибок советского периода и 90-х гг. XX века в части использования грубой силы.

6. Разработана концепция противостояния внешним враждебным элементам на Северо-Восточном Кавказе посредством совместной деятельности накшбандийскского, шазилийского и кадирийского тарикатов, духовных и политических лидеров. Исторический опыт Северного Кавказа убедительно свидетельствует о фундаментальной роли духовных лидеров в социально-идеологическом развитии региона.

Вакуум, образовавшийся в результате репрессий против религиозных лидеров в советский период, был заполнен в постсоветское время деструктивными идеями исламизма и сепаратизма. Уникальный северокавказский суфизм несмотря на то, что его последователи не составляют большинства, стал краеугольным камнем фундамента восстановления конституционного порядка на Северо-Восточном Кавказе, особенно в Чеченской Республике.

Поэтому при условии проведения сбалансированной государственной этноконфессиональной политики тарикаты обладают значительным потенциалом для укрепления устойчивости региона к деструктивному иностранному влиянию. Их деятельность по идеологической нейтрализации ваххабитских группировок, преследующих сепаратистские цели, способствует гармонизации национальных и религиозных отношений.

7. Доказана целесообразность федерального законодательного запрета на пропаганду радикальной идеологии ваххабизма, направленной на разрушение социальных устоев, по аналогии законодательных запретов ваххабизма в Ингушетии, Дагестане и Чечне, а также на основе религиозного запрета ваххабизма Духовным управлением мусульман Татарстана. Борьба с радикальным ваххабизмом требует комплексного подхода, сочетающего силовое противодействие экстремизму с профилактикой террористической идеологии. Необходимым условием федерального запрета ваххабизма выступает реализация комплекса административных и уголовно-правовых санкций, которые применяются в отношении нацистской, экстремистской и террористической идеологии.

Беспрепятственному распространению ваххабизма на Северо-Восточном Кавказе способствовали два ключевых фактора: деструктивная деятельность иностранных спецслужб и организаций, направленная против интересов России, а также слабость институтов гражданского общества, неспособных эффективно противостоять радикальной идеологии.

Отдельные группы ваххабитов, аффилированные с запрещенной в России террористической организацией Исламское государство (ИГИЛ), продолжают совершать акты религиозно мотивированного насилия в регионе. Радикальный ваххабизм, пропагандирующий сепаратизм и вооруженное сопротивление власти, не только подрывает государственную безопасность, но и отрицает право на существование традиционного для региона суфизма и иных традиционных конфессий России.

8. Доказана необходимость безусловного соблюдения принципа неотвратимости наказания за правонарушения и реализация политики по консолидации северокавказского общества перед внешними угрозами. Ключом здесь является баланс между углублением религиозного самосознания и укреплением светских основ государственности, гармония между сохранением религиозных традиций и стратегией устойчивого экономического развития.

Важным условием реализации данных мер является качественная кросс-дисциплинарная подготовка профильных специалистов.

Политическая стабильность Северо-Восточного Кавказа находится под угрозой из-за роста религиозно-политического радикализма, проявляющегося в архаизации общественных отношений и этнонационализме. Дестабилизирующими факторами выступают амбиции отдельных этнорелигиозных групп, этническая сегрегация в системе социальных лифтов, коррупция и неконтролируемые миграционные процессы. В сочетании с социально-экономическими трудностями и проникновением радикальных идеологий из-за рубежа это создает благоприятную почву для проявлений религиозного экстремизма.

9. Разработаны авторское понятие и концепция принципа обособления (субвенции) в национальных и религиозных отношениях, который заключается: в отстранении религиозных и этнических организаций от исполнения государственных дел; в разграничении компетенций между государством и религиозными институтами; в обеспечении равенства всех этнонациональных групп перед российским законом, независимо от их близости к власть имущим; в соблюдении конституционных принципов свободы совести и вероисповедания человека и гражданина, вне зависимости от номенклатурных тенденций в социально-политической сфере; в невмешательстве государства во внутренние дела религии; в равноудаленности религиозных объединений от государства; в наличии равного для религиозных и этнических объединений характера правосубъектности; и в распределении предметов ведения государства и религиозных объединений.

Конструктивное взаимодействие между государственными структурами и религиозными объединениями является превентивной мерой против этнополитических конфликтов и инструментом укрепления социальной интеграции. Тем не менее, на Северо-Восточном Кавказе существует тенденция к использованию данного партнерства религиозными организациями для получения политического влияния, а государственными органами – для мобилизации

электоральной базы религиозных объединений. Поэтому требуется определение пределов прав и обязанностей между представителями власти и религиозных организаций, которые на Северо-Восточном Кавказе остаются неопределенными.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Диссертационное исследование вносит вклад в теорию идеологии и мягкой силы, идеократии и политической конфликтологии. Исследование рассматривает безопасность на Северо-Восточном Кавказе не как результат силового принуждения, а как следствие консенсуса между государственными интересами, исторической памятью народов и духовно-нравственными императивами исламской традиции. Тем самым, данная научная работа позволяет рассматривать Северный Кавказ не как зону политического риска, а как активный субъект общероссийского политического процесса, транслирующего опыт гармоничного сосуществования различных этносов и конфессий.

Важным аспектом исследования является переосмысление феномена религиозного возрождения на Северо-Восточном Кавказе. Автор рассматривает его как ресурс для формирования общероссийской гражданской идентичности, что позволяет преодолеть классическую дихотомию «традиция – модернизация».

Результаты и рекомендации исследования могут быть использованы: для формирования государственной политики в области этноконфессиональных отношений на Северо-Восточном Кавказе; при разработке региональных стратегий поддержания межэтнического и межрелигиозного согласия; для подготовки рамочных документов по управлению политико-идеологическими процессами.

Материалы диссертации могут быть включены в учебные программы по политологии, религиоведению и конфликтологии, а также использованы при создании спецкурсов по безопасности в сфере межэтнических и межрелигиозных отношений.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности

Представленные в диссертационном исследовании научные результаты отвечают требованиям специальности 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики», подтверждая соответствие работы паспорту специальности в части следующих пунктов: 1. Политическая власть. Политическое и государственное управление; 2. Теории, концепции и модели государственного управления; 9. Государственная политика, государственные отраслевые политики (социальная, экономическая, миграционная, национальная, научно-техническая, образовательная, молодежная, информационная и др.); 10. Механизмы, инструменты и стадии государственной политики и отраслевых политик; 11. Публичная политика и управление публичной политикой. Процессы, стадии и модели публичной политики. Публичные ценности и государственное управление; 12. Региональное и территориальное измерения государственного управления и государственной политики, локальные управленческие практики; 13. Конфликты и их регулирование в государственном управлении и отраслевых политиках; 14. Вызовы и риски государственного управления, государственной политики и отраслевых политик; 15. Национальные интересы, идейные, социокультурные и ценностные факторы государственного управления, государственной политики и отраслевых политик; 16. Планирование, прогнозирование, программирование в государственном управлении, государственной политике и отраслевых политиках; 17. Обеспечение безопасности государственного управления, государственной политики и отраслевых политик; 18. Государственное управление, государственная политика и отраслевые политики в условиях глобализации, глокализации и регионализации.

Степень достоверности исследования

Объективность выводов исследования обеспечена соблюдением научных принципов, обеспечивающих достоверность и проверяемость результатов исследования; использованием теоретико-методологических оснований, принятых

в академической среде; опорой на широкий спектр фундаментальных трудов, концептуальных исследований и публикаций авторитетных классических и современных ученых разных гуманитарных областей; логичностью изложения и обоснованностью выводов.

Апробация темы исследования

Основные положения диссертации обсуждались и были одобрены на заседании кафедры государственно-конфессиональных отношений и кафедры национальных и федеративных отношений факультета Международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

В ходе работы над диссертацией и осуществления автором своей профессиональной деятельности были проведены многолетние полевые исследования в Дагестане, Чечне и Ингушетии, опубликованы диалоги (интервью) диссертанта с ведущими российскими учеными, специалистами в области религии, духовными лидерами и представителями религиозных организаций о текущей ситуации на Северо-Восточном Кавказе.

Значимость проведенного исследования подтверждается публикацией его основных результатов в научных статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, включенных в перечень ВАК для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата политических наук, общим объемом 7,5 печатных листов, и в других научных изданиях:

1. Бритвин А.В., Козлов М.В. Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. – 2022. – Т. 42. – С. 42-50. DOI: 10.26516/2073-3380.2022.42.42 (перечень ВАК, К-2).

2. Бритвин А.В., Семедов С.А. Религиозный фактор в системе обеспечения региональной безопасности на Северо-Восточном Кавказе

(аксиологический анализ) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – № 2 (484). – С. 25-34. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-484-2-25-34 (перечень ВАК, К-1).

3. Бритвин А.В. Религиозный фактор в деструктивных социальных процессах (на примере исламизма) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 3. – С. 133-141. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-l-3-133-141 (перечень ВАК, К-2).

4. Бритвин А.В. Идеократическое измерение этноконфессиональной политики // Вестник Поволжского института управления. – 2024. – 24 (5). – С. 74-72. DOI: 10.22394/1682-2358-2024-5-74-82 (перечень ВАК, К-2).

5. Бритвин А.В. Конфликтологические подходы к предупреждению внешнего влияния на этнорелигиозный фактор (на примере Северного Кавказа) // Власть. – 2024. – № 5. – С. 128-135. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-5-128-135 (перечень ВАК, К-1).

6. Бритвин А.В. Суфийский фактор в политизации ислама на Северо-Восточном Кавказе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 30-40. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-30-40 (перечень ВАК, К-2).

7. Бритвин А.В. Политико-идеологический фактор в системе развития государственно-религиозных отношений на Северо-Восточном Кавказе // Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы: сборник статей Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС (15-20 мая 2023 г.). Том I. – М.: Изд-во «Научный консультант», 2024. – С. 371-379.

8. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа. Интервью о социальном значении ислама с учеными, общественными и религиозными деятелями Северо-Восточного Кавказа: чеченским философом Вахитом Акаевым, заведующим отделом этнографии Кавказа МАЭ РАН Маккой Албогачиевой, помощником муфтия Дагестана Мухаммадом Магомедовым, заведующим отделением кафедры ЮНЕСКО ДГУ Гюльчохрой Сеидовой, российским философом Семедом

Семедовым и ингушским богословом Магомедом Харсиевым. / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

Результаты исследования освещались на следующих конференциях:

1. VII международная научно-практическая конференция «Россия и мир: диалоги – 2023. Цели и ценности», секция: «Урегулирование международных конфликтов и постконфликтное восстановление». Российская академия образования (РАО), г. Москва, 2023.

2. Международная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы», секция: «Роль регионов в обеспечении национальной безопасности России», доклад на тему: «Политико-идеологический фактор в системе развития государственно-религиозных отношений на Северо-Восточном Кавказе», РАНХиГС, г. Москва, 2023.

3. Международная студенческая конференция «Гражданская идентичность современной молодежи: религиозно-образовательная политика в контексте социокультурных реалий», панельная дискуссия: «Общегражданская идентичность и формы субъектности», доклад на тему: «Роль ислама в развитии государственно-конфессиональных отношений на Северном Кавказе», Болгарская исламская академия, г. Болгар, Республика Татарстан, 2023.

4. Ежегодная всероссийская конференция студентов, магистрантов и аспирантов «Академические диалоги 2024», секция: «Современный человек в условиях кризисов и неопределенности социальной среды», доклад на тему: «Проблемы и перспективы предупреждения этнорелигиозных конфликтов на Северо-Восточном Кавказе», РАНХиГС, г. Москва, 2024.

5. Научная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», секция: «Религия как

конфессиональный и общественный феномен», доклад на тему: «Тарикат в северокавказской умме: его место и роль», РАНХиГС, г. Москва, 2024.

6. Научная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего», секция: «Обеспечение национальной безопасности как условие развития России», доклад на тему: «Национальная безопасность России в контексте этноконфессиональной политики на Северо-Восточном Кавказе», РАНХиГС, г. Москва, 2024.

Структура работы

Диссертация структурирована в соответствии с поставленной целью и логикой научного исследования. Работа включает в себя следующие разделы: вводную часть, три главы, девять параграфов с подразделами, заключение, список использованной литературы и приложение.

Глава I. Политологический анализ становления этноконфессиональных отношений на Северо-Восточном Кавказе

§ 1. Теоретико-методологические основы политологического исследования этноконфессиональной политики

1.1. Модели этноконфессиональной политики

Под хрестоматийным определением политики понимается деятельность, связанная с отношениями по завоеванию, удержанию и использованию власти[17]. Иначе говоря, *политика (от др. греч. – государственная деятельность, город, государство) представляет собой: 1. совокупность ключевых качеств взаимной деятельности политико-правовых структурных органов государственного управления; 2. комплекс принципов и норм целеориентированного функционирования субъектов политической практики; 3. особенности коммуникации социально-общественных институтов, их взаимовлияние и соперничество на политической арене*.

Изучение этноконфессиональной политики в разрезе национальной политики и политической онтологии представляет собой междисциплинарную область научного знания. Исследования этой сферы имеют сложную политологическую методологическую структуру, подходы которой надлежит непрерывно сопоставлять и уточнять. Здесь чрезвычайно важна конкретизация понятий и определений, используемых в научном исследовании, таких, как: политика, этнос, религия, религиозный фактор, безопасность, конфликт и т.п.

Выявление политических импликаций в этнической и религиозной сфере составляет предметную область политической онтологии[18]. Методологический аппарат политической онтологии развивается в контексте ответа на вопрос о сущности политического бытия. Сущность политики в глубоком осмыслении

[17] Новейший политологический словарь / сост. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С.184.
[18] Поспелова О.В. Политическая онтология и ее методолого-теоретический контекст // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. – 2009. – Том 2, № 3. – С. 202-210.

предложил М. Вебер: «Политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которые оно в себе заключает»[19]. Особую роль в политическом участии исполняют действенные инструменты, механизмы и системы реализации управленческих намерений.

Полиэтническая и многокомпонентная религиозная государственная структура в условиях социально-общественной и политико-экономической динамики развития определяет специфичный этноконфессиональный компонент политики, сопряженный с участием в политической жизни акторов, ориентированных на этнические и религиозные структурные элементы социума.

Этноконфессиональная политика представляет собой особое направление в контексте развития российского государства в виде характерной политической практики и системы, взаимосвязанных едиными нормами, установками и инструментами политической власти, как совокупность концепций и системных методов, осуществляемых государством в отношении этносоциальных или религиозных групп в целях урегулирования государственно-религиозных, национальных, межэтнических и межконфессиональных отношений.

В качестве политической практики может выступать система активных действий по формированию предпосылок для реализации прав и свобод граждан, норм о свободе совести, деятельности религиозных объединений, этнических образований, реализации взаимодействия с ними. Фундаментом целеполагающей этнорелигиозной деятельности государства выступают правоустанавливающие принципы, нормы и ценности о роли религии, этничности, религиозных объединений, этнических образований в социальной сфере, их значении, области функционирования и полномочиях, как и всех иных акторов этноконфессионального политического процесса.

При рассмотрении политического процесса как результата воздействия его акторов на гражданское общество в комплексе локального, регионального и федерального масштаба, необходимо заметить, что характер политического

[19] Вебер М. Политика как призвание и профессия. – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 292 с.

процесса представляет собой продукт взаимовлияния его структурных частей на начальном, промежуточном и конечном этапах становления и развития[20].

Институциональная модель теоретического исследования этноконфессиональной политики представляет собой комплекс фундаментальных политических, социальных и правовых принципов, формирующих основу исследования в аспекте теории политических институтов. Предметность исследуемых политических институтов, экзистенция суверенитета права, догматических норм и правил с их воздействием на политическую систему, ее акторов и гражданское общество, формируют принципы институциональной теории: институтоцентризма, несводимости социального и естественного знания, методологического социализма (коллективизма), взаимозависимости и историзма.

Среди подходов в области институциональной модели выделяются конституциональный метод, подходы к государственному управлению и неоинституциональный метод политологических исследований (новый институционализм).

Конституциональный подход институциональной теоретической модели фиксирует изменения политических институтов посредством использования и соучастия формально-легального и либерально-реформистского методов для исследования трансформации политических структур. Подходы к государственному управлению позволяют исследовать политический процесс с учетом оптимальных предпосылок в синтезе установленной структуры и факторов деятельности органов государственной власти по осуществлению исполнительно-распорядительной и распределительной функций. Неоинституциональный подход представляет собой развернутое исследование политического процесса в концепции развития, методологического индивидуализма, асимметрии информации, политического оппортунизма, праксиологии, политического империализма и методов количественного анализа.

[20] Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: План и содержание курса. – СПб: Изд-во БГТУ, 2003. – 281 с.; Пачина Н.Н. Политические отношения и политический процесс в современной России: учебное пособие. – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2019. – 62 с.

Бихевиористская модель теоретического исследования этноконфессиональной политики представляет собой комплекс научного знания о политическом процессе на основе принципов объективности в прогнозировании развития политического процесса. Изучение устройства реализации власти, определение стимулов и поводов к осуществлению политической деятельности данной моделью предлагается на основе методов, предложенных рядом американских ученых: Б. Р. Берелсоном[21], П. Ф. Лазарсфельдом[22], Л. Г. Лассуэлом[23], Ч. Э. Мерриамом[24], Д. Б. Уотсоном[25] и др. Специфика бихевиористской модели заключается в наблюдении за деятельностью акторов политического процесса, групп и объединений через эмпирический подход, статистический анализ и политическое моделирование.

Исследование этноконфессиональной политики с использованием *системной модели* позволяет рассматривать политическую систему в комплексе взаимодействия всех ее элементов на основе общих принципов, норм и ценностных ориентаций. Данная модель призвана обеспечить всестороннее изучение этноконфессиональной политики в аспекте господствующих ценностных ориентаций элиты, транслируемых через политические институты, посредством контроля инструментов управления и коммуникации. Например, по мнению исламоведа М. Я. Яхьяева адаптация апологетики власти к местным условиям на Северном Кавказе реализуется через систему ценностей, которая обеспечивает «поддержку традиционного ислама и республиканскими властями, и такими этническими элитами, которые связаны с властями»[26].

---

[21] Berelson B.R. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign (Midway Reprint). – London: University of Chicago Press, 1986. – 416 p.

[22] Lazarsfeld P.F., Berelson B.R., Gaudet H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. – New York: Columbia University Press, 1968. – 178 p.

[23] Lasswell H.B. Politics: Who Gets What, When, How. – Albuquerque: Pickle Partners Publishing, 2018. – 137 p.

[24] Merriam C.E. New aspects of politics. 2d ed. – Chicago: The University of Chicago press, 1931. – 300 p.

[25] Watson J.B. Psychology as the Behaviorist Views It (1913) // Psychological Review. – 1994. – Vol 101, № 2. – P. 248-253.; Watson J.B. Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. – New York: Andesite Press, 2017. – 452 p.

[26] Яхьяев М.Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 86-90.

В процессе изучения базовых принципов этноконфессиональной политики на Северо-Восточном Кавказе важное место занимает *теория рационального выбора*, ключевым объектом которой является свободный индивид с качествами динамичного взаимодействующего субъекта, его духовно-нравственной ориентации и направлений деятельности на основе индивидуальных потребностей. В развитие данной теории внесли особый вклад такие ученые, как Д. Блэк[27], Э. Даунс[28], М. Олсон[29], У. Х. Райкер[30], Г. А. Саймон[31].

Политический процесс в данном подходе выглядит как осуществление каждым из его акторов рационального волевого выбора. Идейное политическое участие, согласно теории рационального выбора, является следствием поиска индивидуальных благ и пользы. При этом идейное участие остается. по сути, объективным, по характеру – субъективным.

Осмысление политического процесса в контексте вербальной и невербальной коммуникаций политико-социальных институтов характеризует *дискурсивную модель* политологического исследования. В развитие данной модели внесли вклад такие ученые, как: Р. Водак[32], Т. А. Ван Дейк[33], Э. Лакло[34], П. Ласлет[35], Ш. Муфф, Э. Саид[36], М. Фуко[37], Н. Фэрклоу[38] и др.

---

[27] Black M.A. The Theory of Committees and Elections. – Lancaster: Kluwer Academic Publishers, 1987. – 241 p.

[28] Downs A. An Economic Theory of Democracy. – New York: Harper & Row Publishers, 1957. – 310 p.; Downs A. Inside Bureaucracy. Rand Corporation. – Boston: Little, Brown, 1967. – 292 p.

[29] Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. – Cambridge: Harvard University Press, 1965. – 176 p.

[30] Riker W.H. The Art of Political Manipulation. – New Haven: Yale University Press, 1986 – 152 p.

[31] Саймон Г.Л. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. – 1993. – № 3. – С. 16-38.

[32] Wodak R., Meyer M. Critical Discourse Analysis: History, Agenda. Theory, and Methodology. 2nd revised edition. – London: Sage, 2009. – Pp. 87-121.

[33] Dijk T.A. van. Discourse and Context A sociocognitive approach. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

[34] Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy Towards a Radical Democratic Politics. Second Edition. – London: Verso, 2001. – 198 p.

[35] Laslett P. The world we have lost: further explored. 3rd ed. – New York: Charles Scribner's Sons, 2014. – 390 p.

[36] Said E.W. Power, Politics, and Culture. – New York: Vintage Books, 2001. – 512 p.

[37] Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 47-96.

[38] Fairclough N. Discourse and Social Change. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 257 p.

В целях реализации указанной модели политологического исследования применяются такие способы познания, как критический анализ дискурса, семиотический анализ, погружение в вербальный контекст (корпус) риторики, контент-анализ и моделирование политического процесса. Например, религиозный фактор является здесь средством коммуникации, формирования и передачи религиозных принципов.

Теории В. Ф. Парето[39] и А. Ф. Бентли[40] о политическом процессе как взаимоотношениях элит и социальных групп сформировали *модель микроуровневых исследований*. Согласно мнению В. Ф. Парето роль актора в политическом процессе выполняет властная элита, в противоборство с которой вступает контрэлита. При этом сам социум рассматривается в пассивном статусе.

А. Ф. Бентли выдвинул теорию о з*аинтересованных* социальных группах, которые противодействуют другим группам в приобретении ими государственной власти посредством неофициальных форм политического участия.

Исследования *динамических моделей* социальных изменений Г. Алмонда[41], Д. Трумэна[42] и Д. А. Растоу позволили взглянуть на политический процесс в призме его пространственно-временных характеристик. Модель, предложенная Г. Алмондом, предусматривает несколько фаз функционирования акторов политического процесса, связанных с трансформацией потребностей в интересы, определением политической устремленности и контроля за реализацией управленческих решений[43].

Концепция Д. А. Растоу характеризуется введением понятия о *динамической модели*, раскрывающей структуру политического процесса и взаимодействия ее

[39] Парето В. Социалистические системы / пер. с фр. – М.: РИОР, 2024. – 716 с.
[40] Bentley A.F. The Process of Government: A Study of Social Pressures. – Chicago: University of Chicago Press, 1908. – 502 p.
[41] Almond G.A. Political Theory and Political Science. The American Political Science Review. – 1966. – Vol. 60, № 4. – Pp. 869-879.
[42] Truman D.B.The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion. – New York: Alfred A. Knopf, 1962. – 584 p.
[43] Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: учебное пособие / пер. с англ. /под ред. Ильина М.В., Мельвиля А. Ю. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

составляющих частей. Например, переход к демократическому режиму и средства его становления, упрочения и развития имеют разнородный характер[44].

Политико-ситуационный анализ представляет собой обособленную модель политологического исследования, эффективную для изучения значимых политических событий и переходных политических процессов. Определение ключевых факторов, условий и связей значимых политических событий, выявление их категорий, выработка возможных сценариев развития и прогнозирование последствий составляют структуру политико-ситуационного анализа[45].

В результате взаимодействия многочисленных социальных групп, характеризующихся этнической или религиозной принадлежностью и особыми социальными институтами, этноконфессиональные волеизъявления приобретают политический характер. Политико-экономические и социально-общественные отношения имеют здесь ярко выраженный этнический и религиозный окрас. Инструменты мобилизации к политическому участию классифицируются по этническому и/или конфессиональному признакам. Минусом данной модели является поддержка элитой различных ценностей, но не интересов, что негативно сказывается на гармонизации политического процесса.

При планировании и осуществлении государственного управления необходимо учитывать непредсказуемость и волатильность внешних обстоятельств. Неустойчивые системы описывает *системно-синергетический подход*, представляющий собой модель самоорганизации сложно структурированных и далеких от устойчивости (синергетики) систем управления.

Чтобы способствовать устойчивому развитию, государственная этноконфессиональная политика должна учитывать не только этнорелигиозный контекст, но и общественный, региональный и глобальный (международный) аспекты на всех уровнях политической системы.

---

[44] Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. – 1996. – № 5. – С. 5-15.

[45] Смолин О.Н. Политический процесс в современной России: учебное пособие. – М.: Проспект, 2004. – 326 с.

Теория многосоставного общества отличается учетом интересов этнических, языковых, религиозных и идеологических групп и выражается в консоциативной модели управления, ориентированной на интересы национальных меньшинств. Эта теория предназначена для гармонизации сложных социальных структур, порождающих специфические трудности для обеспечения политической стабильности. Теория многосоставного общества была введена в политическую дискуссию во второй половине XX века.

Английский политолог Дж. С. Фернивал подчеркивал, что многосоставность общества проявляется через культурные различия[46]. Американский политолог Г. Экштейн отмечал, что институты гражданского общества стремятся к организации, повторяя существующие в обществе границы[47]. М. Смит утверждал, что многосоставность требует поддержания политического порядка с помощью принуждения и силы[48]. Концепции данных исследователей стали важным инструментом аналитических исследований политических процессов на многонациональных территориях.

В контексте изучения многосоставных обществ в российской политической науке стоит отметить работы американских политологов Д. Л. Горовица и А. Лейпхарта.

А. Лейпхарт отмечал, что в многосоставных обществах наблюдается явная сегрегация по различным признакам, что приводит к образованию политических партий, основанных на этих различиях[49]. В таких условиях политические силы часто представляют интересы конкретных этнических или религиозных групп, что может затруднять формирование единой национальной идентичности.

Д. Л. Горовиц подчеркивал: «Большинство государств этнически разделены, некоторые из них становятся ареной очень серьезных межэтнических конфликтов.

---

[46] Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. – Cambridge: Cambridge University Press, 1948. – P. 304.

[47] Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – P. 34.

[48] Kuper L. Plural Societies: Perspectives and Problems. Pluralism in Africa. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – P. 14.

[49] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 286 с.

Многие этнические группы пытаются представить государство «этнически наследуемым» – как если бы население этих государств было однородным или эти группы были единственными обладателями уникального права жить в этом государстве, а другие группы получили возможность жить рядом только из снисхождения. Поэтому сосуществование различных групп в этнически многосоставных обществах – очень сложная задача»[50].

1.2. Теории этноса

В контексте рассмотрения этноконфессиональной политики на первый план выходит понятие *этнос (от греч. – народ)*, что в своем содержании предполагает *стабильную общность людей, имеющих общую культуру, традиции, самосознание, исторически сформировавшуюся на конкретной территории*. Несмотря на некоторую схожесть понятий *этнос* и *нация*, они имеют определенные отличия.

В политическом содержании понятие *нация (от лат. – племя, народ) определяется историческим объединением людей, которое формируется в результате развития общности их территории, экономической сферы жизнедеятельности, культуры, языка и особого самосознания*[51]. Определение людей по признакам нации в прежние времена являлось эквивалентом современных социальных групп, совокупность которых стала основополагающим конструктом – цивилизацией.

В свою очередь этнос, характеризующийся признаками малоподвижности и архаичности, в условиях трансформации политических систем продолжает существовать вне зависимости от социальных изменений, что существенно отличает его от нации.[52]

[50] Горовиц Д.Л. Разрушенные основания права сецессии // Власть. – 2013. – № 11. – С. 189-191.
[51] Новейший политологический словарь / сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с.
[52] Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Нация и этнос: разграничение понятий в контексте глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6. – С. 26-32.

Р. Д. Липшуц в качестве общих теорий этничности представляет следующие модели: биологическую, примордиалистическую, модель воображаемого сообщества, защитительную и инструментальную[53].

Исследователи-этнологи Д. А. Лейк, Д. Ротшильд, Л. М. Дробижева, Ю. В. Арутюнян, А. А. Сусоколов в определении феномена этничности используют модели примордиализма, конструктивизма и инструментализма[54].

Работы В. А. Авксентьева, М. Р. Радовеля, Г. С. Денисовой и Д. Рекса отличаются моделями конструктивизма и примордиализма в комбинации с инструментализмом в анализе традиционных и постмодернистских систем[55].

При этом все вышеуказанные исследователи особо выделяют *примордиалистическую теорию*, определяющую этнос естественным и древним, обладающим автономностью от исторических процессов.

Ярким примером социобиологических оснований эволюции общества служит *теория пассионарности и этногенеза* Л. Н. Гумилева[56]. Теорию пассионарности отличает особая структура этносоциогенеза на основе культурно-исторических и социокультурных условий формирования человеческих общностей в процессе их коллективного взаимодействия.

Социоэволюционная теория Ю. В. Бромлея определяет этнос как «исторически сложившуюся совокупность людей на определенной территории, отличающихся едиными сравнительно устойчивыми особенностями языка, культуры, психики, а также сознанием своего единства и отличия от других похожих структур (самосознания), установленном в этнониме»[57].

---

[53] Lipshutz R.D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts // Lipshutz R.D., Crawford B. The Myth of «Ethnic Conflict»: Politics, Economics, and «Cultural» Violence Beverly. Berkeley: California University Press, 1998. – Pp. 54-55.

[54] Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: учебное пособие для вузов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.; Даллакян Д.С. Этничность этнонации: дифференциация концептуальных определений // Научный вестник МГТУ ГА. – 2013. – № 191. – С. 88-93.

[55] Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001. – 267 с.

[56] Гумилев Л.Н. Passionarium. Теория пассионарности и этногенеза: этногенез и биосфера Земли. Конец и вновь начало. – М.: АСТ, 2016. – 934 с.

[57] Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 333 с.

Теория этноцентризма, предложенная американским исследователем У. Г. Самнером[58], явилась примером примордиалистической модели, основанной на психологических концепциях, описывающих развитие этногенеза через качества психики. То есть, совокупность конкретных этнопсихологических свойств определяет этнос ключевым актором политического процесса.

Наиболее распространенными моделями структурирования этничности, являются *примордиалистическая* и *конструктивистская*. В первой модели в результате взаимодействия индивидов демонстрируется становление этнических признаков, во второй – в результате консолидации индивида с социальной системой показывается трансформация из одной структуры этничности в другую, чему сопутствует перестройка организации внутриэтнических взаимоотношений. Отличительной особенностью конструктивистской модели этничности выступает консолидация индивидов по этническим признакам на основании интенций, выработанных представителями интеллектуальной элиты, политических лидеров или инициативного этнонационального меньшинства.

Согласно *конструктивистской модели* нациестроительства функцию ядра субъектности выполняет этноэлита, которая мобилизует этническое большинство через определение приоритетных интересов, ценностей и управление потенциалом развития.

Концептуальный подход конструктивистской модели при рассмотрении процесса нациестроительства фокусирует внимание на синтетических свойствах этногенеза, в котором социальные группы интеллектуальной элиты, политических лидеров, инициативного этнонационального меньшинства оказывают фундаментальное движущее влияние.

Современный российский этнолог В. А. Тишков считает самоидентификацию, принадлежность и самосознание этноса и нации, основным конструктом, сформированным в процессе жизненного уклада и исторической деятельности. В целом, с данным подходом солидаризируются ряд научных

[58] Sumner W.G. Folkways: A Study of Mores, Manners, Customs and Morals. – New York: Cosimo Classics, 2007. – 704 p.

исследователей, этнологов, политологов западного и российского происхождения: Б. Андерсон, П. Бурдье, Э. А. Геллнер, Э. Д. Хобсбаум, В. А. Авксентьев, А. Г. Здравомыслов, А. С. Панарин и др.[59].

1.3. Определения религии и религиозного фактора

В контексте рассмотрения этноконфессиональной политики как правило используется институциональный подход к определению религии. *Религия (с лат. – благочестие, святыня; с польск. – совестливость) представляет собой социальный институт и форму общественного сознания, основанную на вере в высшие силы и сущности, обладающие сверхъестественными возможностями и являющимися объектом поклонения*[60].

Общности, обладающие особыми признаками этничности, отличает своеобразное религиозное сознание, религиозная деятельность и религиозные отношения. При этом религиозная деятельность и религиозные отношения делятся на культовые и внекультовые. Культовая религиозная деятельность заключается в отправлении религиозного культа, совершении религиозных обрядов и ритуалов, таинств и церемоний, богослужений. Внекультовая религиозная деятельность представляет собой отношения хозяйственно-экономического характера, образовательную, популизаторскую, педагогическую, административную, проповедническую и иные аналогичные виды деятельности религиозных объединений, включающие, в том числе, социальные проекты, участие в научных и практических мероприятиях, конференциях, собраниях и т. д.[61].

При изучении этноконфессиональных отношений в таком уникальном и специфичном регионе, как Северо-Восточный Кавказ, необходимо учитывать характер религиозных отношений. Он может иметь объективную сторону –

[59] См.: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001. – 267 с.
[60] Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т.В. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
[61] Энциклопедический словарь социологии религии. СПб: Платоновское общество, 2017. – 508 с.

отношения верующих друг с другом и с властью, так и субъективную – отношение верующего с собственной совестью и с Богом[62].

Как преобладающая религия на территории Северо-Восточного Кавказа ислам оказывает значительное влияние на политическую и социальную жизнь региона. Выполняя ключевую роль в формировании идентичности местного населения, он глубоко интегрирован в общественные институты, культурные традиции и политические структуры. Ислам не только определяет духовные и моральные ценности, но и, содействуя налаживанию связи между населением и государственными органами, принимает активное участие в трансформации социальной сферы.

Религиозные организации на территории Северо-Восточного Кавказа стали важными игроками в политической сфере, формируя общественное мнение и мобилизуя население вокруг религиозных идеалов и целей. Нередким явлением становится и политизация религии, когда «религия как социальный институт перестает ограничиваться духовной сферой жизнедеятельности и начинает выполнять политически значимые функции, такие как функция целеполагания, регулирования социальной жизни, легитимации принимаемых политических решений, и таким образом становится средством достижения политических целей»[63].

Как важный элемент культурной идентичности, религия является не только источником духовной поддержки, но и активным участником политических процессов. Религиозные общины играют роль посредников в диалоге между различными социальными группами, способствуя укреплению консолидации и взаимодействия в обществе. Усилилось их влияние на различные сферы жизни общества, что в результате отразилось на формировании общественного мнения и участии в социальных отношениях.

---

[62] Там же.

[63] Мурзина Д.Ш. Политизация религии в современной России. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография / науч. ред. Патеев Р.Ф., Сакаев В.Т. – Казань: Фолиант, 2017. –С. 58.

Предопределенность взаимодействия политики и религии в регионах Северного Кавказа продиктована историческими и культурными особенностями. В процессе исторического развития значимость религии укрепляли национально-освободительные движения и борьба за независимость горских народов. В периоды упадка доверия к Российскому государству происходила активизация дезинтеграционных идей *исламизма* (политического ислама).

В этнорелигиозных конфликтах религиозный фактор является важнейшим триггером в межэтнической и межконфессиональной сферах. *Фактор (лат. factor – делающий, производящий) – определенное событие или обстоятельство в процессе чего-либо*[64]. Фактор является основанием, обстоятельством, побуждающей энергией к возникновению и развитию события, действия или процесса и определяет основные признаки этого события.

В результате развития общественных отношений понятие фактора приобретает социальное значение. «Деятельность индивидов является социальным фактором, устанавливающим вариативность социальной сферы общества, при этом выделяют однофакторные и многофакторные или плюралистические» феномены[65].

Религиозный фактор отражается в виде идеологических основ политических партий и общественных движений, инициирующих и реализующих социальные реформы. Религиозный фактор занимает важное место в объединении людей, сохранении уникальности национальной культуры, становлении и развитии российского общества. Как важный элемент культурной идентичности, религиозный фактор способствует формированию ценностных ориентиров, укреплению моральных основ и созданию единства среди людей, объединенных общими верованиями и традициями, служа опорой для поиска смысла жизни и определения своего места в мире в условиях глобальных преобразований и социально-экономических потрясений. Вместе с тем, деструктивные религиозные

[64] Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т.В. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.
[65] Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. – М: Прогресс, 1990. – 808 с.

течения в целях реализации личных амбиций зачастую прибегают к использованию религии в качестве инструмента манипуляции общественным мнением.

Существует множество определений религиозного фактора.

Социолог М. М. Мчедлова определяет религиозный фактор, как «выражение духовных ценностей и сопровождающих значений в разнообразных политических и социально-общественных процессах и явлениях. Так, религиозный фактор может быть рассмотрен в нескольких проекциях: 1. трансцендентной (религиозная вера как взаимоотношения человека с Богом); 2. институциональной (деятельность религиозных институтов), идентификационной (конфессии как критерии различных уровней идентичности); 3. легитимизирующей (в эпистемологическом смысле); политической (выбор политических стратегий и практик); 4. субъектной (религиозные акторы как субъекты целеполагания); 5. идеологической (в политическом контексте); 6. правовой (отражение религиозных норм в светских законах)»[66].

Исламовед А. А. Нуруллаев считал, что религиозный фактор – это «специфическое обозначение функционирования религии и ее институтов в системе социальных, экономических, национальных и других отношений; все, что относится к религии и ее институтам как субъекту деятельности в разных сферах общественной жизни»[67].

Правовед Д. А. Пашенцев, в свою очередь, полагает, что «религиозный фактор является одним из главных элементов формирования российской правовой традиции, обуславливающим мотивы поведения субъекта права»[68].

Политолог В. Н. Рагузин считает, что «религиозный фактор можно определить как функциональное состояние и характер взаимосвязей и

---

[66] Энциклопедический словарь социологии религии. / ред. Смирнов М.Ю. – СПб: Платоновское общество, 2017. – 508 с.

[67] Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религия и политика: учебное пособие. – М.: КМК, 2006. – 330 с.

[68] Пашенцев Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6. – С. 172.

взаимодействия религии и ее компонентов с объектами влияния: обществом, политикой, культурой, государственной властью, нацией и т.д.»[69].

Религиовед В. В. Шмидт определял религиозный фактор как «понятие/термин, характеризующий влияние религии как социального института на иные, нерелигиозные стороны общественной жизни»[70].

Таким образом, социокультурный плюрализм и многогранность толкования теоретико-методологических положений предопределили некую перегруженность объема понятия религиозного фактора. Однако именно ценностное содержание религиозного фактора в современном политическом процессе вышло на первый план.

Ценностный *аксиологический подход* позволяет проследить влияние религии на политическую, социальную, экономическую, правовую и иные сферы общества. Таким образом, *религиозный фактор предстает как социальная субсистема, обладающая определенной этнорелигиозной спецификой и непрерывно влияющая на политическую, экономическую, правовую и другие сферы общества и государства посредством многоаспектных функций, принципов и ценностей культовой и внекультовой деятельности религиозных институтов.* Поэтому религиозный фактор способен оказывать как консолидирующее, так и дезинтегрирующее воздействие на политический режим и государство в целом.

Актуальность изучения религиозного фактора обусловлена его энергичным возрождением как феномена противоборства за сбережение и развитие этнокультурных ценностей и этнорелигиозной самоидентификации.

Следствием такой многоуровневой интеграции религиозного фактора стали изменения в стратегии политической деятельности и в ее институтах, служащих основой политического управления. Однако наряду с положительными тенденциями укрепления идеологических основ государственного строя, смещение социальных аспектов в сторону этнорелигиозной проблематики может производить

---

[69] Рагузин В.Н. Роль религиозного фактора в межнациональных отношениях. – М.: Изд-во РАГС, 1998. – С. 28.

[70] Телегин В.Н., Телегина С.В., Шмидт В.В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского союза // Евразия. Духовные традиции народов. – 2012. – № 2. – С. 93.

разногласия в социально-политическом пространстве, в первую очередь на этапе противостояния частных суждений политических акторов, политических идей и принципов, интересов этносоциальных групп или менталитетов разных культурных обществ[71].

1.4. Подходы к исследованию этнорелигиозных конфликтов

Одной из главных проблем этноконфессиональной политики является предупреждение этнорелигиозных конфликтов как угрозы безопасности политической системы поликонфессионального, многонационального государства.

Конфликт *(от лат. – столкновение)* – это форма политического процесса, отличающаяся явным противостоянием, конфронтацией политических сил, определенная противопоставлением их политических интересов, ценностей и взглядов[72].

В процессе социальных взаимодействий неизбежно возникают разногласия. Само по себе разномыслие в обществе не провоцирует конфликты. Например, философ П. Н. Савицкий подчеркивал: «Народ, в душе которого могут возникать и бороться великие идейные противоречия, тем самым, в известной степени, предуказан к великой исторической судьбе»[73].

Разногласия, противоречия и противопоставления всегда являются следствием человеческой активности. Вовлечение индивидов или групп в структуру социальных отношений и их многогранность связана с порождением, развитием разногласий в сферах совместной деятельности, противоречиями в потребностях и ценностях, а также возможностью возникновения непримиримых антагонизмов. Поэтому при анализе общественных отношений, взаимодействий и взаимовлияний в группе или обществе необходимо учитывать баланс между

[71] Мчедлова М.М. Религиозные смыслы в современной России: общество и политика // Религиозные смыслы в современной России. Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 403-418.
[72] Новейший политологический словарь / сост. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 119.
[73] Савицкий П.Н. Избранное. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 84.

духовными и материальными аспектами, уровнем осознанности и неосознанности источника проблем, а также различия в статусах участников социального диалога.

В условиях поликонфессиональности и многонациональности социума этнорелигиозный фактор в конфликтах приобретает превалирующую роль. Условиями перерастания противоречий в конфликты становятся радикальные разногласия политических интенций, наличие административно-территориальных, социально-экономических, культурно-исторических и иных претензий между государствами или субъектами одного государства. История развития национальных отношений показывает, что этнорелигиозные конфликты способны перерасти в региональные локальные войны. Поэтому для предупреждения конфликтов необходимо учитывать как национальные и религиозные особенности, так и региональную специфику[74].

Политолог М. Н. Казакова подразумевает «под регионом группу государств, выделяемую на основе общих исторических, экономических и геополитических особенностей»[75]. Она связывает региональное развитие с повышением экономического благосостояния населения и налаживанием партнерских отношений с другими региональными структурами.

Регион – геосистема, характеризующаяся комплексом этноконфессиональных, социально-экономических, культурно-языковых, исторических особенностей и иных взаимосвязанных свойств на определенной территории. С одной стороны, регион представляет собой территориальную единицу, район, область или часть государства, имеющую отличительные черты от других территориальных единиц в виде исторически сложившихся географических, этносоциальных и религиозных особенностей. С другой стороны, макрорегион составляет группа смежных государств, характеризующихся

[74] Политическая регионалистика и государственная региональная политика: российский опыт и перспективы: учебное пособие / общ. ред. Федякина А.В. – М: Проспект, 2021. – 352 с.
[75] Казакова М.Н. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России // Регионология. – 2011. – № 3 (76). – С. 41.

общностью национального состава и культурных традиций, географических, социально-экономических и иных факторов[76].

Российский исследователь Л. Г. Олех отмечает физико-географическую составляющую смены устоявшихся ценностных ориентаций[77]. При этом этнорелигиозный фактор выполняет функцию консолидации социума вне зависимости от существующего политического режима и трансформации физических границ региона.

В этой связи Н. П. Медведев правомерно замечает, что «проблемы многонациональности, при разных обстоятельствах и ракурсах научного исследования российских этнополитических процессов и этнополитической регионалистики должны изучаться, интерпретируя советское понятие *"равноправность"»*[78].

Макрорегиональный подход в исследовании регионов исходит из того, что историческая, культурная и религиозная общности в условиях макрорегионального соперничества и противоборства этногрупп и народов за экономические и политические интересы сами по себе предопределяют конфликты[79]. А трансформация политической системы посредством внедрения демократических основ, преобразования социально-общественных и межэтнических отношений, являются своего рода катализатором выражения разногласий этнополитических и этнонациональных процессов в регионе.

Реализация политического управления этнорелигиозной сферой в системах региональной и международной безопасности выступает одним из ключевых аспектов планирования государственной этноконфессиональной политики.

---

[76] Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т.В. – М.: Аделант, 2014. – С. 559.

[77] См. Олех Л.Г. Регионализм и федерализм: учебное пособие. – Новосибирск: СибАГС, 1998. – 218 с.

[78] Медведев Н.П. Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года. Часть1) // Вопросы политологии. – 2023. – № 1 (89). – С. 25.

[79] Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 264 с.

Основным условием нивелирования угроз и рисков государственного управления этнорелигиозной сферы выступает необходимость обеспечения в гражданском обществе такого порядка, при котором степень напряженности взаимодействия между его участниками будет препятствовать ее переходу в деструктивный процесс вооруженного конфликта.

Особое внимание следует обратить на тот факт, кризис в госуправлении создает условия, способствующие развитию радикальных идеологий, появлению сепаратистских движений и экстремистских группировок, которые формируются на основе этнорелигиозных особенностей такого региона, где «государство слабеет и конфликт становится более вероятным»[80].

Возникновение и развитие конфликта преодолевает несколько стадий трансформации, проходя через противоречия и вступая в непримиримое противостояние. Структурным элементом противоречий являются разногласия, формирование которых становится следствием нарастания проблем социальной справедливости.

В зависимости от соотношения ряда факторов конфликты могут принимать этнорелигиозную, этнополитическую, национальную, экономическую или иную окраску. *Региональный конфликт всегда преподносится как разрешение разногласий через радикальное военное столкновение акторов политического процесса на конкретной территории*. При этом в качестве акторов политического процесса могут выступать не только региональные государственные органы власти, местного самоуправления, но и этнорелигиозные группы интеллектуальной элиты, политических лидеров или инициативного национального меньшинства.

Этнорелигиозным особенностям конфликтогенного потенциала уделяется видное место в зарубежных и российских исследованиях проблематики региональных конфликтов. Представление о региональном или локальном конфликте возникло после Второй Мировой войны. А пик развития теории условий

[80] Lakes D., Rothschild D. Containing Fear: The Origins and Management of Ethnic Conflict. – International Security. – 1996. – № 2 (21). – P. 41

возникновения и развития этнорелигиозных конфликтов приходится на конец XX – начало XXI веков.

Среди конфликтогенных факторов на первый план выходят ценностные ориентации ультраправых мировоззрений, религиозного радикализма и этнического экстремизма. Посредством спекулирования культурными традициями, социально-экономическими противоречиями, духовно-нравственными ценностями, в условиях слабости органов власти и изъянов федеративного устройства, радикальная идеология получает благоприятные условия распространения среди широких социальных масс.

История развития вооруженных конфликтов прошлого столетия является ярким примером трансформации этнорелигиозного противостояния, даже незначительного, в котором религиозный фактор выступал в качестве триггера, консолидирующего значительные слои гражданского общества, тем самым существенно затрудняя разрешение конфликта и реализацию постконфликтного миростроительства.

История этнополитических конфликтов показывает, что конфликты, изначально выступавшие как этностатусные и этнотерриториальные, со временем обретают геополитический масштаб и становятся угрозой международной безопасности. К примеру, одним из ключевых условий развала Советского Союза и развития сепаратистского потенциала на территории России, по мнению Президента России В. В. Путина, является тот факт, что «продекларировав 20 лет назад суверенитет, тогдашние депутаты РСФСР в запале борьбы с союзным центром запустили процесс строительства национальных государств, причем даже внутри самой Российской Федерации»[81].

Академик В. А. Тишков отмечал, что в этническом конфликте противоборство осуществляется по направлению этнической общности,

[81] Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Вестник Российской нации. – 2012. – № 2-3. – С. 59-65.

общественных движений, преступлений против общественной безопасности и порядка, сепаратистских выпадов, в том числе гражданских войн[82].

Р. Д. Липшуц под этнорелигиозным конфликтом видит борьбу за государственную власть, подразумевая не только внутреннюю политику, но и действия глобальных сил, влияющих на внутригосударственную архитектуру[83]. Социально-общественная и политическая напряженность, конфликты на этнорелигиозной почве, вооруженный мятеж и гражданская война могут быть вызваны внешними процессами международных отношений. Такие конфликты являются следствием противодействия, как отдельному государству, так и коалиции государств, транснациональным коммерческим организациям, радикальным религиозным движениям и иным участникам политического процесса.

Таким образом, *этнорелигиозный конфликт становится крайним методом разрешения разногласий в области противоречия национальных приоритетов развития политике других политических режимов через столкновения в социально-экономической, социально-гражданской, общественно-политической или вооруженной форме, с мобилизацией конфликтующих участников, среди которых агрессор или жертва имеют ярко выраженные этнорелигиозные особенности*.

Методом предупреждения и разрешения этнорелигиозных конфликтов является разрядка, сопровождающаяся началом переговоров конфликтующих сторон. По мнению политолога Л. С. Перепелкина, в результате диалога, направленного на поиск совместных целей и способов урегулирования конфронтации, должны происходить обсуждение причин разногласий, столкновений[84], и планомерно исключаться взаимные претензии сторон. Итогом такого диалога выступает новый уровень отношений сторон конфликта, в котором снижается общая напряженность, происходит демобилизация, формируются

---

[82] Тишков В.А. О природе этнического конфликта // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 5-14.

[83] Lipshutz R.D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts // Lipshutz R.D., Crawford B. The Myth of «Ethnic Conflict»: Politics, Economics, and «Cultural» Violence Beverly. Berkeley: California University Press, 1998. – P. 44.

[84] Перепелкин Л.С. Межэтнические конфликты: причина возникновения и механизмы предупреждения // Конфликт – диалог – сотрудничество. – Бюллетень № 1 (сентябрь-ноябрь). Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. – М.: МОО ЦСПИ, 1999. – С. 8-9.

устойчивые механизмы для взаимовыгодного сотрудничества и предотвращения будущих конфликтов.

1.5. Политические основы региональной безопасности

Обеспечение безопасности региона подразумевает под собой такую деятельность, основным направлением которой является предотвращение, устранение и снижение угроз стабильной работы политической системы.

Согласно хрестоматийной интерпретации, под *безопасностью* понимается такое «положение, при котором не угрожает опасность кому-чему-нибудь»[85], а также, «состояние, тенденции развития и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности с объективно обусловленными инновациями в ней и свободное, соответствие ее собственной природе и ею определяемое функционирование»[86].

В широком социально-политическом контексте безопасность представляет собой определенный уровень защиты, который обеспечивает стабильное функционирование социальной или политической системы, позволяя ей выполнять свои основные задачи[87].

По мнению В. И. Мельникова, «региональная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в рамках субъекта (группы субъектов) Российской Федерации и органов местного самоуправления»[88].

Проблематика региональной безопасности в контексте участия религиозных организаций отражается в системном подходе, представляющим собой комплексный механизм, направленный на реализацию общественных и

---

[85] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: Мир и Образование, 2019. – С. 74.

[86] Социологический словарь / отв. ред. Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. – М.: Норма, 2008. – С. 47.

[87] Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография / отв. ред. Медведев Н.П. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 5.

[88] Мельников В.И. Роль и место региональной безопасности в общегосударственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М.: Издание Совета Федерации, 2010. – С. 11.

национальных интересов государства. Охватывая различные сферы, такие как политика, право, социальные отношения, институты и другие подсистемы региональная безопасность базируется на последовательном стратегическом внутреннем управлении.

Региональная безопасность в первую очередь определяется внутренней сбалансированной комплексной политикой формирования гармоничных межэтнических и межрелигиозных отношений в гражданском обществе, в котором чрезвычайно важно определение идеологических ориентиров регионального сообщества, а также выявление реальных и потенциальных угроз его интересам.

В системе региональной безопасности власти и институты на уровне Субъектов Федерации, сотрудничая с представителями гражданского общества, через совместную координацию и реализацию ключевых принципов стратегий государственной политики создают условия для успешной реализации мер по предотвращению деструктивных процессов, способствуют гармонизации межэтнических и межрелигиозных отношений и оказывают положительное влияние на жизненно важные сферы общества.

А. Ю. Кирьянов под региональной безопасностью понимает «состояние защищенности жизненно важных интересов Российской Федерации (прежде всего, ее многонационального народа) в сфере осуществления региональной политики от внутренних и внешних угроз»[89]. Определение целей и стратегий участников конфликта сопровождается установлением всех акторов возможного или имеющегося противостояния, в том числе и третьей (содействующей) стороны.

Региональную безопасности составляет совокупность мероприятий и принципов, направленных на обеспечение стабильности политической системы в рамках конкретного региона. Согласно нормативным положениям федерального законодательства, в процессах обеспечения региональной безопасности задействованы не только высшие должностные лица и федеральные конституционные органы, но и другие участники политико-правовых отношений,

[89] Кирьянов, А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ): автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – Н. Новгород, 2006. – С. 6.

такие как консультативные и совещательные структуры, федеральные и региональные власти, а также органы местного самоуправления[90]. Следует подчеркнуть, что к этому числу участников также относятся религиозные и общественные объединения, а также отдельные граждане, что подчеркивает многоуровневый характер системы.

Обеспечение условий по формированию устойчивой и безопасной этнорелигиозной среды возможно при наличии устойчивого, продуктивного взаимодействия государственных и общественных институтов, в том числе с привлечением представителей религиозных и этнических групп.

В свою очередь, при решении проблем региональной безопасности следует учитывать правовую подсистему с ее структурой и координацией деятельности религиозных объединений, представляющих собой важный аспект обеспечения общественного порядка и защиты прав граждан. Основой этой структуры служит комплекс федеральных и региональных нормативно-правовых документов, которые регулируют взаимодействие различных органов власти и организаций, задействованных в сфере безопасности.

Региональная безопасность, по мнению Ю. В. Косова, выступает в качестве структурного элемента международной безопасности в разрезе геополитических и финансово-экономических угроз суверенитету государства[91]. Социальное и экономическое благополучие, хотя и являются важными факторами стабильности, не могут служить гарантией защиты от радикальных деструктивных движений и идеологических течений. Борьба с этим явлением требует комплексного подхода, включающего не только силовые методы, но и активную работу по профилактике, противодействию идеологическому влиянию и устранению коренных идеологических причин, способствующих распространению радикализма.

---

[90] Федеральный закон РФ от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Правовой Сервер КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 02.08.2022).

[91] Косов Ю.В. Безопасность России: геополитический аспект // Внешняя политика и безопасность современной России. – 2002. – Т. 2. – С. 48-56.

Исторически сформировавшееся поликонфессиональная и многонациональная государственная целостность Российской Федерации в совокупности с общественными идеологическими принципами представляет собой стержень суверенитета и залог стабильности социально-общественного и политико-экономического развития государства и социума. Принципы социальной справедливости, равноправия и свободы являются незыблемыми в условиях развития многонационального государства, сохранения единой общности этносов с уникальными социокультурными элементами.

1.6. Политологический аспект международной безопасности

Классическое определение международной безопасности – это «состояние системы международных отношений, характеризующееся стабильностью мирового сообщества, основанной на соблюдении принципов и норм международного права»[92].

Правовед С. М. Иншаков считает, что международная безопасность – это «обеспечиваемая на международном уровне национальная безопасность, это такой стиль международных отношений, который отрицает войны и другие способы причинения вреда людям»[93].

О. А. Спирина и Л. В. Рожкова понимают под международной безопасностью систему международных отношений, основанную «на соблюдении всеми субъектами международных отношений общепризнанных норм и принципов международного права и исключающую разрешение разногласий и спорных вопросов с использованием силы или угрозы применения силы»[94].

---

[92] Новейший политологический словарь / сост. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С.145.

[93] Иншаков С.М. Международная безопасность: право силы против силы права // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – № 2 (831). – С. 186.

[94] Спирина О.А., Рожкова Л.В. Состояние системы международной безопасности на современном этапе // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2015. – № 2 (14). – С. 79.

Ю. В. Андреев уточняет правовой аспект международной безопасности «правом наций на самоопределение вплоть до отделения»[95]. Так, этнорелигиозный фактор широко используется для воссоединения представителей этноса, при самореализации национального меньшинства посредством формирования суверенного государства, при стремлении в получении земельных прав в процессе реабилитации народов, при изменении административно-территориальных или региональных границ.

Ю. С. Оганисьян дополняет юридическую проблематику международной безопасности понятием терроризма, стремящегося завладеть оружием массового поражения: «Терроризм тем более опасен, что способы и пути распространения оружия массового поражения исключительно разнообразны. <…> Известны попытки проникнуть в ядерные центры и арсеналы химического оружия»[96].

Соблюдение международных правовых норм всеми акторами международных отношений выступает ключевой проблемой международной безопасности в условиях современных вызовов и трансформаций мировых процессов.

Таким образом, *под международной безопасностью следует понимать интернациональный характер внешней политики, который не представляет угрозы ни для одного из государств*. Систему международной безопасности представляет комплекс мер, направленных на соблюдение общепринятых принципов и норм международного права в межгосударственных отношениях и в регулировании деятельности транснациональных компаний в целях минимизации применения насилия при разрешении конфликтов.

При этом, ключевыми принципами международного права являются: государственный суверенитет, сотрудничество и партнерство, равновесие сил и интересов, демократизация, превентивный диалог, сокращение вооружений и военного присутствия, а также гуманизация международных отношений.

---

[95] Андреев Ю.В. Проблемы суверенитета и международная безопасность // Власть. – 2011. – № 1. – С. 97-100.

[96] Оганисьян Ю.С. Международная безопасность: сетевой контекст // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 5. – С. 121-122.

«Защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России»[97], – являются ключевыми идеями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Стратегия отражает совокупность принципов по обеспечению национальной безопасности, долгосрочных приоритетов, установок внутренней и внешней политики по предупреждению угроз и созданию условий стабильного развития государства[98].

Реакцией на угрозы должна быть соответствующая политика обеспечения и профилактики безопасности. Например, в процессе купирования грузино-абхазского конфликта Д. А. Медведев обозначил гармонизацию межнациональных отношений как необходимое условие для устойчивого развития: «Северный Кавказ – это регион, в котором исторически проживают люди многих национальностей. И сегодня особенно важна планомерная работа в семье и школе, на местном и региональном уровне по формированию добрых межнациональных отношений и зрелого гражданского общества»[99].

Проблема обеспечения государственного управления в системе международной безопасности на Северо-Восточном Кавказе представляет собой один из предметов особого внимания федерального центра. Политика гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений здесь призвана

[97] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Правовой Сервер КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 02.08.2022).
[98] Там же.
[99] Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 2009. Правовой Сервер КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93657/ (дата обращения: 02.12.2023).

уделять внимание региональной специфике, положительным и отрицательным сторонам социально-политического устройства северокавказского общества, давать объективную оценку возможностям, методам, силам и средствам разрешения существующих противоречий и предупреждения возможных столкновений.

Формирование гражданского общества сопровождается значительными изменениями в отношениях между этнорелигиозными, социальными и другими группами. Уменьшение напряженности между религиозными и светскими стратами общества открывает пространство для взаимодействия множества мировоззрений, что, с одной стороны, является позитивным фактором, но с другой стороны, разнообразие, в условиях быстро меняющегося информационного поля и общественного сознания, может создавать новые вызовы и потенциальные конфликты. Государство должно предугадывать как возможности, так и риски, связанные с многообразием мнений и убеждений.

Системная трансформация управления должна опираться на вышеупомянутый принцип превентивного диалога, направленный на раннее выявление очагов напряженности, что требует не только соблюдения федерального законодательства в регионе и развития институтов гражданского общества, выступающих медиаторами в межкультурном диалоге, но и ужесточения контроля за деятельностью некоммерческих (религиозных) организаций, финансируемых из-за рубежа, проведения внеплановых проверок некоммерческих организаций – иностранных агентов территориальными органами Минюста России, а также проверок иных НКО, при выявлении нарушений которых необходимо введение соответствующих иностранным агентам ограничений.

Таким образом появление на политической арене новых идеологических течений, которые концептуально отличаются от устоявшихся традиций и используют религиозные символы и риторику для достижения политических целей радикальными методами, требует от государства жесткого и своевременного реагирования. В этой связи эффективным инструментом реализации национальной

и религиозной политики является жесткий контроль над популяризацией экстремистских политических идей.

§ 2. Идеократический механизм в национальных и религиозных отношениях

2.1. Религиозно-политический синкретизм

В условиях многообразия культур и религий современного мира становится все более очевидным необходимость сохранения и развития традиционных духовных и нравственных ценностей, которые служат основой для формирования идентичности цивилизаций, государств и их единства. Общие ценности и идеалы способствуют созданию среды для сосуществования и сотрудничества на основе уважения и доверия между разными слоями общества.

Общечеловеческие ценности способствуют установлению взаимопонимания между людьми, несмотря на различия в этническом и религиозном происхождении. Поддержание баланса между различными этническими и религиозными группами является критически важным для стабильности государства. Американские политологи Г. Алмонд и С. Верба сформулировали модельный подход к типологизации политической культуры. Они выделили парохиальную (приходскую), подданническую и участническую культуру[100]. В парохиальной культуре политические роли размыты, и опору власти представляют религиозные сообщества. Подданическую культуру отличает развитой властный аппарат, но у большинства – пассивное отношение к политике. Участническая культура – это идеал современной секулярной демократии. По мнению данных авторов политическая культура развивается от религиозной власти к демократии.

Однако на деле может происходить не только светский прогресс, но и архаизация политической культуры, возвращение к религиозным представлениям о власти. По мнению известного британского религиоведа К. Армстронг: «Религия

[100] См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. – М.: Мысль, 2024. – 500 с.

снова стала той внушительной силой, с которой пришлось считаться любым властям <…> и, без сомнения, будет играть важную роль во внутренней и внешней политике будущего»[101].

Религия на протяжении веков играла важную роль в формировании и развитии государственных институтов, выступающая в качестве инструмента легитимности власти.

В настоящее время социальное влияние религиозных организаций реализуется посредством формирования системы традиционных ценностей. Возвращение к религиозным корням и традициям является способом поиска идентичности и защиты своих интересов.

Особенность России заключается не только в ее уникальном историко-географическом положении и сочетании западных и восточных черт, но и в развитии традиций таких мажоритарных религий, как христианство, ислам, иудаизм и буддизм. Основной задачей внутренней политики России на протяжении всей ее истории была необходимость управления взаимодействием историко-культурных традиций и различных форм этнорелигиозного общения. Уважение этих традиций и культурных особенностей составляет основу величия Российской Федерации, крупнейшего государства в мире.

В результате изменений в социально-политических и духовно-нравственных принципах взаимодействия происходит политизация религии и формируется религиозно-политический синкретизм. *Религиозно-политический синкретизм характеризует клерикализация политических институтов, устремленность государственных деятелей к установлению в качестве политико-идеологических основ идей религиозного толка во имя обеспечения потребностей политической элиты.* Увеличение влияния религиозных организаций на политические структуры и желание государственных деятелей позиционировать религиозные идеи в качестве основных интересов политической элиты становятся условиями формирования религиозно-политического синкретизма.

[101] Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма. – М.: АНФ, 2013. – С. 13.

Ислам стал важным инструментом для консолидации общества и формирования коллективной идентичности[102]. На Северо-Восточном Кавказе наблюдается религиозное восприятие правовой системы и обостренное психоэмоциональное отношение к политическим событиям прошлого и настоящего: «Политика и религия начинаются там, где затрагиваются интересы больших групп людей, и поэтому зачастую эти сферы взаимопроникаемы, и граница между ними весьма транспарентна»[103].

Освобождение идеологии от религии началось с эпохи Просвещения, которая ознаменовала собой переход к рациональному мышлению и научному познанию. Этот процесс ценностной сепарации стал основой для создания новых социальных и политических структур, в которых идеологические аспекты начали играть ключевую роль в легитимации власти. Религиозные традиции, на протяжении длительного времени определявшие общественные отношения, уступили место идеологиям, основанным на рациональных и научных принципах, которые начали задавать направления для развития цивилизации[104].

В качестве системы взглядов и убеждений, идеология стала основой для формирования многих политических режимов и социальных движений, в то время как религия продолжала выполнять роль духовно-нравственного ориентира и источника психоэмоциональной опоры, особенно в сложные исторические периоды. Однако обе социальные сферы, религия и политика, начали с неизбежностью пересекаться. Так, на фоне кризиса социалистической идеологии наблюдалось возрастание влияния религиозных догматов[105].

Религиозные убеждения и практики могут оказывать значительное влияние на политические процессы, формируя общественное мнение и мобилизуя население вокруг определенных политических идей. Так, С. Хантингтон

---

[102] Религия и конфликт / ред. Малашенко А.В., Филатов С.Б. – М.: РОССПЭН, Московский центр Карнеги, 2007. – С. 109.

[103] Мурзина Д.Ш. Политизация религии в современной России. Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография / науч. ред. Патеев Р.Ф., Сакаев В.Т. – Казань: Фолиант, 2017. – С. 58.

[104] Трунов А.А. Человек, обретающий смыслы. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT, 2017. – С. 81-88.

[105] Seliger M. Ideology and Politics. – London: Allen & Unwin, 1976. – P. 16.

утверждал: «В современном мире религия – главная, возможно самая главная сила, мотивирующая и мобилизующая людей»[106].

О религиозно-политическом синкретизме приходится говорить, когда различные этнорелигиозные группы начинают использовать духовные символы и идеи для оправдания своих политических амбиций[107]. Этот процесс поляризует общество на «своих» и «чужих»[108].

В настоящее время Чеченская республика находится лишь «почти в правовом пространстве России»[109]. Несмотря на существующие федеральные законодательные нормы, закрепляющие принцип религиозной и национальной нейтральности, политические движения на Кавказе нередко используют религиозные ценности в своей предвыборной агитации. Это может способствовать дестабилизации общественного порядка и конфликтам между различными религиозными группами в борьбе за власть.

В целом политизация религии создает риск манипуляции общественным сознанием, подрывает доверие к институтам федеральной власти и производит социальную фрагментацию, в условиях которой успешно действуют деструктивные религиозные группировки. Религиозно-политический синкретизм характеризуется значительным влиянием религиозных объединений на региональное управление и, тем самым, подрывает основы светского государства. В этой связи фактическое утверждение правовых норм федерального законодательства, касающихся свободы совести и религиозной практики, создает условия для гармоничного сосуществования различных конфессий и верований.

---

[106] Huntington S.P. The Clash of Civilisations. – New York: Simon and Schuster, 1996. – P. 27.

[107] Муртузалиев С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). –Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006. – С. 108-142.

[108] Якубова С.З. Феномен экстремизма в аспекте трансформаций общественного религиозного сознания: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Махачкала, 2017. – С. 98.

[109] Фадеев В.А. Право – очень тонкая вещь // РБК. 2024, 3 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/03/12/2024/674c947f9a79474dd6f7fb6a?ysclid=mp2k0gsvm6952201370 (дата обращения: 15.05.2026).

Взаимодействие между государством и обществом представляет собой сложный и многоуровневый процесс, в котором соблюдение правовых норм занимает центральное место. Показателем качества государственного управления служит степень приверженности гражданского общества установленным нормам и принципам, предполагающее под собой не только осведомленность граждан о своих правах и обязанностях, но и активное участие в их реализации. Стимулирование правомерного поведения может осуществляться через обращение к моральным и духовным основам, формируемым идеологией и религией, а также через применение государством монополии на насилие, когда другие методы неэффективны. Ограничение политического влияния религиозных институтов достигается, в частности, путем отделения религиозной деятельности от политической агитации.

Такое разделение сфер ведения позволяет создавать пространство для более объективного и рационального подхода к управлению государством, где решения принимаются на основе анализа общественных интересов, а не узко конфессиональных религиозных догм.

В условиях активного и порой бескомпромиссного институционального участия религии в политическом процессе ее основные принципы и ценности искажаются, а религиозные учения, изначально призывающие к мирному сосуществованию, состраданию и единству, подменяются политическими идеологиями, направленными на достижение власти и контроля. Религиозные лозунги становятся инструментом манипуляции и используются для оправдания агрессии, дискриминации и ксенофобии. Вместо того, чтобы объединять людей, они начинают разделять их по этническому или религиозному признаку, создавая почву для социальных конфликтов[110].

Неофициальные взаимодействия религиозных институтов с органами государственной власти на Северном Кавказе обусловлены наличием возможностей у первых оказывать влияние на политические процессы. Остается

[110] Козлов М.В. Религиозный фактор в политическом радикализме на Ближнем Востоке. Вера и отчаяние. – Саарбрюккен: LAP Lambert, 2015. – 196 p.

актуальной задача привития уважения конституционных прав на свободу совести и вероисповедания для всех граждан, независимо от политических взглядов и предпочтений властей.

Современная Россия переживает период активного сближения религии и политики[111], что оказывает значительное влияние на общественные процессы. Такое взаимодействие государственных и религиозных институтов в регионе порождает определенный религиозно-политический процесс, в котором включение местных традиций и праздников в государственное законодательство[112] занимает особое место. Однако для дальнейшего развития Северо-Кавказского региона и сохранения автономии духовной жизни необходимо предотвратить вмешательство этнорелигиозных организаций в политическую сферу для получения преференций в ущерб другим этническим и религиозным группам. В противном случае это способно подорвать основы светского государства, призванного обеспечивать равенство всех граждан независимо от их вероисповедания, и, как следствие, привести к возникновению новых конфликтов на почве религиозных и идеологических разногласий.

Прогрессивное развитие Северо-Кавказского региона, включая сохранение автономии духовной сферы, напрямую зависит от способности государства поддерживать хрупкий баланс между религиозными и светскими институтами. Нарушение которого способно подорвать основы светского государства, призванного обеспечивать равенство всех граждан независимо от их

---

[111] Исаева А.А. Религиозный фактор и обеспечение национальной безопасности в многоконфессиональной жизни российского общества: конституционно-правовое исследование // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 442. – С. 229.

[112] Дагестан в честь Курбан-байрама объявил 6 июня нерабочим днем. Это уже стало традицией в регионах Северного Кавказа // Комсомольская правда. – 2025, 30 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/online/news/6399022/ (дата обращения: 21.11.2025).; Три дня выходных объявлены в Чечне в связи с празднованием Курбан-байрама // Комсомольская правда. – 2025, 3 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/online/news/6406177/ (дата обращения: 21.11.2025).; Курбан-Байрам объявлен выходным днем в Ингушетии // Соответствующий указ уже подписал глава республики // Комсомольская правда. 2025, 2 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/online/news/6403366/ (дата обращения: 21.11.2025).

вероисповедания, и, как следствие, привести к возникновению новых конфликтов на почве религиозных и идеологических разногласий.

Для дальнейшего развития региона и сохранения автономии духовной жизни критически важно сгладить влияние религиозных лидеров на политическую сферу, выстроив конструктивное взаимодействие, основанное на взаимном уважении и соблюдении принципов светского государства, чем будет обеспечен залог стабильности и процветания Северо-Восточного Кавказа.

Параллельно с этим на Северо-Восточном Кавказе складывается комплексная ситуация, нуждающаяся в одновременном укреплении стабильности и патриотической идеологии, опирающейся на глубокие исторические и религиозные корни. Основные задачи этого возрождения заключаются в повышении авторитета государственной власти среди религиозно ориентированных групп населения и в создании условий для более продуктивного взаимодействия между различными социальными группами. Ввиду того, что ценностные ориентиры политики транслируются через идеократический механизм государственного управления, они приобретают первостепенное значение для политического и социального развития общества.

2.2. Идеократия и идеократический механизм

В общественном сознании идеократия часто ассоциируется с жесткой формой правления, где идеологические доктрины становятся стержнем государственной политики, проникая во все аспекты жизни общества. Однако, если взглянуть на идеократию не как на самоцель, а как на методологический инструмент политической онтологии, открываются совершенно новые горизонты для анализа. В этом ракурсе идеократия предстает как мощный способ исследования общества через призму господствующих идей, позволяющий выявить глубинные закономерности и скрытые мотивы.

Традиционное понимание идеократии фокусируется на ее институциональных проявлениях: власти идеологов, доминировании

определенной доктрины, ее всепроникающем характере. Но при использовании идеократии в качестве методологического инструмента, акцент смещается.

Идеократический метод позволяет анализировать идеи, формирующие поведение больших групп и объединений, что дает исследователю возможность прогнозировать их действия и оценивать возможные варианты развития событий. Многообразие подходов к интерпретации идеократии в академической среде отражает ее востребованность, особенно в контексте современных политических трансформаций.

Идеократия рассматривается как «политический строй в государстве, когда правящий класс или правящая группа руководствуется при формировании и управлении обществом не имущественными или иными мотивами, а реальными или воображаемым идеалом, идеологической доктриной»[113]. Иными словами, идеократия является общественным строем, основанным не на предании и не на материальных интересах, а на сознательных идеях[114].

В целом, идеократия представляет собой форму управления государством, которая реализует себя в гражданском обществе и конфигурации власти посредством господствующей нормативно закрепленной системы идей и ценностных ориентаций и определяется идеологией как главным регулятором социальных взаимодействий и поведения людей.

Политическая элита, выполняя свои властные и управленческие функции в идеократической системе, должна основываться на поддерживаемых гражданским обществом ценностных принципах.

Идеократия *(от др. греч. – идея и власть)* возникает в результате взаимодействия идеологических позиций государства, политической элиты и потребностей гражданского общества. В результате данного взаимодействия формируется новая форма политической системы, в которой тесно связанная с политической структурой общества и системой управления идеология становится

[113] Маринченко А.В. Геополитика: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2009. – С. 415.
[114] Соловьев В.С. Идеократия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Том 24 / ред. Андреевский И.Е., Арсеньев К.К., Петрушевский Ф.Ф. – СПб: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. – С. 798.

главным регулятором процессов в стране. Особенно важным в этом процессе является следование совокупности идеальных элементов и их взаимосвязей.

Устойчивость идеократической системы зависит от способности политической элиты адаптировать и интерпретировать идеологические идеи в соответствии с потребностями и ожиданиями общества. Идеократический политический строй отличается особыми отношениями между политическими институтами, властью и гражданским обществом. В отличие от авторитарных режимов, где соблюдение норм и правил обеспечивается силой и принуждением, идеократия может успешно существовать и в демократических режимах, опираясь на систему идеологических и статусных инструментов, которые формируют у граждан внутреннюю мотивацию следовать установленным правовым принципам и нормам. В таком контексте гражданское общество выступает не просто как пассивный наблюдатель, но как активный участник процесса, где каждый субъект осознает свою роль и ответственность.

Пронизывающая все сферы жизни идеология создает условия для формирования основ, способствующих добровольному соблюдению норм, общих ценностей и традиций. Приняв эти ценности, участники межличностных и межгрупповых отношений начинают воспринимать их как свои собственные, что, в свою очередь, способствует укреплению их социальной сплоченности и стабильности всего общества.

Идеократия может восприниматься как в негативном свете преобладания абстрактных идей и ценностей над интересами государства во внутренней и внешней политике, так и в качестве основы гармоничного развития гражданского общества, способствуя устойчивости государственного управления и политической системы в стремлении к прогрессивным целям и развитию.

В идеале, основанный на насилии и принуждении политический режим является противоположностью идеократической модели управления. В то время как тоталитарные режимы стремятся контролировать и подавлять инакомыслие, идеократический строй, опираясь на формирующие правосознание общества высокие идеалы и ценности, обеспечивает гармоничное сосуществование и

развитие гражданского общества. В таком идеократическом строе власть осуществляется не через страх и принуждение, а через согласие и активное участие граждан. Более того, идеократия препятствует внедрению чуждых представлений и концепций в этнорелигиозное самосознание.

В условиях идеократического управления государством ценности и нормы, основанные на уважении к культурному и религиозному многообразию, становятся основой для формирования единого гражданского пространства, что помогает избежать конфликтов и напряженности, возникающих из-за различий в мировоззрении и культурных традициях.

Наличие в стратегических нормативно-правовых документах руководящих идей, идеологических концепций, ориентирующих поликультурное общество на следование нравственным нормам и образцам поведения, является основным принципом идеократического механизма в этноконфессиональной политике.

В этом контексте ключевой принцип гармоничного сосуществования между различными социальными группами включает в себя не только признание культурного, религиозного и этнического разнообразия, но и активное содействие созданию условий для формирования сбалансированных межрелигиозных и межэтнических отношений.

Румынский исследователь М. Мурариу считал, что идеократия неизменно оказывала влияние на стремительность политических реформ и преобразований в государственной структуре[115]. Мурариу подчеркивал, что идеократия не является статичной, она эволюционирует вместе с обществом, адаптируясь к новым вызовам и требованиям времени. При этом, эффективность идеократии в политической системе не является однозначной. В зависимости от степени ее интеграции, она может как стимулировать прогрессивные изменения, так и выступать барьером для реформ.

При этом особенно продуктивный характер функционирования идеократии может быть определен и в рамках патерналистских традиций, где уже налажены

[115] Murariu M. On Ideocratic Polities and Projects: Theoretical Considerations // Political Studies Forum. – 2023. – № 1 (1). – Pp. 37-46.

связи и учтены интересы различных социальных групп. В целях успешной реализации идеократического управления критически важно налаживание эффективного сотрудничества между государственными институтами и этнорелигиозными сообществами, что создает основу для доверительных отношений, в которых власть воспринимается как высшая, инклюзивная и справедливая инстанция, ориентированная на благополучие граждан.

Ключевая функция идеократического механизма заключается в выполнении роли направляющего вектора общественного сознания, определяющего развитие как элитных групп, так и общества в целом. В условиях культурного и религиозного разнообразия идеократия способствует социальной стабильности и гармонии, помогая выработать общие ценности, способные объединить различные группы населения. В этом контексте идеократия должна опираться на принципы истинности, уважения и понимания, которые должны стать основой государственной политики.

В XX веке идеократия способствовала укреплению самоидентификации этнических групп и наций, способствуя созданию уникальных культурных и социальных идентичностей. Механизм реализации идеократии реализовывался как на уровне отдельных личностей, так и в масштабах гражданского общества в целом[116].

Идеократический механизм представляет собой эффективный комплекс мер государственного управления, сформированный правящей политической элитой для утверждения, усвоения обществом и поддержания господствующей идеологии, ее принципов и ценностей среди этноконфессиональных организаций и иных субъектов гражданского общества на добровольной основе, с целью улучшения качественных характеристик общественной жизни, в соответствии с законодательно утвержденными концепциями развития государства.

Формируя атмосферу гармоничного сосуществования различных духовных традиций и обеспечивая стабильность в обществе, идеократический механизм

[116] Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – С. 44-46.

этноконфессиональной политики занимает важное место в религиозной жизни гражданского общества, устанавливая связь между государственным управлением и его идеологическими компонентами. Ориентированный на уважение и взаимопонимание между этническими и религиозными группами идеократический механизм государственной политики призван создавать условия устойчивого развития государства и способствовать укреплению этнорелигиозной гармонии и социальной стабильности.

В настоящее время идеократический механизм в этноконфессиональной политике определяется созданием условий, позволяющих минимизировать влияние деструктивных процессов, что имеет важное значение для политического и государственного управления. Формирование единых исторических традиций и ценностной системы общегражданской идентичности приобретает особую важность в поликонфессиональных и многонациональных обществах, так как появление отдельных этносоциальных групп, пренебрегающих общественными интересами ради реализации своих политических стремлений, резко ухудшает состояние гражданского общества.

«Политизированная этничность стала важнейшим принципом политической легитимации и делегитимации систем, государств, режимов и правительств, – утверждает профессор Колумбийского университета Дж. Ротшильд, – и в то же время эффективным инструментом для продвижения интересов в борьбе за власть, статус и богатство»[117]. Поэтому разработка механизма, способного учитывать идеологические и духовно-нравственные принципы в контексте реализации государственной этноконфессиональной политики, становится особенно важной для консолидации гражданского общества и определения его ценностных основ в контексте этнорелигиозных взаимодействий, особенно в свете современных вызовов и испытаний.

Недопущение политизации этнических и религиозных организаций до их трансформации в активных участников ключевых социально-общественных

[117] Rothschild J. Ethnopolitics, a Conceptual Framework. – New York: Columbia University Press, 1981. – P. 2.

преобразований составляет основную проблему реализации идеократических механизмов, направленных на успешное осуществление государственной этноконфессиональной политики и упрочение цивилизационного и государственного единства.

Каждое государство обладает своей уникальной системой ценностных ориентиров, формирующих его идентичность и определяющих способы существования и взаимодействия с другими цивилизациями[118]. Такие ориентиры транслируются в форме идеологических установок. Сохранение и укрепление этнокультурных ценностей, интеграция религиозных и этнических компонентов в гражданское общество должны происходить в соответствии с идеологическими установками органов власти.

Вместе с тем, дабы избежать практик подавления меньшинств и применения авторитарных методов управления, усугубляющих общее социальное напряжение, крайне важно учитывать интересы этнических и религиозных групп. Внедрение идеократического механизма в управление государством или отдельным регионом должно происходить через осознание обществом важности идеологических аспектов, транслируемых властью. Это может проявляться в различных формах: от образовательных программ и медийных кампаний до политических инициатив и законопроектов.

Существующее внутригосударственное и международное положение дел обладает серьезным потенциалом к усилению противоречий и разногласий на этнорелигиозной основе. Идеократический механизм обладает потенциалом купирования противоречий. Зачастую применение силовых методов является ошибочным решением. Недостаточная внимательность со стороны органов государственной власти к вопросам этнорелигиозной сферы, отсутствие должного реагирования на проблемы дестабилизирующего характера создают условия к проникновению и распространению деструктивных идеологий радикальных религиозных течений.

[118] Макаров Д.О. Фактор этнорелигиозной идентификации в международных отношениях / Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 3. – С. 356.

Государственная политика справедливо может как поддерживать, так и ограничивать свободу отправления определенных религиозных практик, что, в свою очередь, сказывается на общественном сознании и поведении граждан. Вместе с тем популяризация идеологических установок, противоречащих реальным потребностям и интересам гражданского общества, неизбежно приводит к напряженности, эскалации противоречий и конфликтов на этнической и религиозной основе, что может спровоцировать вооруженные столкновения и даже крах политической системы.

Первостепенной составляющей стабильности многонационального и поликонфессионального государства является общественное признание и поддержка основных концепций и ценностных ориентаций государственной политики. Поэтому недопустимо ущемление прав одной социальной группы или предоставление необоснованных привилегий другой.

В данном контексте фундаментальной прерогативой государственных институтов является обеспечение равноправия и защита прав и свобод всех членов общества, вне зависимости от их этнического происхождения или конфессиональной принадлежности, путем создания равных условий. Однако современный политический ландшафт характеризуется наличием существенных вызовов, способных дестабилизировать общественный порядок и спровоцировать конфликтные ситуации. При таких условиях, особенно в условиях повышенной угрозы гражданскому миру под воздействием деструктивных факторов, первостепенной задачей государства выступает эффективное управление этнорелигиозными взаимоотношениями, включающее ограничение общественноопасных практик. Следует отметить, что неправомерное применение силовых методов и провокационные действия, мотивированные политическими, социальными или этнорелигиозными причинами, наносят значительный урон общественному согласию и межэтническим связям.

Сохранение этнокультурных традиций, формирующих уникальную систему ценностных ориентиров как для индивида, так и для социума в целом, и тем самым стимулирующих активное участие граждан в общественной жизни, является

важным условием для обеспечения устойчивости государственности. Идеократический подход закладывает фундамент для развития многонационального гражданского самосознания. Объединяя людей вокруг общих ценностей и идеалов, идеократия становится мощным инструментом для построения гармоничного общества.

2.3. Религия и идеология

Накопленный опыт, глубокие знания и морально-этические принципы централизованных религиозных институтов позволяют им функционировать как уникальные площадки для совместного обсуждения и выработки решений, что, в свою очередь, способствует формированию ценностного единства в обществе, укрепляя его социальную ткань.

Способствуя конструктивному диалогу, выражению гражданских интересов и укреплению доверия к власти интеграция религиозных организаций в гражданские инициативы становится значимым элементом социальной структуры. Установление горизонтальных связей между религиозными организациями и гражданским обществом позволяет глубже понять потребности и ожидания населения, укрепляя взаимоотношения на местном уровне.

Оказывая существенное влияние на формирование общества, индивидуальное сознание и политические процессы религия и идеология играют многогранную роль. Их природа и функции кардинально различаются в зависимости от типа политического режима и общественного устройства.

В условиях жесткого идеологического контроля тоталитарных режимов религия превращается в мощный инструмент власти с повсеместным и принудительным внедрением идеологических (например, во Франкистской Испании и Туркменистане) или религиозных доктрин (как в Иране и Афганистане), что позволяет правящим кругам достигать своих целей, зачастую в ущерб интересам населения. В тоталитарных режимах духовные и идеологические ценности становятся мощными инструментами управления гражданским

обществом, позволяя правящим элитам удовлетворять собственные амбиции, игнорируя интересы и потребности общества.

В отличие от тоталитарных режимов, демократическое общество предлагает иную модель, в которой самореализация личности происходит с помощью компенсаторной функции религии или идеологии, позволяющей каждому человеку находить свой путь в жизни, основываясь на ценностях религиозной веры или на личных убеждениях.

Представляя собой полиаспектный этнокультурный феномен, религия выполняет важные функции в гражданском обществе: регулятивную, компенсаторную, мировоззренческую, консолидирующую и другие. Религиозные традиции способствуют самоопределению не только последователей различных вероисповеданий, но и целых народов. Религия позволяет устанавливать социальные связи между единоверцами, поддерживать этнорелигиозное единство и регулировать их поведение[119].

Религия обладает уникальной системой ценностей, основанной на священных текстах и догматах, формирующей духовные и моральные ориентиры своих последователей. В противоположность этому идеология представляет собой совокупность идей и принципов, базирующихся на прагматичных рациональных аргументах, направляющих социальное, политическое и экономическое поведение людей.

Согласно толковому словарю Ожегова[120], *идеология* представляет собой совокупность взглядов и идей, которые характеризуют определенную социальную группу, класс, политическую партию или общество в целом. Этот термин был введен в научный и политический лексикон французским философом и общественным деятелем Антуаном Дестютом де Траси в 1796 году. Слово *«идеология»* образовано от греческих слов *«идея»* и *«логос»*, которые в буквальном смысле означают мысль, концепцию, высказывание или суждение. Дестют де

[119] Ханбабаев К.М. Религиозный фактор в процессах миротворчества и народной дипломатии на Северном Кавказе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – С. 39-52.

[120] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. – М.: Мир и Образование, 2019. – С. 364.

Траси[121] предполагал, что идеология должна стать наукой о происхождении человеческих мыслей, однако этот смысл не прижился.

В научных источниках можно найти обширный список идеологических функций, среди которых основными являются: познавательная (когнитивная), прагматическая (легитимизирующая), интеграционная, мобилизационная и нормативная.

Неотъемлемой характеристикой любого общества является наличие определенных принципов, правил и взглядов, которые формулируются в контексте долгосрочных целей и задач и основываются на соответствующей идеологии. *Религиозная идеология представляет собой совокупность систематизированных идей и взглядов, обладающих социальной составляющей, которые объясняют происхождение и суть человеческой жизни, а также окружающую среду и общество, в котором живет человек*.

Взаимосвязь религиозной идеологии с социальным сознанием и психологией людей, а также ее эффективность для применения в государственной политике, зависит от информационного содержания и терминологии, понятной широким слоям населения. Помогая людям ориентироваться в трудных ситуациях и предоставляя четкие ориентиры для выбора между добром и злом, выработанные на протяжении многих веков духовно-нравственные ценности лежат в основе формирования личной и общественной морали. Религиозные учения обычно включают не только заповеди и предписания, но и глубокие философские размышления о человеческой природе, его предназначении и роли в мире.

Центральным элементом религиозной доктрины является постулат о причинно-следственной связи между действиями человека и их последствиями, как на личном, так и на общественном уровне, что акцентирует внимание на важности личной ответственности и осознанности в поведении. Вера в трансцендентные силы и установленные ими моральные принципы служит стимулом к добродетели и предостережением от пороков, что, в свою очередь, способствует социальной

[121] Траси А.-Л.-К. Д. де. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. – М.: Академический Проект, 2013. – 333 с.

гармонии, развитию здоровых межличностных отношений и формированию сплоченных сообществ, основанных на принципах согласия и взаимопонимания.

Формирование социальных связей индивида также обусловлено его принадлежностью к определенной этнической, национальной или религиозной группе[122]. Таким образом, специфические моральные нормы, духовно-этические установки и менталитет способствуют образованию субэтнических общностей. Взаимосвязь между религиозной идеологией, религиозным сознанием и этнопсихологией заключается в их взаимной обусловленности и взаимодополняемости. То есть религиозная идеология оказывает влияние как на индивидуальное сознание, так и на психологические характеристики конкретных субэтнических групп. Религиозные институции взаимодействуют друг с другом, создавая множество взаимосвязей. Благодаря им, вместо глобализации происходит глокализация – сохранение и усиление религиозного фактора и национальных традиций.

Методология политической онтологии в контексте глокализации и этнорелигиозных традиций позволяет рассмотреть закономерности формирования политической идеологии и гражданской идентичности[123]. Идеология основывается не только на доминирующем мировоззрении, но и включает в себя такие элементы, как определение целей и направлений развития, а также формы и методы их достижения. Этническая психология, в свою очередь, формируется на основе интересов и потребностей, нравов и обычаев, мировоззрений и идеалов, которые имеют свои особенности в каждой группе и стимулируют ее активность. Взаимное влияние и совместное проявление религиозной идеологии и этнической психологии становятся очевидными в функциональном контексте. Популяризация ценностных ориентиров и их внедрение в общественное сознание непосредственно

[122] Боков Х.Х., Алексеев С.В. Российская идея и национальная идеология народов России. – М.: ИПО Профиздат, 1996. – 96 с.

[123] Волчкова О.О. Онтология политического в контексте глокализации: новые смыслы в контексте конфликтной парадигмы развития: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Казань, 2019. – С. 4.

влияют на основные поведенческие установки личности, что приводит к формированию духовных ценностей, определяющих ее поведение.

Содержание религиозной идеологии, основанной на общечеловеческих нравственных ценностях, объединяет людей из разных социальных слоев и этнических групп гражданского общества и укрепляет национальные взгляды отдельных сообществ. Стремясь восстановить духовные и национальные ценности, многие этнические группы обращаются к религиозным убеждениям. Кроме того, религиозная идеология способствует единству различных народов, выделяя и подчеркивая общие моральные, этические и гуманистические ценности.

Идеология стала предметом изучения множества известных философов, экономистов, историков и социологов. В частности, в своем произведении «Немецкая идеология»[124] Карл Маркс и Фридрих Энгельс рассмотрели идеологию как совокупность образов и явлений немецкой философии. Исследуя это понятие, Карл Маннгейм в своей работе «Идеология и утопия»[125] развил гипотезы Маркса и Энгельса о том, что идеи и мнения зависят от социального положения субъекта, а не являются отражением объективной реальности.

Взаимодействие идеологической деятельности с образовательной, воспитательной, культурной, нравственной, эстетической составляющими определяет идеологию как первенствующий элемент многих сфер общества. Идеологические основы реализуются в ходе определенной деятельности, успешность которой зависит от процессов разработки понятийных и концептуальных основ, распространения политических взглядов в обществе, а также от осознания принципов и представлений общественности.

Социальная обусловленность идеологического процесса определяется стабильным обеспечением интересов общества. В настоящее время идеология более всего рассматривается как движущая сила, которая может либо укреплять

[124] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с.
[125] Мангейм К. Идеология и утопия: перевод. В 2 ч. Ч. 1. М.: АН СССР. Ин-т науч. информации по обществ. наукам, 1976. – 247 с.; Мангейм К. Идеология и утопия: перевод. В 2 ч. Ч. 2. М.: АН СССР. Ин-т науч. информации по обществ. наукам. 1976. – 151 с.

существующие политические и социальные отношения, либо приводить к их кардинальным изменениям[126].

Значительные изменения в ценностных ориентирах, представлениях о знаниях и познавательных процессах гражданского общества произошли с приходом эпохи модерна в к. XIX – нач. XX вв., оказав значительное влияние на развитие идеологических принципов и ослабив влияние религиозных норм.

Итальянский философ Антонио Грамши, жизнь которого пришлась на расцвет модерна, рассматривал религию, как «наиболее устойчивую и распространенную идеологию»[127]. Под религией он понимал не только как систему верований, но и мощный инструмент социального контроля и легитимации власти. Грамши акцентировал внимание на том, что религиозные идеи могут служить основой для формирования общественного сознания и поддержания существующих социальных структур.

Американский социолог Дэниел Белл высказывал мнение о необходимости отказа от религии, предлагая объединить ее с этическими принципами[128]. Он считал, что религия, как устаревшая форма идеологии, не соответствует современным требованиям общества и может препятствовать прогрессу. Белл подчеркивал, что этика, основанная на рациональных и гуманистических принципах, может стать более эффективной основой для формирования моральных норм и ценностей в современном мире.

В свою очередь, связывая идеологию с понятием светской религии, французский философ Р.К.Ф. Арон выдвинул концепцию, согласно которой в условиях утраты традиционными религиозными убеждениями своей силы и авторитета идеология становится особенно актуальной. Интеллектуальная элита, по мнению Арона, «хочет подчинить своей псевдоистине творчество духа,

[126] Матюхин А.В. Роль идеологии в общественных преобразованиях // Обозреватель – Observer. – 2017. – № 4 (327). – С. 6-14.
[127] Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1991. – С. 58.
[128] Bell D. The End of Ideology – with a New Afterword. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – P. 469.

деятельность общественных групп»[129]. Согласно теории Арона, светская религия формирует новую систему ценностей и нравственно-духовных стандартов, которые становятся основой идеократического управления гражданским обществом. В этом контексте идеология не просто служит набором идей, но и активно формирует общественное сознание, создавая комплексы государственных символов, взглядов, образов и оценок, что делает ее более приемлемой для современного светского общества. В этом смысле светская религия становится не только альтернативой, но и необходимым элементом поддержания социальной стабильности и единства в условиях разнообразия мнений и убеждений.

Классик социологии Макс Вебер считал, что религиозные идеи имеют важное значение в стимулировании людей к прогрессивной деятельности. Вебер подчеркивал, что «именно рациональные по своему замыслу, созданные интеллектуалами религиозные объяснения мира и религиозные этики в значительной степени проникнуты стремлением к последовательности, хотя в отдельных случаях они мало считались с необходимостью избегать противоречий»[130].

Соответственно, несмотря на свою рациональность, по Веберу, религиозные концепции могут не учитывать сложность человеческого опыта и многообразие социальных взаимодействий, что создает определенные трудности в понимании некоторых идей для их практического применения, где противоречия и неопределенности являются неотъемлемой частью жизни.

Понимая важность религиозных систем, формирующих духовные убеждения и служащих основой для организации общества и его доктринальных основ, британский ученый Т. Фитцджеральд рассматривал религию в качестве идеологии порядка[131]. В этом контексте религия, устанавливающая определенные нормы и ценности – регуляторы поведения людей, становится важным инструментом для поддержания социального порядка и стабильности.

---

[129] Арон Р. Опиум для интеллигенции: перевод с французского. – Мюнхен: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. – С. 233.
[130] Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. – М: Прогресс, 1990. – С. 308.
[131] Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 13.

Американский политолог Д. Маклеллан, напротив, сравнивая понятия идеологии и религии подчеркивал, что идеология может восприниматься в виде «самого неуловимого концепта во всей социальной науке»[132]. Исследователь аргументировал сложность и многогранность идеологии не только ее политическим измерением, но и культурным, экономическим и религиозным.

Маклеллан подчеркивал, что, подобно религии, идеология также формирует восприятие мира и оказывает влияние на поведение людей, хотя в зависимости от исторических и культурных условий ее содержание и проявления могут варьироваться.

Идеология способствует формированию определенного представления о структуре общества и роли индивида в этом контексте, что, в свою очередь, помогает человеку осознать свою принадлежность к этнической группе, и в целом – к обществу. Стремясь объяснить различные явления, идеология предоставляет интерпретацию этих событий. Устанавливая набор принципов поведения, она определяет ценностные ориентиры и условия для оценки различных феноменов, событий и их последствий. Через выявление склонностей социальных групп к определенным концептуальным системам и интересам, идеология преобразует их в политические субъекты.

2.4. Цивилизационный подход

Цивилизационный подход в исследовании религии акцентирует внимание на уникальных мировоззрениях и ценностях, присущих различным обществам. В этом контексте идеократический механизм, основанный на определенных идеях и ценностях, становится важным инструментом для разработки и реализации государственной политики. По мнению С. Ф. Хантингтона и других приверженцев этого подхода, религиозная идентичность социальной группы является ключевым фактором личностного самоопределения и имеет большее значение, чем

[132] McLellan D. Ideology. Concepts in Social Thought. – Minneapolis: Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 1986. – P. 4.

этническая принадлежность[133]. В целом подход Хантингтона не способствует формированию представления о единой российской цивилизации, разделяя ее на потенциально противоборствующие стороны. В этом ключе отечественный опыт межнационального и межрелигиозного взаимодействия, в отличие от стран Европы и Америки практически не знавший ни религиозных войн, ни идей расового превосходства, можно назвать уникальным диалогом культур, который может служить примером для всего мира[134].

Выдающийся российский ученый, первопроходец цивилизационного подхода, Н. Я. Данилевский внес значительный вклад в понимание влияния религии на общественную жизнь. В своих исследованиях он отмечал, что религиозная деятельность, способствующая формированию индивидуального сознания и этнокультурного единства, является важным связующим звеном между человеком и окружающей средой, необходимым для стабильного существования общества.

Ключевой концепцией работ Данилевского является идея о том, что важную роль в формировании духовно-нравственного идеала, который служит основой для личной нравственности и поддерживает существование государства, играют религиозные каноны «живущие в сознании всех или огромного большинства граждан государства, поддерживающие его жизнь независимо от правительства»[135].

Концепция специфического поведенческого стереотипа, характерного для определенных этнических групп, была разработана историком и этнологом Л. Н. Гумилевым. В своих трудах он акцентировал внимание на формировании таких стереотипов под влиянием религиозного сознания, которое оказывает существенное воздействие на культурные и социальные аспекты жизни этноса. Гумилев постулировал, что данный поведенческий стереотип является

---

[133] Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. – Vol. 72, № 3. – Pp. 22-49.
[134] Зорин В.Ю. Диалог культур против конфликта цивилизаций // Вестник Российской нации. – 2010. – № 1, 2. – С. 141-154.
[135] Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 383.

основополагающим элементом преемственности цивилизации, обеспечивая трансмиссию традиций и ценностей между поколениями[136]. Религиозное самосознание, по его мнению, не только формирует индивидуальные и коллективные установки, но и генерирует устойчивые поведенческие модели, становящиеся этноспецифичными. Несмотря на потенциальную изменчивость стереотипов под воздействием экзогенных факторов, их имманентная религиозная основа гарантирует устойчивость и историческую непрерывность этнической традиции.

Схожий концептуальный аппарат для анализа эволюции религиозных форм и практик был предложен американским антропологом М. Э. Спиро. Его исследования также фокусируются на преемственности религиозных традиций, рассматривая их в рамках социальной антропологии[137]. Спиро подчеркивает динамический характер религии, представляющей собой систему, где традиционные элементы находятся в постоянном взаимодействии с современными социальными взаимосвязями. В качестве различных компонентов религиозной практики он выделяет верования и социальные структуры, в совокупности формирующие религиозный опыт. В процессе исследования адаптации религиозных структур к социальным трансформациям Спиро обращается к влиянию культурных и исторических факторов.

Исследуя воздействие религии на общественную жизнь российского гражданского общества, российский философ А. С. Разин отмечает, что на протяжении длительного исторического периода выполняя разнообразные социальные функции религия оказывала существенное влияние на общественное развитие. Одним из ключевых аспектов этого влияния является формирование и укрепление этнической самоидентификации.

В условиях глобализации и культурного многообразия этнические группы в современном мире сталкиваются с необходимостью адаптации и трансформации.

---

[136] Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. – М.: Прогресс, Пангея, 1993. – С. 52.

[137] Spiro M. Religion: Problems of Definition and Explanation // Anthropological Approaches to the Study of Religion. – London & New York: Routledge, 1966. – P. 98.

Религиозный элемент становится важным фактором, способствующим объединению людей, обладающих общими культурными и историческими корнями. С учетом значимости религиозного компонента, этнические группы современности, стремясь реализовать свои национально-культурные устремления, активно изменяются и продолжают превращаться в этнорелигиозные объединения[138].

Духовные традиции имеют значительное влияние на формирование образа жизни, межличностные отношения и повседневную деятельность людей. Они пронизывают все аспекты жизни, воздействуя на то, как люди взаимодействуют друг с другом, как строят свои семьи и как воспринимают окружающий мир. Даже если отдельный человек не придерживается доминирующего в обществе вероучения, он все равно испытывает влияние тех духовных норм и ценностей, которые глубоко укоренились в культуре.

§ 3. Развитие религиозно-идеологической политики на Кавказе в Российской империи и СССР

3.1. Государственно-религиозные отношения на Кавказе в период Российской империи

Стратегическая ценность Северного Кавказа для России проистекает из ее внешнеполитических и экономических целей. Являясь естественным связующим звеном между Европой и Азией и обеспечивая выход к Закавказью, этот регион исторически служил важнейшим транзитным путем, признаваемый Россией на протяжении всего исторического периода его развития.

Благодаря своему уникальному географическому положению на пересечении континентов в сочетании с его богатым этнокультурным наследием, Северо-Восточный Кавказ всегда привлекал внимание ведущих мировых держав. На его

[138] Разин А.С. Специфика этноконфессионального фактора и формирование этноконфессиональных отношений // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2010. – № 2 (12). – С. 63-69.

территории переплетались культуры, и он не раз становился ареной как взаимодействия, так и конфликтов различных цивилизаций.

В Средние века на него оказывали существенное влияние такие крупные державы, как Арабский халифат и Хазарский каганат. Арабские завоевания принесли ислам, который оказал глубокое влияние на культуру и образ жизни местного населения. Хазарский каганат, в свою очередь, стал важным торговым и культурным центром, способствуя обмену идей и товаров между Востоком и Западом.

Можно с уверенностью утверждать, что исторический период XVI-XVIII вв. стал ключевым периодом в развитии Северного Кавказа, ознаменовавшись не только политическими изменениями, но и глубокими трансформациями в социальной и культурной жизни региона, став местом переплетения культур и традиций. В это время активное влияние на общественную сферу северокавказского социума оказывала Османская империя, стремившаяся расширить свои границы. Ее активное вмешательство привело к созданию таких этнотерриториальных образований, как Кабарда и Черкесия, ставших своеобразными буферными зонами между Османской империей и Россией.

Результатом стремления Османской империи в установлении контроля над Северо-Кавказским регионом в XIX веке явились «распространение политики турецкого султана на Кавказе, – и, как следствие, – агитация, поставки оружия горцам, пропаганда идей мюридизма и газават»[139] (*мюрид* – последователь, воспитанник; *газават* – набег). Используя активно проявлявшиеся антироссийские настроения, Османская империя проводила антироссийскую кампанию, продвигая идеи пантюркизма и панисламизма, щедро поддерживая своих проповедников[140].

Вместе с тем, ввиду столкновения интересов крупных держав, Северо-Кавказский регион стал территорией жестоких конфликтов. В этот период Иран и

[139] Митрофанова А.И. К вопросу о политике Османской империи на Кавказе в XIX в. // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2019. – № 1. – С. 240.
[140] Landau J.M. The politics of Pan-Islam: Ideology and Organization. – Oxford: Clarendon press, 1990. – 438 p.

Турция, как ведущие восточные силы, стремились укрепить свои позиции в этом богатом регионе.

Россия, в свою очередь, активно искала пути выхода к Каспийскому морю, что открывало доступ к важным торговым коридорам, связывающим ее с территориями, которые были населены народами нынешних Азербайджана, Армении и Грузии. Закавказье представляло экономический интерес и значительные перспективы для развития международных отношений, что делало его привлекательным для множества стран.

Свое влияние на Северный Кавказ пытались оказывать и такие европейские державы, как Англия, Франция, Швеция[141], видя в регионе возможность, для достижения своих геополитических целей. Как доминирующая религия в регионе ислам использовался для мобилизации местного населения и оправдания вмешательства извне. В этом контексте религия явилась ключевым фактором достижения внешнеполитических стратегических задач.

Влияние Ирана и Турции сохранялось и в более поздние эпохи, особенно в XIX и XX веках. Иран, обладая богатым культурным наследием, воздействовал на местные традиции и искусство, тогда как Турция, стремясь удержать свои позиции на Кавказе, поддерживала различные этнические группы и движения.

Россия же, будучи многонациональным и поликонфессиональным государством, во всей своей длительной истории уделяла большое внимание религиозной политике. Для эффективного управления Кавказом учитывались религиозные и культурные особенности коренного населения.

В Северо-Кавказском регионе религиозная политика царского правительства служила инструментом не только для усиления контроля, но и для интеграции различных этнических групп в единое российское общество, затрагивая все сферы общественной жизни.

---

[141] Федосеева Л.Д. Иностранное вмешательство в Кавказскую войну // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005, №4. – С. 15-19.; Гранкин Ю.Ю. Северный Кавказ в политических коллизиях XVIII в // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019, №2. – С. 14-20.

На Северо-Восточном Кавказе ислам появился раньше, чем в остальных частях региона, распространяясь в Дагестане с VII по XIV век. Этот процесс был сложным и многогранным: к XV веку ислам стал доминирующей религией горцев. Позже ислам проник и в другие народы региона, включая *джамааты (объединения горцев)* из северных районов Дагестана, Чечни и Ингушетии, что привело к формированию религиозной идентичности, объединяющей традиционные верования с исламскими практиками.

Социальное устройство Северо-Восточного Кавказа сложилось под влиянием смешения различных культур и религий. Одним из важнейших факторов этого процесса стало заселение региона русскоязычными группами – старообрядцами, православными, терскими казаками и другими. Этнорелигиозные отношения на этих территориях отличались своей сложностью, проявляясь и в процессах ассимиляции (например, переходе православных в ислам), и в сохранении одних из самых устойчивых религиозных общин, таких как горские евреи и шииты – второе по численности древнейшее направление в исламе после суннитов.

Стоит подчеркнуть, что укрепление позиций Российской православной церкви во многом было связано с поддержкой православия как государственной религии. Принятие православия местным населением предоставляло им более широкие права и свободы по сравнению с представителями других конфессий и играло роль ступени на пути к включению народов Северного Кавказа в состав российской империи. Одновременно империя способствовала сохранению этнорелигиозных традиций Кавказа, налаживала лояльность духовных лидеров и создавала условия для взаимовыгодного сотрудничества. В таком контексте духовные лидеры выступали посредниками между властью и населением, помогая поддерживать социальную стабильность и снижать напряженность.

Систему государственно-религиозных отношений в России начала XVIII века можно охарактеризовать как *цезарепапизм*, основанный на византийской модели христианства. Эта модель подразумевала тесную взаимосвязь между

Церковью и светской властью, где религия играла важнейшую роль в поддержании стабильности и процветании государства.

В рамках данной системы православие не только задавало моральные и этические ориентиры общества, но и служило основой для легитимности власти монарха. Отношения между государством и религией в основном были направлены на защиту государственной церкви, происходила «полицейская опека над религиозной жизнью общества и охрана не религиозной свободы, а религиозных устоев государства, прав и привилегий господствующей церкви»[142].

Выход из православия либо попытки изменить вероисповедание, могли иметь серьезные последствия для жителей страны. Власти строго контролировали религиозную практику, и в случае ее нарушения были предусмотрены серьезные ограничения прав и свобод. Все, кто жил на территории государства, были обязаны следовать каноническому праву, принятому на первых семи Вселенских соборах Православной Церкви[143].

Основной идеей Византийской системы христианства было гармоничное сосуществование светской и духовной властей. Государство активно поддерживало религиозные организации в их миссионерской деятельности, играя важную роль в укреплении православной веры не только через финансовую помощь, но и посредством участия в решении ключевых вопросов церковной жизни. В свою очередь, духовенство через церковную проповедь укрепляло преданность императору и государственным законам.

В результате значительного расширения границ Российской империи в XVIII – XIX веках государство стало полиэтническим и полирелигиозным. В этих условиях отношения между государством и Церковью стали особенно важны. Так, Петр I провел церковную реформу, кардинально изменившую взаимодействие между государством и религией, укрепил власть монарха в деле управления

[142] Ефимовских В.Л. Религиозные преступления в русском праве X – начала XX в.: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2002. – С. 11-12.; Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: к реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. – М.: Университетская типография, 1906. – С. 217.

[143] Бердников И.С. Краткий курс церковного права православной церкви. – М.: Нобель Пресс, 2011. – С. 234.

церковными делами. Попутно император пригласил в Россию большое количество инославных специалистов католического и протестантского вероисповедания. Полный контроль государства над Российской Православной церковью был достигнут путем упразднения патриаршества и создания Святейшего синода, в рамках которого решения принимались под контролем государственной власти.

Уникальность нового государственного органа, отвечающего за религиозные дела, заключалась в том, что в его состав входили как представители духовенства, так и светские деятели, что способствовало интеграции религиозной и государственной сфер. В этой связи важным шагом к централизации церковной власти стало учреждение должности обер-прокурора Синода. Основные принципы управления церковными делами и порядок работы Синода были определены «Духовным регламентом», опубликованным 25 января 1721 года[144], который стал основой для дальнейшего развития церковной структуры и ее взаимодействия с государственными учреждениями.

Государственная этноконфессиональная политика Российской империи «на присоединенных территориях осуществлялась с учетом административно-правовой системы, отношений земельной собственности, языка и культуры»[145]. В целом, этот процесс был сложным и многогранным. Несмотря на стремление власти сохранить элементы местного самоуправления и культурной самобытности, интеграция коренных жителей в российское общество сталкивалась с трудностями. Многие народы, исповедующие инославные религии, испытывали ограничения в своих правах и свободах. Политика царского правительства в области вероисповедания основывалась на интересах государства и учитывала реализацию

[144] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI. 1720-1722 гг. № 3718. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI. 1720-1722 гг. № 3480-4136 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 818 с.

[145] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 томах. Том 1. – СПб: Дмитрий Буланин, 1999. – С.62-63.

государственных интересов в отношении прежде всего православия и, только затем, иных религиозных и этнических групп[146].

Согласно Законодательству Российской империи, православное вероисповедание не только занимало доминирующее положение в религиозной жизни страны, но и было единственной конфессией, имеющей право на осуществление миссионерской деятельности. Даже после принятия царского манифеста о веротерпимости, статья 40 основных законов Российской империи, принятых в 1906 году, четко определяла статус религии в стране, подчеркивая доминирование православного христианства. Формулировка «Первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания»[147] свидетельствовала о том, что православие не только занимало центральное место в духовной жизни империи, но и играло ключевую роль в формировании государственной идеологии. Остальным конфессиям отводилось соответствующее им положение, и они имели гораздо больше свободы в самоуправлении, чем православная церковь.

Вести активную религиозную жизнь было дозволено *признанным терпимым исповеданиям*, к которым относились католицизм и протестантизм, в том числе *иноверные* – представители ислама, иудаизма и буддизма. Однако, несмотря на признание, терпимые религии испытывали ограничения, что подчеркивало сложные отношения между различными конфессиями в империи[148].

Старообрядчество и различные христианские секты, раскалывающие православие, относились к *непризнанным терпимым вероисповеданиям*. Их последователи стремились сохранить свои религиозные традиции и обряды, однако

---

[146] Шахов М.О. Вероисповедная политика Российского государства. Учебное пособие. – М.: Издательство РАГС, 2003. – С. 22-23; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX-начало XX вв.). – СПб: ЛИСС, 1998. – С. 131.

[147] Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). Статья 40 // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1915. – 744 с.

[148] Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906-1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук: 09.00.06. – М., 2000. – 318 с.; Клочков В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

часто сталкивались с жестким сопротивлением со стороны государства и официальной церкви, которые рассматривали их как преступников. Легальная деятельность была запрещена для *раскольников и еретиков*[149]. На эти религиозные меньшинства значительно влияло их иерархическое положение, каноническое признание и апостольская преемственность, а также степень признания или непризнания их вероисповедания[150].

Такая религиозная политика создавала атмосферу страха и недоверия среди религиозных меньшинств, из-за чего многим верующим приходилось скрывать свои убеждения и практики, что, в свою очередь, способствовало углублению раскола в обществе, несмотря на кажущуюся нормативную свободу: «Все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные и в подданство принятые, также иностранцы, состоящие на российской службе или временно в России пребывающие, – пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» – говорилось в статье 44 Основных законов Российской империи [151].

Законодательное отражение в Российской империи нашла обязанность каждого гражданина принадлежать к какому-либо вероисповеданию, вместе с тем, переход из других конфессий в православие осуществлялся без ограничений: «Свобода веры присвояется не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам: да все народы, в России пребывающие, славят Бога всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов, и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи», – утверждала статья 45 Основных законов Российской империи[152].

---

[149] Батуркин, А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // Власть. – 2009. – № 2. С. 77.

[150] Рейснер М.А. Государство и верующая личность: сборник статей. – СПб: типография товарищества «Общественная польза», 1905. – С. 159.

[151] Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1915. – С. 44-45.

[152] Там же.

Государство поддерживало этот процесс и предоставляло различные льготы «новокрещенным»[153], в то время как тех, кто препятствовал этому переходу, подвергали уголовному преследованию[154]. Однако православным христианам было запрещено переходить в другие вероисповедания, даже если это были христианские конфессии: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нея и принять иную веру, хотя бы то и христианскую»[155].

Период формирования государственно-религиозных отношений при императрице Екатерине II Алексеевне стал значимым этапом в истории России, отмеченным официальным признанием *принципа веротерпимости*: «В столь великом государстве, – отмечалось в Наказе императрицы самодержицы, – распространяющем свое владение над столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствия и безопасности граждан был порок – запрещение их различных вер»[156]. Инструкция для кодификационной комиссии гласила: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и

[153] См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713-1719 гг. № 2734 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713-1719 гг. № 2620-3479 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 781 с.; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728-1732 гг. № 5333 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728-1732 гг. № 5220-6293 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1018 с.; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XI. 1740-1743 гг. № 8664 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728-1732 гг. № 7997-8848 / сост. Сперанский М.М. – СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 990 с.; Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. – М.: Академкнига, 2001. – 366 с.

[154] Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906-1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук: 09.00.06. – М., 2000. – С. 16.

[155] Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). Статья 36 // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1915. – 744 с.

[156] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVIII. 1767-1769 гг. № 12949 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVIII. 1767-1769 гг. № 12812-13400 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1033 с.

самые зачерствелые сердца и отводит их от заматерелого упорства, утушая споры их, противные тишине государства и соединению граждан»[157].

Важным документом, отражающим стремление к гармонии и единству в многонациональном и поликонфессиональном обществе Российской империи, стал Указ, принятый 17 июня 1773 года в г. Санкт-Петербург Святейшим Правительствующим Синодом: «Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и ее величество из тех же правил, сходствуя Его Святой воле, и в сем поступать изволит, желая только, чтоб между подданными Ее величества всегда любовь и согласие царствовало»[158].

8 апреля 1783 года Екатерина II своим манифестом провозгласила готовность государства «охранять и защищать их храмы и природную веру»[159] магометан Кавказа и Крымского полуострова, ставших частью империи. В XVIII веке Российское государство активно применяло «мягкую силу» на Кавказе, используя православных миссионеров как ключевой инструмент. Эти миссионеры не только занимались распространением христианской веры, но и выполняли важные политические функции, что позволило Екатерине Великой заручиться поддержкой местных элит. В качестве примера можно привести позволившую привлечь на сторону России кабардинских князей и дагестанских ханов, предоставленную Российской империей финансовую помощь, превратив их в союзников в борьбе за укрепление российского влияния на Кавказе[160].

В данном ключе следует отметить, что, создавая специальные управленческие структуры для инославных религиозных организаций на

---

[157] Попов А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. – Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1904. – С.242.

[158] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIX. 1770-1774 гг. № 13966 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIX. 1770-1774 гг. № 11401-14222 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1083 с.

[159] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781-1783 гг. № 15708 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781-1783 гг. № 15106-15901 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1092 с.; Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. – М.: Академкнига, 2001. – С. 326.

[160] Кандур М.И. Мюридизм: История Кавказских войн, 1819-1859 гг. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. – 308 с.

присоединенных территориях, императрица Екатерина Великая продолжила курс Петра Великого, стремилась к укреплению централизованного управления и поддержанию единства в многонациональном и многоконфессиональном государстве. В связи с чем основанная на *принципах вероуважения* (веротерпимости) *и прагматизма* религиозная политика Екатерины II сыграла решающую роль в обеспечении стабильности империи[161]. Императрица прекрасно понимала, что успешная интеграция различных народов и культур в единое российское пространство напрямую зависит от эффективного управления религиозными общинами.

Вместе с тем, важными шагами для координации деятельности католических российских образований, а также мусульманских общин в Поволжье и Урале стали основание Римско-католической духовной коллегии в 1775 году и Уфимского магометанского духовного собрания в 1788 году[162], вскоре переименованного в Оренбургское магометанское духовное собрание в 1796 году.

Одним из ключевых шагов в административной реорганизации Российской империи, направленной на более эффективное управление и развитие Северо-Кавказского региона, стало создание Кавказского наместничества в соответствии с майским Указом Екатерины Великой в 1785 году. Это территориальное образование объединило Кавказскую и Астраханскую области с административным центром в Екатериноградe (современная станица Екатериноградская).

Пестроте религиозного портрета способствовало распространение православного вероисповедания: «Греческую церковь надлежит построить в крепости у ворот Кавказа (Владикавказе). Осетинскую Комиссию следует перевести в Георгиевск. В Екатериноградe следует учредить школу для обучения

[161] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М.: МПГУ, 2004. – С. 46.
[162] Ряжев А.С. Просвещенное духовенство при Екатерине II // Вопросы истории. – 2004. – № 4. – С. 45.

местного населения. Другую такую же следует открыть для изучения азиатских языков»[163], – гласил Указ императрицы Екатерины II.

Основные интенции вероисповедной политики в Северо-Кавказском регионе были православными: «С целью распространения Христианства среди горцев в Моздоке должно обосноваться Кажюсу, архимандриту грузинскому, откуда он будет руководить ходом религиозного развития на Кавказе. Там и в других местах должно устраивать ярмарки и торговые дома для поощрения торговли»[164].

В рамках реформы в уездных городах вновь образованных территорий были открыты административные учреждения, которые обеспечивали выполнение государственных функций. Введение городового положения в уездных городах стало важным шагом в развитии местного самоуправления. Позже, в результате дальнейших изменений, Кавказская область была преобразована в Кавказскую губернию, что способствовало более четкой структуре управления и улучшению взаимодействия между различными уровнями власти.

Своеобразный механизм осуществления судебной власти, сочетавший в себе элементы обычного права и религиозных норм, стал уникальной чертой Северного Кавказа не только в тот исторический период, но и в наше время. Свойственный северокавказскому обществу юридический плюрализм разделял регулирование социальных правоотношений нормами *адата* (этнических традиций или обычного права), применяемыми, как правило, дворянским сословием – беками и ханами, а также правовыми нормами на основе исламского права – *шариата* (правильный путь, образ действия) в практике местных религиозных лидеров.

«Сохранение адата было выгодно для самих правителей, которые сами нашли в нем поддержку и упрочение своей власти. Штрафы, взыскиваемые с виновных при решении дел по адату, составляли достаточно ощутимый размер прибытка и, как следствие, возможность установить новые нормы и разрешать по ним споры,

[163] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика. – М.: Академкнига, 2001. – С. 249.
[164] Там же, с. 252.

не стесняясь постановлений Корана, давали им могущественные средства – упрочивать свою власть»[165].

Одним из основных источников разногласий стали взаимоотношения нормативных оснований адатов и шариатского права. Исламские духовные лидеры способствовали замене адатов на шариат, что, в свою очередь, вызвало напряженность между сторонниками традиционного права и приверженцами религиозных норм. «Тот, кто решает дело по адату, – говорилось в одном из выступлений муллы, – делается некоторым образом соучастником Бога или как будто равняется ему в решении дел, тогда как никто не может сравняться с Богом; кто же воображает, что он как будто бы равняется Ему, тот неверный»[166].

Активное сотрудничество государственной власти с местной элитой в военной, судебной, административной, образовательной, религиозной и культурной областях северокавказского общества подразумевало реализацию прагматичной государственной стратегии, направленной на формирование у горского населения общероссийской идентичности и самосознания.

Первая половина XIX века, отмеченная началом присоединения Северного Кавказа к России, была временем сложных и противоречивых процессов в многонациональном и поликонфессиональном обществе региона: «Христианизация на Северном Кавказе так и не превратилась в один из главных инструментов российской политики. Напротив, российская экспансия стимулировала исламизацию на Северном Кавказе, в известном смысле способствовала консолидации внутри различных этносов, а также между ними»[167].

Религиозная политика российского государства была подвержена значительным изменениям на протяжении всей истории включения Северо-Кавказских территорий в состав российского государства. Ввиду воздействия внутренних и внешних факторов с учетом динамики изменения политической ситуации, царские институты власти вынужденно усиливали репрессивные меры

[165] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 153.
[166] Там же.
[167] Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – С. 79.

против исламских институтов в периоды обострения конфликтов с горцами, в то время как в более спокойные периоды предпринимались попытки диалога и сотрудничества.

Знаковым этапом в развитии отношений между государством и религией в северокавказском регионе стал исторический период развития государственных отношений на территории Северного Кавказа под управлением генерала А. П. Ермолова. Этот период охватил начало и первую половину XIX века и совпал с масштабными преобразованиями в административной и социальной жизни горского общества. Стремясь укрепить российское влияние в регионе, А. П. Ермолов инициировал ряд реформ, направленных на модернизацию управления и интеграцию местного населения, что затронуло административную, экономическую и культурную сферы. Столкновение интересов местных элит и государственных структур власти привело к возникновению национально-освободительного движения с ярко выраженным религиозным окрасом[168].

В этом контексте ислам стал не только духовной опорой, но и важным фактором политической мобилизации. Кавказская война 1817−1864 гг. стала кульминацией этих процессов, когда горцы, объединенные общими религиозными и национальными идеалами, начали активно противостоять российской местной власти.

При это инструментом интеграции и консолидации новых территорий императорская власть по-прежнему считала структуры Российской Православной церкви[169]. В период с 1860 по 1917 год в Тифлисе было создано Общество восстановления православного христианства на Кавказе под эгидой князя А. И. Барятинского[170]. Эта инициатива выполняла функцию идеологического инструмента, призванного укрепить лояльность населения к Российской империи.

---

[168] Дзарасов А.О. Российский имперский универсалистский вызов первой половины XIX века и реакция на него горцев Центрального и Северо-Восточного Кавказа: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – Владикавказ, 2016. – С. 96.

[169] Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе. 1861-1917 г.г.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Краснодар, 2005. – С. 45.

[170] Мусаев М.А. Попытки христианизации дагестанцев, как один из методов уменьшения влияния ислама и упрочения позиций Российской империи на Кавказе в середине XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2006. – № 1. – С. 83.

В рамках миссионерской деятельности широко применялись финансовые рычаги, что фактически сводилось к подкупу местных жителей. В результате, принятие христианства носило поверхностный характер, поскольку приверженность адатам и шариату сохранялась[171]. Для демонстрации уважения к местной культуре и религии, присяга на верность Российской империи включала регулярное чтение Корана и произнесение молитвы «За русского царя»[172]. Присутствие исламского духовного лидера при этом ритуале служило для создания видимости легитимности и искренности. Кроме того, правовая реформа, осуществленная в эпоху императора Николая I Павловича, оказала значительное влияние на взаимоотношения между государством и Церковью. Она способствовала кодификации норм и правил, регулирующих общественную жизнь, что, в свою очередь, усилило контроль государства над Церковью и ее зависимость от него. Это способствовало дальнейшему сближению светской и духовной властей и укреплению православия как государственной религии.

В результате реформы был введен ряд мер, направленных на сегрегацию других конфессий, что вызвало широкий общественный протест и недовольство со стороны различных религиозных групп. Например, «Польское восстание 1830 года породило серию антикатолических законов, направленных на закрытие католических монастырей, выселение польского монашествующего духовенства вглубь России»[173].

Крещенные евреи получали равные права с православными, однако к сохранявшим иудаизм применялись законодательные ограничения: «Всего за три десятилетия правления Николая I было обнародовано в общей сложности шестьсот законов и указов, ограничивавших права иудеев, нацеленных на подрыв основ их

[171] Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. –М.: Русская панорама, 2003. – С. 109.

[172] Арапов Д.Ю. Ермолов А.П. и мусульманский мир Кавказа // Вестник Московского университета. – 2001. – № 6. – С. 56.

[173] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VII. 1832 г. № 5506, 5508 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VII. 1832 г. № 5053-5876. – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – 1450 с.

экономической деятельности и общинного самоуправления, растворение последних в многоконфессиональном населении империи»[174].

6 февраля 1827 года император Николай Павлович издал «Учреждение о Управлении инородцев в Области Кавказской и в Губерниях: Астраханской, Таврической и Оренбургской», поставив его на контроль Сенату[175]. Открытие Кавказского областного управления в Ставрополе стало стратегически важным шагом. Руководитель управления, обладая полномочиями дивизионного начальника, подчинялся напрямую главному управлению войсками Кавказского края, что способствовало более эффективному взаимодействию между различными властными структурами и армией для обеспечения порядка и стабильности в регионе.

Во второй половине XVIII в. религиозный облик Кавказа начал меняться. Суфизм завершил свое распространение в Дагестане и начал проникать на территорию современной Чечни. Этот процесс был напрямую связан с активной проповеднической деятельностью *шейха* (первенствующего в народе) Мансура, чеченского *алима* (ученого знатока ислама) из аула Алды Ушурмы (1760 – 1794 гг.), принадлежавшего к чеченскому тайпу Элистанжи.

Вдохновляя местное население на принятие суфизма как пути к самосовершенствованию и духовному развитию, Мансур сыграл ключевую роль в его распространении среди чеченцев. Он стремился к объединению разрозненных чеченских тайпов на основе исламских ценностей и высоких моральных принципов. Однако, в условиях меняющейся исторической обстановки, проповедническая деятельность Мансура приобрела политический характер. Изначально сосредоточенный на духовных аспектах, призывавший к неукоснительному следованию нормам и положениям шариата, отказу от адатов и прекращению межэтнической вражды, Мансур оказался вовлечен в идеологическую борьбу, что привело к политизации суфизма.

---

[174] Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII-начале XX в.: монография / отв. ред. А.С. Туманова. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 208.

[175] История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX веках: учебник. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2004. – С. 82.

В контексте присоединения Северного Кавказа к Российской империи на первый план вышла идея газавата, воспринимаемая северокавказским обществом как освободительное движение и противостояние христианской экспансии. Газават объединил множество народов Северного Кавказа на этой основе. Идею и практику газавата развили Гази-Мухаммад и Шамиль, которые основали на Северном Кавказе исламское государство – Имамат. На протяжении 30 лет горцы защищали свои интересы в идеологическом и военном противостоянии с Российской империей. Сопротивление царской власти было настолько сильным, что только спустя пять лет после пленения Шамиля удалось подавить восстание. Однако и после капитуляции Имамата продолжали возникать локальные восстания.

Идея газавата была основана на *джихаде*. Это понятие включает в себя принципы борьбы с внутренними недостатками, страстями и негативными качествами (*нафс*), направленными на достижение состояния *хакикат* (истины). Концепции джихада и вооруженной борьбы не являются идентичными, а идеология *тариката* (суфийского направления, пути) не сводится к вооруженному противостоянию. Поэтому политика, проводимая Гази-Мухаммадом и Шамилем, подвергалась серьезной критике со стороны религиозных лидеров – шейхов и *устазов* (наставников).

Во многих научных и литературных источниках движение Шамиля против российской власти называется мюридизмом, что не совсем корректно. Суть служения мюрида заключается в его взаимодействии с наставником, шейхом или устазом, основной целью которого является постижение Божественного. Принцип полного и безусловного подчинения мюрида своему наставнику является основополагающим в тарикате, и его нарушение строжайшим образом недопустимо. Тем не менее, Гази-Мухаммад проигнорировал указания своего устаза прекратить вооруженное противостояние с Российской империей, за что был осужден суфийскими духовными лидерами.

Шамиль и Гази-Мухаммад использовали принципы тариката в политических целях, чтобы обосновать свои действия в вооруженной борьбе, хотя суфийские

лидеры не поддерживали сопротивление власти[176]. Придание газавату черт мюридизма явно искажает идеологическую суть тариката. Настоящие последователи тариката призывали лидеров имамата прекратить бессмысленное кровопролитие против более сильного противника, не покушавшегося на их религиозную свободу. Шейхи выступили за мирные переговоры, поскольку продолжение конфликта вело к ненужным жертвам среди местного населения.

Долгосрочная борьба с Российской империей продемонстрировала северокавказскому обществу бессмысленность военного сопротивления. Понимание тщетности политики, проводимой Шамилем и его сторонниками, ужесточение налогов и другие разногласия существенно подрывали доверие к власти в Имамате. Без преувеличения можно утверждать, что продолжение вооруженного противостояния могло поставить под угрозу будущее существование ряда кавказских этносов.

В указанный период поддержку населения получил последователь кадирийского тариката Кунта-хаджи Кишиев (1800 – 1867 гг.), предлагавший завершение вооруженного противостояния, проповедавший терпимость и признание имперской власти[177]. В основу его учения была заложена концепция Божьего милосердия, всепрощения, консолидация *уммы* (общины мусульман), борьба с нафсом и нравственно-этическое развитие с целью постижения Истины.

Призывая к завершению конфликта с царскими войсками и посвящая себя религии, Кунта-хаджи Кишиев сумел привлечь на свою сторону большую часть горцев, что вызвало значительное недовольство у Шамиля, который вскоре начал его открытое преследование. Масштабные гонения со стороны *наибов* (военачальников) имамата, вплоть до угрозы лишения жизни, заставили Кунта-хаджи покинуть Северо-Восточный Кавказ. Тем не менее, после пленения Шамиля Кунта-хаджи вернулся и продолжил свою проповедническую деятельность.

176 Эскерханов, Г.Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: дис. … канд. филос. наук: 09.00.03. – Грозный, 2011. – 185 с.
177 Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность. – Грозный, 2006. – С. 29.

Увеличение числа последователей Кунта-хаджи свидетельствовало о росте его авторитета и популярности, привлекая внимание властей, которые рассматривали его как потенциального лидера возможного восстания. Арест Кунта-хаджи Кишиева спровоцировал массовые народные волнения, достигших наивысшего подъема в городе Шали в январе 1864 года, известном как *восстание зикристов*, которое было жестоко подавлено царскими войсками.

Захват Кунта-хаджи Кишиева стал толчком для формирования новых братств в регионе, возглавляемых его последователями, такими как Хусейн-хаджи Гарданов, Чим-Мирза Таумерзаев, Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Мани-шейх Назиров, Батал-хаджи Белхороев и другими («Община последователей Батал-хаджи Белхороева – баталхаджинцев» признана террористической организацией в РФ[178]).

Подписанное в 1864 году мирное соглашение по итогам завершения Кавказской войны предусматривало присоединение к России Северо-Кавказского региона. Это вселило надежды у местного населения на новое руководство, которое должно было обеспечить «создание справедливой администрации»[179]. Основной задачей царской власти на Северном Кавказе стало формирование условий для адаптации местных народов к российским стандартам управления и культурным нормам[180]. Взаимоотношения между православной властью и исламом учитывали не только религиозные предпочтения местных жителей, но и их исторические традиции, обычаи и социальные структуры, что создавало сложности в этнорелигиозных отношениях при стремлении к гармонии и стабильности в обществе[181].

Этнорелигиозные особенности Северного Кавказа в контексте государственной национальной политики заставляли царских наместников

---

[178] «ВС России признал движение «баталхаджинцев» террористической организацией» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – 2026, 14 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsrf.ru/news/37935 (дата обращения: 14.10.2026).

[179] Муханов В.М., Запальский Г.М. Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857-1864 гг.) // Вопросы истории. – 2006, – № 12. – С. 134.

[180] Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – С. 35.

[181] Матвеев В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы. – Ростов н/Д: Кубанское отделение «Русского исторического общества», 2004. – С. 8.

проявлять осторожность в отношении культурных традиций местного населения. В этой связи они были вынуждены учитывать существующий полиюридизм, в котором судебные разбирательства проводились с учетом адатов и шариата[182]. «При таком порядке шариатом решалось множество споров и тяжб всякого рода между мусульманами»[183].

Начальник штаба Кавказского корпуса генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский признавал, что «в мусульманском населении самый враждебный нам элемент есть духовенство»[184].Поэтому в целях сохранения политической стабильности была установлена культура уважения к исламу со стороны российской власти: «На преданность мусульманских подданных рассчитывать можно лишь при условии, если требования правительства и агентов его органов, что они не будут затрагивать их религиозных понятий и противоречить законам шариата»[185]. Так, религиозные лидеры города Дербент первыми присягнули на верность российскому государству, получили официальное признание и укрепили свои позиции в обществе[186].

Избираемые местными жителями духовные лидеры – *кади и муллы* играли ключевую роль в управлении местными общинами на Северо-Восточном Кавказе. Одобрение их деятельности со стороны государственных властей России способствовало легитимности и доверию к власти со стороны населения[187].

Осуществляемое религиозными лидерами правосудие «по адату и шариату и по правилам, постепенно составляемым на основании опыта и развивающейся в

---

[182] Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Том 2. – Тифлис: типография «Гуттенберг», 1907. – С. 111.

[183] Газимагомедов Р.Ш. Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – 2014. – № 5. – С. 164-171.

[184] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). – М.: МПГУ, 2004. – С. 128.

[185] Торнау Н.Е. Особенности мусульманского права. – СПб: Типография Академии наук, 1892. – С. 85.; Торнау Н.Е. Изложение начал мусульманского законоведения. – М.: Адир, 1991. – 641 с.

[186] Газимагомедов Р.Ш. Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – 2014. – № 5. – С. 164-171.

[187] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1988. – С. 282.; Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Махачкала, 2003. – С. 16.

них потребности»[188], подтверждалось «Положением об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом», принятым 5 апреля 1860 года.

Соблюдение установленной процедуры обеспечения законности религиозных лидеров в судебных делах требовало от государственных органов создания условий для их обучения. Аттестат о завершении обучения выдавался только после получения письменного подтверждения о лояльности к российскому государству и отсутствии связей с запрещенным в то время мюридизмом[189].

Финансовая поддержка религиозных лидеров со стороны государства способствовала не только конкуренции между ними, но и создавала условия для замены их на более лояльных власти[190]. Кавказский ислам не был отнесен к Оренбургскому управлению, фактически оставаясь автономным. Власти пытались создать особое управление для Северного Кавказа, но к 1917 году эта проблема так и осталась нерешенной[191].

Мечеть служила основным местом для проведения религиозных обрядов северокавказских народов, а также для обсуждения и решения вопросов жизни джамаата[192]. Вместе с тем, со стороны царской администрации, вполне обоснованно считавшей, что притеснение мусульман может привести к «гибельным последствиям»[193], северокавказская умма пользовалась свободой религиозной проповеди и образования: «Самым главным оружием, которым мусульманское духовенство поддерживает и распространяет свое влияние на народ, бесспорно, служат мечетские школы мектебы и медресе» – говорилось в докладе о положении дел в Дагестане за 1869 год[194]. Местная власть сетовала на то, что «мусульманские школы не имеют никакого цивилизирующего значения и

---

[188] Там же.
[189] Там же.
[190] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – С. 201.
[191] Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. – Махачкала: Дагестанский научно-исследовательский институт, 1927. – С. 20.
[192] Сулаев И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917-1991 гг.). – Махачкала, 2009. – С. 176.
[193] Газимагомедов Р.Ш. Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX – начале XX вв. // Вопросы истории. – 2014. – № 5. – С. 164-171.
[194] Там же.

составляют свой отдельный, совершенно замкнутый и недоступный наблюдению не принадлежащих к поклонникам Магомета мир»[195].

Государственно-религиозные отношения достигли высокой степени напряженности в период правления Александра III, когда политику в сфере вероисповедания формировал К. П. Победоносцев, занимавший пост обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода с 1880 по 1905 год. Его политический консерватизм и желание сохранить контроль государства над Церковью отразились в замораживании религиозной политики страны: «Самая древняя и самая известная система отношений между Церковью и государством есть система установленной или государственной Церкви, – утверждал Победоносцев, – Государство признает одно вероисповедание из числа всех истинным вероисповеданием и одну Церковь исключительно поддерживает и покровительствует»[196].

Победоносцев отвергал идеи веротерпимости и считал, что укрепление «элемента веры в народе с охранением консервативных начал, которыми не может пренебрегать никакое правительство»[197], одним из стержней консервативных контрреформ. Обер-прокурор также считал, что свобода совести приведет лишь к тому, что «враги наши отхватят у нас массами русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами и прочим, и мы потеряем их навсегда для церкви и отечества»[198].

В результате значительных изменений в религиозной политике Россия столкнулась с заметным ростом недовольства среди различных этнических и религиозных групп, осуществляя «великодержавное наступление на права неправославного населения страны»[199]. Существенным шагом реформ стало

---

[195] Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. – Махачкала: Алеф, 2014. – С. 315.

[196] Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М.: Развитие духовности, культуры и науки, 2004. – С. 220.

[197] Победоносцев К.П. Государство и церковь. Борьба государства с церковью в Германии // Гражданин. – 1873. – № 34. – С. 917.

[198] Цит. по: Полунов А.Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и Церковь в эпоху Александра III. – М.: АИРО-XX, 1996. – С. 98.

[199] Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция

императорское постановление 1881 года, которое привело к упразднению института наместничества на Кавказе, что не осталось без последствий. Политика по строительству единой нации стала более агрессивной и ярко выраженной, что вызвало рост социальной напряженности и множество конфликтов на этнорелигиозной почве.

Ощущая давление со стороны центральной власти и теряя свои культурные и религиозные идентичности, горцы начали активно сопротивляться. Религиозные разногласия, помимо подрыва региональной стабильности, способствовали возникновению новых этнических и религиозных объединений, призванных отстаивать их права.

Несмотря на сопротивления со стороны правоконсервативных политиков[200] глава Совета министров Российской империи С. Ю. Витте пролоббировал закон от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»[201]. Закон предписывал «подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»[202].

В 1905 году в связи с ростом революционного движения в России в целях исключения социально-общественной напряженности государственная власть предприняла ряд попыток преобразования государственно-религиозных отношений. Виднейшим событием явилось издание 17 апреля 1905 года именного Указа императора Николая II Правительствующему сенату «Об укреплении начал веротерпимости». Этот нормативно-правовой акт предоставил широким слоям

80-х – начала 90-х годов. – М.: Мысль, 1970. – С. 117.

[200] Пинкевич В.К., Золотых С.В. Вероисповедные реформы П.А. Столыпина в контексте преобразований в российской империи начала XX века // Электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2019. – № 1. – С. 20.

[201] Там же, с. 21.

[202] Указ Николая II от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Сайт Конституции Российской Федерации. Список актов конституционного значения 1600-1918 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://constitution. garant.ru/history/act1600-1918/3080/ (дата обращения: 06.07.2023).

населения право свободного выбора религии, однако государство продолжало сохранять привилегированное положение православия, включая участие его представителей в Государственном совете и при выборах в Думу. Переход из одной религии в другую стал свободным, а права представителей других вероисповеданий были расширены, включая преподавание религии. Старообрядцы и «сектанты» получили равные права с другими признанными религиями.

С. Ю. Витте вспоминал: «Я питал надежду, что если указ этот будет скоро приведен в исполнение, то значительно ослабеют неудовольствия, но, по обыкновению, сначала я встретил апатию, затем интриги, а в заключение недоверие государя ко всем реформам, намеченным указом»[203].

За Указом о веротерпимости последовал императорский Указ от 26 февраля 1905 года «О восстановлении должности наместника кавказского» на территориях Закавказья и Северного Кавказа, за исключением Ставропольской губернии. Относительно стабильная обстановка на Кавказе обеспечивалась политикой графа И. И. Воронцова-Дашкова. Впрочем, граф прогнозировал ухудшение положения в регионе: «Именно от мусульманского населения Кавказа в будущем России следует опасаться сепаратизма и вспышек религиозного фанатизма, и, прежде всего из-за соседства Кавказа с мусульманскими государствами»[204].

Другим важным законодательным актом Николая II стал «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года, которым император повелевал: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»[205].

Имевшие место в России в начале XX века революционные террористические события существенно изменили подход к религиозной политике.

---

[203] Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II Том 1. В 3х томах. 2-е изд. – М.: Госиздат Ленинград, – 1924. – С. 290.

[204] Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. – СПб: Государственная типография, 1913. – С. 9.

[205] Высочайший манифест Николая II от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Сайт Конституции Российской Федерации. Список актов конституционного значения 1600-1918 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/ (дата обращения: 06.07.2023).

Однако доминирующее положение Российской Православной церкви сохранялось в соответствии с принципом «христианского государства»[206].

Одним из основных направлений работы царского правительства стали Столыпинские реформы, направленные на модернизацию страны и улучшение условий жизни граждан, но за счет массового переселения и ограничения этнического культурного самовыражения на окраинах империи.

Ближе к окончанию XIX века на Северо-Восточном Кавказе активно распространилась идеология исламского образовательного модернизма, известная как *джадидизм*. На арабском языке здесь начала выходить газета «Джаридат Дагестан», критикующая устаревшие методы начального и среднего образования в исламе. Однако новые школы исламского образования не получили широкого распространения на Северо-Восточном Кавказе. Царская администрация воспринимала джадидизм как угрозу, опасаясь, что места преподавания могут служить центрами распространения антироссийской агитации. В связи с этим, имперская власть не давала разрешения на их создание. С учетом опыта Кавказской войны идеи исламского модернизма рассматривались царской властью угрозой историческим задачам русской государственности и потаканием революционному движению. Все это привело к кризису монархической модели власти, нежеланию реализовывать вероисповедную политику в соответствии с новыми законодательными изменениями.

Национальное и религиозное неравенство, царившее в Российской империи, стало благодатной почвой для роста социалистических, революционных и антигосударственных идей. Это напряжение в конечном счете способствовало успеху Февральской революции 1917 года, свержению монархии и установлению Временного правительства.

С февраля 1917 года по январь 1918 года Россия пережила кардинальные изменения в отношениях между государством и религией. Приход к власти демократического правительства ознаменовал начало реализации реформ,

[206] Логинов А.В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – С. 416-418.

направленных на учет этнического и культурного многообразия населения. Ключевым *принципом* новой политики стала *свобода совести*, которая легла в основу взаимодействия государства и религиозных общин. Новый политический режим стремился к формированию толерантного общества, обеспечивая равные права для всех вероисповеданий.

Принцип свободы совести получил широкую поддержку, в том числе и со стороны православного духовенства, включая леворадикальных священнослужителей и мирян, которые видели в этих переменах возможность для обновления и реформирования церкви[207]. Развитие свободомыслия в России в начале XX века стало поистине массовым явлением.

В стремлении к построению более демократического общества, Временное правительство, пришедшее к власти после Февральской революции, предприняло ряд законодательных мер, оказавших глубокое и долгосрочное влияние на российское общество. Были отменены дискриминационные законы царского режима, на протяжении веков ограничивающие права и свободы граждан по религиозному, национальному и сословному признаку.

Введенные свободы слова, собраний и печати стали мощным стимулом для гражданской активности и появления множества новых общественных движений, отражавших разнообразные интересы и чаяния народа. Начались реформы, направленные на построение более открытой и представительной политической системы, где голос каждого гражданина мог быть услышан.

Особое значение в этом процессе имело Постановление от 20 марта (2 апреля) 1917 года «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», положивший конец многовековой дискриминации по религиозному и национальному признаку, устранив ограничения в правах и свободе вероисповедания. Теперь каждый гражданин, независимо от своей веры или ее отсутствия, получал равные права.

Важным шагом стало также принятие 14 июля 1917 года Закона «О свободе совести», который не только закрепил право каждого гражданина на свободу

[207] Там же.

вероисповедания и убеждений, но и установил четкий порядок смены религии, а также признал право на отсутствие религиозной принадлежности, что явилось беспрецедентным шагом для России, открывавшим путь к подлинной религиозной толерантности и индивидуальной духовной свободе.

Однако, несмотря на эти прогрессивные шаги в области гражданских и религиозных свобод, политика Временного правительства в области капиталистических реформ оказалась неуверенной и непоследовательной, став одной из ключевых причин роста реакционных настроений и дальнейшей радикализации общества. В условиях нестабильности и неопределенности, вызванной Первой мировой войной и революционными изменениями, правительство не смогло предложить четкую и последовательную стратегию, что привело к недовольству как среди рабочих, так и среди крестьян. Охватившие страну протестные движения отразили отсутствие реальных изменений в жизни людей.

Правительство действовало медленно и нерешительно, что способствовало утрате доверия со стороны меньшинств, которые начали искать альтернативные пути, обращая свои взоры к обещавшим более справедливое и равноправное общество социалистическим идеям.

На этом фоне на осуществление новой государственной религиозной политики на Северо-Восточном Кавказе существенно повлияли феодально-патриархальные и духовные особенности региона. Нормы и принципы шариата оказывали значительное воздействие не только на социальные аспекты, но и на экономическую жизнь, включая торговлю, сельское хозяйство, а также общинное и *вакуфное землевладение* (переданное на религиозные нужды).

Предшествовавший Октябрьской революции исторический период ознаменовался активной деятельностью в Южном Дагестане партий «Муссават» и «Иттихад», приверженных пантюркистским и панисламистским идеям, главной целью которых было обретение национальной и религиозной независимости. На фоне общей нестабильности и политических потрясений, охвативших Россию, многие народы Северного Кавказа искали пути к укреплению своей самобытности

и защите своих интересов. В этом контексте идея создания феодально-теократического государства под эгидой Османской империи приобрела значительный вес.

Новый этап в развитии отношений между государством и религией на территории Северо-Кавказского региона и в стране в целом начался с кардинальных изменений в религиозной политике России, произошедших после падения Временного правительства в ходе Великой Октябрьской революции 1917 года и прихода к власти Советов. Эти события открыли новую главу в истории взаимоотношений государства и религии, принеся с собой как новые возможности, так и новые вызовы для всех народов России, включая жителей Северо-Восточного Кавказа.

3.2. Ислам на Кавказе и религиозная политика в Советский период

Октябрьский переворот 1917 года, приведший к свержению Временного правительства и установлению власти Советов, стал поворотным моментом в российской истории, положив начало эпохе, радикально отличающейся от предыдущей, в том числе в сфере межконфессиональных отношений. Глубокие социальные и политические потрясения этого периода повлекли за собой кардинальные трансформации религиозной политики государства, что оказало существенное воздействие на многоконфессиональный Северный Кавказ.

Знаменитый декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый 20 января 1918 года Советом Народных Комиссаров РСФСР, стал продолжением либеральных реформ, начатых Временным правительством. Тем не менее, в ходе реализации идеологии *пролетарского интернационализма атеизм* постепенно стал основой государственной политики. Религиозные организации не только потеряли статус юридических лиц, но и их имущество было подвергнуто массовой национализации.

Вскоре после начала установления и укрепления советской власти в регионах отношения между государством и религией начали носить *репрессивный характер*, независимо от религиозной принадлежности жителей конкретной территории[208].

В начале Гражданской войны 1917 – 1922 гг. большевики не обладали значительным влиянием на Северном Кавказе, а рабочее движение в этом регионе было развито слабо. Однако ситуация изменилась в результате массового недовольства действиями белогвардейцев, что явилось основой для поддержки религиозными лидерами национально-освободительного движения[209]. К началу 1920 года большевики вышли из подполья на Кавказе и возглавили борьбу против белогвардейского движения.

Поддержка исламских лидеров оказалась для большевиков не просто тактическим ходом, а стратегическим преимуществом, позволившая им не только укрепить связи с мусульманскими общинами, но и создать платформу для реализации своих этнорелигиозных амбиций. Парадоксально, но идея о схожести исламской и коммунистической идеологий стала основой для привлечения мусульманских лидеров.

Общие черты, такие как приоритет общественных интересов, единства и социальных целей, характерные как для коммунистической идеологии, так и для религиозных учений, создавали благоприятную почву для диалога между новым советским правительством и религиозными деятелями. Видя в революции не только угрозу, но и возможность для улучшения жизни своих общин, религиозные лидеры находили точки соприкосновения с революционным движением.

Стремление мусульманских лидеров к улучшению положения своих общин находило отклик в коммунистических идеях справедливости, равенства и солидарности. Многие из них рассматривали революцию как шанс на установление

---

[208] Камалова А.А. Основные принципы и направления государственно-религиозных отношений в светском государстве: мировой и российский опыт: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2019. – С. 98-99.

[209] Аджигова А.М. Ингушетия в российском цивилизационном процессе во второй половине XIX-первой трети XX века: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – Нальчик, 2016. – С. 82-117.; Орешин С.А. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917-1921 гг.: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – М., 2015. – С. 160-162.

социальной справедливости, что полностью соответствовало их религиозному долгу заботы о бедных и обездоленных.

Однако, несмотря на общие тенденции, ситуация на Северном Кавказе не была однородной. Среди дагестанцев значительно преобладали радикальные идеи, которые заметно отличались от ситуации среди вайнахов, что было следствием разнообразия социальных групп среди религиозных лидеров Дагестана и, как отмечается, близостью чеченских духовных лиц к крестьянскому труду[210].

В итоге, серьезную конкуренцию для новой советской власти составил авторитет таких духовных лидеров, как Али Митаев, Нажмуддин Гоцинский, Али-Гаджи Акушинский и Узун-хаджи Салтинский. Их влияние на население было значительным, и они представляли собой серьезную силу, с которой большевикам приходилось считаться.

Суфийские братства продолжали занимать значительное место в духовной жизни региона, предоставляя своим последователям как религиозное, так и социальное единство[211]. В условиях политической нестабильности и социального давления, эти братства играли важную роль в поддержании порядка и сплоченности. Однако, конкуренция между различными братствами за влияние и преданность мюридов иногда приводила к конфликтам и напряженности. В таких условиях некоторые братства использовали свои ресурсы для мобилизации последователей в поддержку определенных политических или социальных инициатив.

Скрытая природа существования братств стала следствием проводимой государственной политики, включавшую преследование духовных лидеров в 20-е годы XX века. Из-за значительного влияния на местное население, отстаивания их прав и интересов, под преследование попал Али Митаев, открыто критиковавший советскую политику введения фиксированного продовольственного налога на крестьянские хозяйства.

---

[210] Нунуев С.М. Исторические этапы и особенности распространения ислама в Чечне: конец VIII – начало XXI в.в.: дис. … канд. ист. наук: 09.00.13. – М., 2007. – С. 116.

[211] См. Булатов А.С. Социокультурная доктрина суфизма: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Уфа, 2011. – 137 с.

При этом консервативные взгляды Н. Гоцинского, представлявшего интересы феодалов, контрастировали с умеренным суфизмом Али-Гаджи Акушинского, выступавшего за повсеместное применение норм шариата в жизни горцев. В то же время шейх Салтинский поддерживал идеи создания основанного на принципах шариата современного исламского государства.

В дальнейшем создание Чрезвычайной комиссии стало важным этапом на пути к направленным на укрепление светских институтов и обеспечение стабильности в регионе реформам социально-политической сферы. Национализация вакуфных земель с целью перераспределения ресурсов в интересах более широких слоев населения, а также преобразования в социально-экономической, административной и уголовной сферах способствовали снижению влияния религиозных структур на повседневную жизнь горцев.

В ряде территориальных образований право на свободу вероисповедания изначально осуществлялось через крупные мечети, служившие центрами духовной жизни, культурного обмена, религиозного образования, поддержки общин, а также, контроля за соблюдением норм шариата в семейных и бытовых вопросах.

Ликвидации религиозных институций на Кавказе стала условием формирования новой советской политической системы[212]. Преследования со стороны властей затронули не только религиозных лидеров, но и специалистов в области арабской культуры, а также шариатские суды и духовные учебные заведения, что привело к значительному сокращению возможностей местных народов для их свободного вероисповедания и выражения культурной идентичности.

В условиях данных кардинальных изменений власти стремились создать атеистическое общество, рассматривая религию как препятствующий прогрессу и социалистическим преобразованиям реликт прошлого. Исповедующие ислам и придерживающиеся своих культурных традиций местные жители воспринимали

[212] Далгатов А.Г. Политика советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): автореф. дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – СПб, 2004. – С. 39.

вмешательство советской власти в религиозные дела как угрозу своим устоям и образу жизни. В периоды репрессий суфийские тарикаты, *накшбандийский, кадирийский и шазилийский,* сыграли ключевую роль в сохранении национальной культуры и традиций Северо-Восточного Кавказа. Суфийские братства стали оплотом защиты идентичности и духовности горцев.

Осенью 1920 года в ряде регионов Северного Кавказа произошли локальные восстания против разрушавшей привычный образ их жизни государственной репрессивной политики[213]. Эти восстания были подавлены с большими потерями среди горцев. Последовавшие репрессии фактически уничтожили религиозных деятелей северокавказской уммы. Лишь немногим из них удалось избежать расправы, и они стали символами сопротивления и надежды для оставшихся верующих. Со временем недоверие к власти у горцев обрастало новыми слоями недовольства и отчаяния. Ограничения, вводимые светскими чиновниками и сотрудничавшими с ними местными конформистами, вызывали у членов уммы чувства отвращения и ненависти.

Советская политика в отношении религии представляла собой сложный и противоречивый процесс, эволюционировавший от попыток частичного компромисса к жестким репрессиям и вынужденному уходу верующих в подполье. Декрет от 14 декабря 1920 года, внесший изменения в ранее принятое постановление от 4 января 1919 года, стал одним из таких моментов. Государство, признавая существование религиозных убеждений, предоставляло гражданам право на замену военной службы альтернативным общественно полезным трудом. Этот шаг, казалось бы, демонстрировал определенную гибкость политики, однако он был лишь временным отступлением перед лицом более масштабных и системных изменений.

Фундаментальным правовым актом, определившим дальнейшую судьбу религиозных организаций в СССР, стало постановление ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях», ставший основополагающим,

[213] Дендиев К.Г. Политические репрессии в Чечне 1920-1930-х гг.: предпосылки и динамика развития: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – Грозный, 2019. – С. 78-82.

значительно ограничил деятельность религиозных организаций. Началась эпоха репрессий, сопровождавшаяся массовым закрытием культовых и образовательных учреждений, включая мечети и медресе. Такая политика вынуждала верующих искать пути сохранения своей духовной жизни в условиях, когда открытое исповедание веры становилось опасным.

Результатом этой репрессивной политики стало массовое создание подпольных религиозных структур. К началу Великой Отечественной войны их количество превышало официально зарегистрированные более чем в 60 раз[214], что является не просто статистическим показателем, но и свидетельством глубокого кризиса доверия между народом и властью, а также неугасимого стремления людей к духовной свободе, которую государство пыталось подавить.

Особое место в этом контексте занимают мусульмане Кавказа. Несмотря на жесткое давление со стороны властей, направленное против их традиционных духовных и культурных практик, они внесли весомый вклад в победу советского народа над немецко-нацистскими захватчиками. Целеустремленность и мудрость религиозных лидеров суфийских братств вдохновляли людей на сопротивление внешним угрозам и укрепляли веру в собственные силы. Строгая организованность последователей суфийских тарикатов способствовала созданию устойчивых сообществ, сохранивших традиции и ставших центрами культурной жизни горцев.

Однако, к сожалению, зимой 1943-1944 гг. советское руководство приняло решение о массовой депортации чеченцев и ингушей. Основным мотивом для этой трагической страницы истории стали надуманные опасения, что местное население, особенно вайнахи, могут оказать поддержку немецким оккупантам. В результате была ликвидирована Чечено-Ингушская Автономная Советская Социалистическая Республика, и на ее месте образована Грозненская область.

Депортация, проведенная в условиях суровых зимних морозов, сопровождалась массовыми арестами, насилием и лишениями. Люди были вынуждены оставить свои дома, зачастую не имея возможности взять даже самые необходимые вещи. По различным оценкам, в результате выселения погибло до

[214] Ермаков И., Микульский Д. Ислам в России и Средней Азии. – М.: Лотос, 1993. – С. 18.

100 тысяч человек, что стало одной из самых страшных трагедий в истории чеченского и ингушского народов, оставив глубокую историческую травму в их памяти и став символом вопиющей несправедливости, утраты и боли.

Вместе с тем политика в отношении религии в советской России имела волнообразный характер, что проявлялось как в притеснении религиозных групп, так и в последующем смягчении ранее установленных запретов. Так, во время Великой Отечественной войны некоторым религиозным организациям частично возвращали ранее конфискованное имущество. Оператором смягчения репрессий в религиозной сфере стал Совет по делам религиозных культов, учрежденный 19 мая 1944 года. Задачей Совета стало осуществление контроля и надзора за деятельностью религиозных организаций при Правительстве СССР. Одним из дружественных шагов Совета стало постановление Совета Министров СССР от 19 ноября 1944 года, которое касалось порядка открытия молитвенных зданий для различных религий. Этот документ способствовал расширению сети религиозных учреждений, включая мечети, молитвенные дома, церкви и монастыри. Кроме того, постановление ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» было пересмотрено: были отменены ограничения на проведение религиозных обрядов и церемоний, а религиозные организации получили право на приобретение недвижимости и материальных средств, необходимых для их деятельности.

Послевоенный период в истории Советского Союза ознаменовался не только восстановлением разрушенной страны, но и стремлением к укреплению внутреннего единства и стабильности. В этом контексте особую роль играл государственный орган, призванный стать мостом между многообразием религиозных общин и государственной властью, обеспечивая гармоничное сосуществование и регулирование религиозной сферы – Совет по делам религиозных культов.

Ключевым направлением деятельности Совета было создание и поддержание четкой нормативно-правовой базы, включавшее разработку законодательных актов, инструкций и рекомендаций, которые служили бы ориентиром для всех

религиозных конфессий на территории СССР. Целью было не просто формальное регулирование, а формирование унифицированного и системного подхода, гарантирующего соответствие деятельности религиозных организаций конституционным нормам Советского государства, позволявшего избежать хаоса и обеспечить предсказуемость в отношениях между государством и религией.

Важной функцией Совета был надзор за деятельностью религиозных организаций, включавшей в себя активный процесс, направленный на оперативное выявление и предотвращение любых нарушений законодательства. В связи с чем была выстроена четкая структурная организация: за каждым религиозным направлением был закреплен отдельный отдел, что позволяло глубже понимать специфику каждой конфессии и более точно реагировать на возникающие вопросы и проблемы.

Признавая ограниченность централизованного подхода к религиозной политике, Совет создал разветвленную систему своих представителей, назначаемых в Советы Народных Комиссаров союзных республик, краев и областей, задача которых заключалась в обеспечении эффективного сотрудничества между центральными и региональными структурами в области религиозной политики. Выступая в качестве связующего звена, они содействовали диалогу, разрешению локальных проблем и унификации правоприменения на местах.

Как символ преобразований в 1944 году было образовано Духовное управление мусульман Северного Кавказа» (ДУМ СК) с центром в городе Буйнакск. Создание этого управления стало результатом не только внутренней необходимости по координации религиозной жизни мусульман региона, но и более либерального подхода советского руководства к вопросам религиозной политики. ДУМ СК не только легализовало религиозные практики мусульман, но и обеспечило им платформу для диалога с государственными структурами, особенно в сфере воспитания патриотизма.

Совет по делам религиозных культов играл центральную роль в строительстве культовых объектов и образовательных учреждений, организации

просветительских мероприятий, а также в проведении *хаджа* (паломничества в Мекку и Медину) для мусульман.

Важной частью работы религиозных организаций было оказание помощи в организации жизни общин на освобожденных от немецко-фашистских захватчиков территориях. Однако в Грозненской области наблюдалась сложная ситуация. Местные власти стремились жестко контролировать легализованную религиозную жизнь, что вызывало недовольство у населения. В итоге, возникали конфликты, требовавшие особого подхода в духе диалога между всеми сторонами.

С восстановлением религиозных институтов заметно возросло влияние духовных лидеров, которые на протяжении многих лет играли важную роль в обществе Северного Кавказа. Ислам, который раньше воспринимался как угроза интернационализму, в условиях новой политики построения коммунизма в отдельно взятой стране рассматривался не только как разрешенная религия, но и как фактор, демонстрирующий *идеологический принцип дружбы народов*.

Не все власть имущие на Кавказе разделяли этот новый подход. Критики религиозных свобод заявляли о том, что «именно ислам считался питательной средой для развития чеченского национализма»[215]. Антиисламские выпады выражались в том, что запрещалось строительство мечетей под предлогом наличия православных храмов в административных центрах и сельских районах, где большинство жителей исповедовали ислам. Антиисламская пропаганда республиканских партийных комитетов не только противоречила духу обновленного законодательства о свободе совести, но и подрывала доверие к советской власти[216]. Более того, попытки властей искоренить религиозные традиции, *зикр* (ритуальный танец), совершаемый мюридами кадирийского тариката, и хадж к святым местам, не только не достигали своих целей, но и создали новые проблемы, углубив раскол в кавказском обществе.

---

[215] Цицкиева М.О. Религиозные обряды и национальные традиции // Религиозные секты на территории ЧИАССР и актуальные проблемы атеистического воспитания. – Грозный, 1987. – С. 53-67.

[216] Нунуев С.М. Исторические этапы и особенности распространения ислама в Чечне: конец VIII – начало XXI вв.: дис. … канд. ист. наук: 09.00.13. – М., 2007. – С. 133.

Имея высокий авторитет в северокавказской умме, религиозные лидеры становились объектами обостренного общественного внимания, что не могло не вызывать беспокойства у светских властей. Советы боялись распространения экстремистских идей и сепаратистской активности, способной привести к социальным волнениям, ввиду чего применяли репрессивные меры для контроля над духовной жизнью горцев.

Несмотря на старания местных властей, в некоторых регионах продолжали активно работать третейские суды, и проводились собрания алимов, что способствовало усилению влияния тарикатов. Своеобразную фильтрацию через призму взглядов местных духовных авторитетов – шейхов и алимов проходили принимаемые светской властью на Северном Кавказе законодательные нормы. Именно эти лидеры определяли, насколько строго и в каком объеме законодательные акты должны применяться на практике. Опираясь на глубоко укоренившиеся в регионе традиции и культурные ценности и апеллируя к моральным идеалам устазы и шейхи занимались духовным наставничеством и просвещением горского народа. Их слово имело вес, и их интерпретация законов зачастую оказывалась более значимой для населения, чем официальные предписания.

Шариатские суды пользовались большим доверием у населения, поскольку воспринимались как более справедливые и соответствующие традиционным нормам кавказского общества, что делало их предпочтительнее светских судебных инстанций[217]. В конфликтных ситуациях шариатские суды не всегда учитывали положения советского права и существующие политические реалии, что естественным образом привело к формированию параллельной правовой системы, и, в свою очередь, ослабляло авторитет официальной власти.

Вторая половина XX века стала переломным моментом в истории ислама на Северном Кавказе. Период, ознаменованный ослаблением жестких ограничений со стороны советского руководства, способствовал оживлению духовной жизни в регионе. Ключевую роль в этом процессе сыграли суфийские братства, чья

[217] Ахмадов Я.З. История Чечни в XIX-XX веках. – М.: Пульс, 2005. – 995 с.

активная деятельность и появление новых направлений и течений привели к стремительному восстановлению исламской религиозной жизни.

Ввод советских войск в Афганистан в период с 1979 по 1989 год оказал значительное влияние на мусульманское население Кавказа, способствуя его радикализации. Затяжной конфликт, сопровождавшийся большими человеческими жертвами, стал катализатором для возникновения новых религиозных и политических движений. В условиях войны многие мусульмане начали искать ответы на экзистенциальные вопросы о смысле жизни, своем месте в мире, справедливости, идентичности и вере, что привело к повышенному интересу к более радикальным интерпретациям ислама.

Возрождение религиозной жизни на Северном Кавказе привело к значительному увеличению политической активности. Религиозные лидеры местной мусульманской общины, все чаще вовлекавшиеся в общественно-политические процессы региона, играли в этом инициативную роль. Их влияние расширялось не только за счет поддержки со стороны региональных властей, но и через критику отдельных чиновников и их решений. Духовные авторитеты ставили перед собой цели не только обеспечения религиозных свобод, но и улучшения социально-экономических условий для своих последователей. Формируя общественное мнение и стимулируя политическую активность среди жителей региона, они активно высказывались по вопросам социальной справедливости, образования и здравоохранения.

На закате Советского Союза, особенно в бурные годы Перестройки, завеса над религиозной жизнью начала приподниматься. Если прежде свобода вероисповедания была скована цепями ограничений, то в 1980-е годы наметился рассвет более либерального отношения к вопросам веры. Под эгидой Михаила Горбачева, с 1985 года, политика гласности и реформ открыла двери для диалога между государством и религиозными общинами.

Поворотным моментом стал 1988 год, когда вся страна отмечала тысячелетие крещения Руси, став предвестником значительных уступок: храмы и монастыри начали открывать свои двери, приходы и духовные школы получили право на

существование[218]. Особым прорывом стало признание Украинской греко-католической церкви, ставшее возможным благодаря диалогу с Ватиканом[219]. Это было беспрецедентное событие: УГКЦ обрела юридический статус, что было немыслимо в советскую эпоху[220]. Вслед за этим вновь заявила о себе Украинская автокефальная православная церковь.

Наряду с возрождением православия, на Кавказе расцветали мусульманские братства и появлялись новые духовные лидеры, что пробуждало религиозность среди местного населения. В 1988 году было создано Духовное управление мусульман Чечено-Ингушской Республики, став важным шагом в организации и развитии исламской общины региона.

1989 год принес с собой важные вехи для российского ислама: отмечались юбилеи Духовных управлений и годовщина принятия ислама народами Поволжья и Приуралья[221]. Летом в Махачкале произошло событие, ставшее символом перемен: захват здания Духовного управления мусульман Северного Кавказа. Этот акт протеста, инициированный активистами, привел к перестройке всей структуры. Вместо единого центра, объединявшего религиозную жизнь региона, возникли отдельные управления в каждой республике, отражая стремление к большей самостоятельности и учету уникальности каждого уголка РСФСР.

В 1989 году в Астрахани была организована общесоюзная Исламская партия Возрождения. Ее создание стало знаковым событием, ведь это была вторая политическая партия в стране после КПСС (однако с распадом СССР партия разделилась, а в период военной операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994–1996 гг. была запрещена).

Чрезвычайный съезд мусульман Северного Кавказа, прошедший в начале 1990 года, привел к фактическому распаду многолетнего Духовного управления

---

[218] Шахов М.О. Вероисповедная политика Российского государства. Учебное пособие. – М.: Издательство РАГС, 2003. – С. 50.

[219] Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды, (1700-2005). 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – С. 560.

[220] Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) / сост. Г. Штриккер – М.: Пропилеи, 1995. – С. 48.

[221] Государственно-конфессиональные отношения в России: учебное пособие. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – С. 158.

мусульман Северного Кавказа, что привело к образованию Духовного управления мусульман Дагестана. Особенность государственного управления на территории Северо-Восточного Кавказа в годы заката советской эпохи заключалась в стремлении к децентрализации, перекладывании функционала на региональные и местные органы власти, которые в силу отсутствия необходимых ресурсов и полномочий не могли эффективно разрешать возникающие религиозные проблемы[222]. В итоге возникшее вакуумное пространство быстро заполнилось активностью радикальных групп, которые начали демонстрировать сепаратистские устремления.

Важным шагом в решении религиозных вопросов стало принятие Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях»[223] в начале октября 1990 года. Этот закон, по сути, впервые утвердил *принцип равноправия граждан, независимо от их религиозных взглядов* или их отсутствия. Он ознаменовал начало нового этапа в отношениях между государством и религией, обеспечив каждому человеку свободу выбора исповедовать любую религию или не исповедовать никакой.

Следом РСФСР уточнила общесоюзное законодательство принятием закона «О свободе вероисповеданий» 25 октября 1990 года[224]. Принятый закон четко обозначил, что религиозные организации создаются для одной простой, но важной цели: дать людям возможность свободно и сообща исповедовать свою веру. Закон закрепил права каждого совершеннолетнего гражданина совместного отправлять молитвы, иметь общие религиозные убеждения, проповедовать и поддерживать друг друга на духовном пути. Этот правовой акт подчеркнул важность свободы

---

[222] Бауберикова Г.Ж. Религиозный фактор в цивилизационном развитии постсоветского пространства: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2016. – 190 с. – С. 77.; Гаджиев М.М. Государственная национальная политика: базовые подходы к моделированию межнациональных отношений и политические технологии их оптимизации: на примере Республики Дагестан: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2019. – С. 117-118.

[223] Закон СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях». Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/5226692/ (дата обращения: 02.08.2022).

[224] Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий». Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/10200191/ (дата обращения: 02.08.2022).

совести для гражданского общества. Он гарантировал каждому человеку право самостоятельно выбирать свою веру и практиковать ее вместе с теми, кто разделяет его взгляды. По сути, закон создал правовую основу для того, чтобы люди могли свободно жить в соответствии со своими религиозными убеждениями, не опасаясь прежних преследований и ограничений со стороны власти.

В отличие от общесоюзных норм, закон РСФСР предоставлял верующим более широкие права и возможности. Он гарантировал равное отношение ко всем конфессиям, разрешил религиозное обучение вне государственных школ и оградил религиозные организации от государственного вмешательства.

Действие этого закона распространялось не только на республиканские религиозные организации, оградив их от государственного вмешательства, но и право на создание религиозных объединений распространялось в том числе на иностранцев и лиц без гражданства, что открывало двери для международного сотрудничества и обмена духовным опытом.

Открытие границ и легализация иностранных религиозных учений и организаций привели к их активному проникновению и широкому распространению, что обогатило религиозный ландшафт страны, предоставив гражданам доступ к разнообразным духовным традициям. Параллельно с этим, Советский Союз, декларируя нейтралитет в религиозной сфере, продолжал придерживаться принципов светского государства, заложенных еще в 1917 году. Государство ставило своей целью обеспечить независимость религиозных объединений и свободу граждан публично исповедовать свою веру.

В начале 1990-х годов на Северном Кавказе наблюдался подъем политической активности, в котором религиозные лидеры стали играть заметную роль, участвуя в региональном законодательном процессе. Религиозные движения приобрели массовый характер, а существенные изменения в общественной жизни способствовали укреплению национального самосознания местных жителей.

В то же время, отмена законодательных ограничений и ослабление центральной власти создали благоприятные условия для проникновения в регион идеологий радикального исламизма, которые легко адаптировались к местным

условиям, чему способствовали низкий уровень духовного образования, коррупция и некомпетентность советских чиновников, став одним из главных вызовов для советского общества периода постсоветских трансформаций.

Запрет КПСС в 1991 году вызвал глубокие социальные, политические и духовно-идеологические трансформации. Прежние принципы, созданные в эпоху доминирования социалистической идеологии, устарели и уже не отражали реальную ситуацию. Происходила стремительная ревитализация общественного значения религии.

Выводы по Главе I

Для изучения этноконфессиональной политики в диссертации используются различные теоретические модели: институциональная (конституциональный, подход государственного управления, неоинституциональный), бихевиористская, системная, теория рационального выбора, дискурсивная, микроуровневые исследования элит и социальных групп, динамические модели социальных изменений и политико-ситуационный анализ.

В контексте этноконфессиональной политики ключевым понятием является «этнос», представляющий собой стабильную общность людей с единой культурой, религией и историей, определяемых в качестве формы общественного сознания. Многие политологи выделяют различные модели этничности: примордиализм, конструктивизм и инструментализм. Примордиалистическая теория рассматривает этнос как естественное и древнее образование, в то время как конструктивизм акцентирует внимание на влиянии интеллектуальной элиты и политических лидеров на формирование этнической идентичности.

Политико-онтологический подход объясняет мобилизацию этнического большинства через определение интересов и ценностей, при этом самоидентификация и идентичность выступают основными конструкциями нации, формируемыми в процессе идеократической политики. Вследствие того, что идеи влияют на развитие событий, появляется возможность выявления контекстов, скрытых закономерностей и прогнозирования развития событий, благодаря чему

значительно повышается качество оценки и интерпретации событий. Идеократический механизм позволяет купировать конфликты, понять их корни и предвидеть возможные последствия.

Современная ситуация осложняется потенциальной возможностью «обмирщения» религии при ее вовлечении в политику и, наоборот, «клерикализации» государства из-за активного участия духовных лиц в политической жизни. Поиск оптимальной модели взаимодействия, учитывающей все эти нюансы, является залогом стабильности и процветания региона.

Наличие территориальных, экономических, культурных и политических противоречий в регионе создает благодатную почву для развития религиозно-политического синкретизма. Крайняя политизация религии провоцирует этнорелигиозные конфликты, которые представляют собой сущностную угрозу безопасности многонациональных государств. Эти конфликты могут эскалировать, перерастая в геополитические угрозы, от социально-гражданских столкновений до локальных войн.

В этой сложной ситуации поиск оптимальной модели взаимодействия между государством, обществом и религиозными институтами, учитывающей все нюансы, является залогом стабильности и процветания региона. Международная безопасность в этом контексте должна основываться на соблюдении общепринятых принципов и норм международного права, а также на нивелировании применения насилия при разрешении конфликтов.

Ключевым шагом к установлению гармоничных государственно-религиозных отношений и утверждению партнерской модели взаимодействия акторов внутренней политики является снижение уровня политизации религии, что предполагает активное участие государства в создании диалоговых платформ, способствующих совместному обсуждению проблем и выработке взаимоприемлемых решений представителями различных этноконфессиональных групп.

Условием стабильности многонационального и поликонфессионального государства является общественная поддержка ценностных ориентаций

государственной политики. Ценностное содержание религиозного фактора играет ключевую роль в современном политическом процессе, поскольку оно способно как объединять, так и разделять.

В духовное и нравственное развитие местного населения, а также в становление гражданских структур на территории Северного Кавказа значительный вклад внесли традиционные религиозные институты. При этом на протяжении истории политика государства в отношении религиозных объединений на Северо-Восточном Кавказе отличалась своеобразием и многогранностью, но не всегда была последовательной. И как следствие, несмотря на растущее распространение идей веротерпимости, поддерживаемых просвещением и культурой, к началу XX века большинство крупных религиозных объединений в России выражали недовольство государственной религиозной политикой, подпитывая радикальные настроения и усиливая политический и социальный протест.

Проникая во все сферы жизни общества религиозная политика на Кавказе была неотъемлемой частью общей внутренней политики России. Она претерпевала изменения и корректировки, порой весьма существенные, в зависимости от региональной обстановки и влияния как внутренних, так и внешних факторов. При этом она имела свои уникальные подходы и особенности, что требовало гибкости в управлении религиозной жизнью и приводило как к позитивным, так и к негативным результатам.

Способствуя не только административной, но и территориальной интеграции вновь присоединенных земель в Российской империи религия играла огромную роль. При этом существенное влияние на права и свободы выступавших за сохранение культурных традиций различных населявших империю народов оказывала их этническая и религиозная принадлежность.

В середине XIX века такие фигуры, как Имам Шамиль и Гази-Мухаммад, использовали в политической борьбе против имперской власти принципы суфийского братства (тариката) для обоснования своих действий. Однако другие суфийские лидеры, например, Кунта-хаджи Кишиев, не поддерживали

вооруженное сопротивление. И Шамиль, и Кунта-хаджи до сих пор остаются важнейшими символами исторического самосознания народов Северо-Восточного Кавказа.

XX век в истории России ознаменовался быстрой сменой политических систем: страна прошла путь от православной империи к атеистическому режиму и, в конечном счете, к светскому государству. Однако семена этих перемен были посеяны задолго до революции. Реформы Петра I, подчинившие церковь государству, стали первым шагом к ослаблению теократической власти. Последующая секуляризация привела к формальному соблюдению религиозных обрядов. В первой четверти XX века, на фоне модернизации и формирования гражданского общества, признание религиозной свободы сначала привело к либерализации законодательства, а затем к антирелигиозной политике, подвергло репрессиям религиозные объединения в стремлении освободить общество от следования религиозной истине.

В первые годы существования СССР на Северо-Восточном Кавказе сложилась парадоксальная религиозно-политическая ситуация. С одной стороны, уважаемые духовные лидеры обладали огромным влиянием, формируя общественное мнение и мобилизуя население, что представляло собой вызов для новой власти. С другой стороны, в начальный период борьбы с контрреволюцией большевики видели в этих же лидерах потенциальных союзников и даже оказывали им поддержку. Эта двойственная политика сменилась с 1920-х годов, когда советская власть перешла к жестким репрессиям против религиозных деятелей. Целью было установление полного контроля и секуляризация общества, подавление любой оппозиции. Враждебность к мусульманским общинам региона сохранялась до середины XX века. Создание в 1944 году Духовного управления мусульман Северного Кавказа стало поворотным моментом, ознаменовавшим начало легализации и возрождения мусульманских общин.

Период жесткого контроля и репрессий в отношении мусульманских религиозных практик завершился к концу 1980-х годов. Глубокие политические и социальные изменения в СССР привели к ослаблению догматического атеизма, что

создало благоприятную почву для активного возрождения религиозных традиций на Северо-Восточном Кавказе. Однако наряду с этим позитивным развитием возникли и новые проблемы. Отмечалось использование религии в политических целях деструктивными внешними силами, что способствовало росту напряженности в обществе. Сложные политические процессы требовали от государства поддержания баланса между различными этнорелигиозными группами. Неравенство и фактическое ущемление прав одной группы в пользу другой стало непосредственной причиной возникновения конфликтов.

Помимо поддержания общественного порядка, перед государством встала задача обеспечения равных условий для всех религиозных объединений. Попытка построить государство на демократических основах, учитывая эти аспекты, была предпринята в 1990-х годах.

Глава II. Ислам и политика Российской Федерации на Северо-Восточном Кавказе

§ 4. Государственно-религиозные отношения в Российской Федерации и Северо-Восточный Кавказ

4.1. Нормотворчество в 90-х годах XX века

В перестроечный период, отказавшись от коммунистической идеологии, СССР не сформировал концептуально оформленные идеи, способные объединить страну на новых началах. Несмотря на провозглашение демократической политики, консерватизм и сопротивление внутри государственного аппарата препятствовали реализации реформ и конкретных задач, направленных на изменение взаимодействия государства и религиозных объединений.

Отправными точками новых отношений между государством и религией в России можно считать распад Советского Союза 26 декабря 1991 года и принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года. В Основном законе было закреплено неотъемлемое право на свободу вероисповедания и совести, право выбирать веру или не придерживаться никакой, а также запрет государственной идеологии (плюрализм), что подразумевает отделение институциональной религии от государства, а также равенство всех религиозных организаций перед законом.

Фундаментальным принципом правового государства является обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Российская Конституция, будучи высшим законом, закрепляет и охраняет общепризнанные ценности, включая свободу вероисповедания, совести, мысли и слова, а также право на создание объединений и проведение мирных собраний, что создало правовую базу для независимой деятельности религиозных организаций и их межконфессионального диалога. В целях эффективного взаимодействия государства и религиозных объединений была установлена необходимость соблюдать конституционный принцип отделения религии от государства.

В результате произошедших изменений религиозные объединения значительно расширили свои возможности и права. Теперь они обладали равным статусом перед законом, что позволяло им регистрироваться в качестве юридических лиц или функционировать как религиозные группы. Им было разрешено изготавливать и распространять предметы культа и религиозную литературу, а также владеть недвижимостью и активно участвовать в жизни общества. Более того, они получили преимущественное право на использование культовых зданий и сооружений на основе договоров.

Помимо этого, религиозные организации получили возможность налаживать международные контакты и приобретать различное имущество, необходимое для их работы, независимо от того, были ли они официально зарегистрированы как юридические лица. Важным аспектом стало то, что они больше не были обязаны указывать внутренние аспекты своей религиозной жизни в уставах или заниматься производственно-хозяйственной деятельностью. Сотрудники религиозных организаций получили права и свободы, гарантированные трудовым законодательством. Эти изменения стали важным шагом на пути к демократизации отношений между государством и религиозными организациями.

Важным достижением стало предоставление религиозным организациям права создавать собственные образовательные учреждения и проводить обучение. Это не только позволяет им передавать свои знания и ценности молодому поколению, но и предлагает альтернативные образовательные подходы, основанные на их мировоззрении, способствуя многообразию образовательной среды и предоставляя гражданам выбор в получении знаний.

По словам М. С. Горбачева, такой период стал «золотым веком религиозной свободы»[225]. Впервые за последние три века религиозные организации смогли свободно функционировать, активно участвовать в общественной жизни и строить взаимовыгодные отношения с государством. Этот этап открыл новые перспективы

[225] Витте Дж.-мл. Проблемы и перспективы прозелитизма в России // Права человека и религия. Сост. Игумен Новик Вениамин. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2001. – С. 394.

для сотрудничества и позволил религиозным общинам полностью реализовать свой потенциал, внося значимый вклад в развитие страны.

Крупная реформа взаимоотношений между государством и религиозными организациями произошла в Советском Союзе в 1991 году – ранее существовавший Совет по делам религий при Кабинете Министров СССР[226] утратил свои прежние полномочия – он больше не мог заниматься регистрацией религиозных объединений и принимать решения об открытии или закрытии храмов и других культовых объектов.

Взамен этому Совет пробрел функцию посредника и коммуникационного звена – представление государственных интересов в религиозной сфере и налаживание диалога и сотрудничества с различными религиозными организациями выступало его ключевой задачей. Так, в числе его обязанностей было предоставление информации о религиозной жизни страны, консультирование государственных органов по вопросам религии, проведение экспертной оценки религиозных инициатив и координация усилий в сфере государственно-религиозных и межконфессиональных отношений. Однако Совет по делам религий не смог закрепиться в новой политической реальности. В декабре 1991 года, в связи с распадом Советского Союза, он был упразднен.

В России активно формировалась система органов власти, ответственных за взаимодействие с религиозными организациями. Это было время перемен и поиска новых подходов к отношениям между государством и религией. Одним из таких примеров стало создание 1990 году Комитета Верховного Совета РСФСР по вопросам свободы совести. Спустя три года он был преобразован в Комитет по связям с общественными, религиозными и благотворительными организациями, а его сферы ведения были расширены.

Значимую роль в работе Комитета играл Экспертно-консультационный совет. Он объединял представителей власти, разнообразных религиозных и

[226] Постановление Кабинета Министров СССР от 26.04.1991 № 209 «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР» // Официальный интернет-портал правовой информации РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102011251 (дата обращения: 02.08.2022).

общественных организаций, а также специалистов в области свободы совести. Этот совет был важной площадкой для диалога и выработки рекомендаций по вопросам, связанным с религиозной жизнью и взаимодействием государства с религиозными объединениями.

Для обеспечения конструктивного диалога и выработки рекомендаций по вопросам религиозной жизни и государственно-конфессиональных отношений был создан представительный совет, включавший членов от власти, различных религиозных и общественных объединений, а также специалистов в области свободы совести. С целью оптимизации межведомственного взаимодействия по вопросам свободы совести, 3 апреля 1992 года при Правительстве Российской Федерации была сформирована Координационная комиссия[227], призванная обеспечить единство подходов и выработку согласованной стратегии в этой чувствительной сфере[228].

Ключевая роль в формировании и реализации государственной политики в отношении религиозных организаций принадлежала Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину. В своей деятельности он опирался на экспертную поддержку Государственного совета по политическим вопросам, что позволяло принимать взвешенные решения с учетом всех аспектов. В середине 90-х годов, с созданием Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ, одним из приоритетных направлений работы стало исполнение указа Президента о реституции культового имущества. Возврат собственности, изъятой у религиозных организаций в советский период, представлял собой сложную задачу, которая требовала системного подхода. Лишь спустя годы, в 2010 году, был принят федеральный закон, позволивший окончательно урегулировать этот

[227] Осипова В.В. Эволюция органов регулирования государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветской трансформации России (1990-1997 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2020. – №3. – С. 83.

[228] Постановление Правительства РФ от 03.04.1992 № 214 // Официальный интернет-портал правовой информации РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.08.2022).

вопрос[229]. Помимо реституции собственности, Комиссия занималась широким спектром вопросов, включая анализ проблем в отношениях между государством и религиозными организациями, подготовку законодательных инициатив, координацию работы различных федеральных ведомств и решение других важных задач в сфере государственно-конфессиональных отношений[230].

Указанные изменения в законодательстве, регулирующие свободу совести, религиозные убеждения, имущественные и финансовые вопросы религиозных организаций, отразили начало демократических преобразований в общественно-политической системе страны. В 1995 году был создан Совет при Президенте Российской Федерации по взаимодействию с религиозными объединениями[231], ставший важным шагом в развитии государственно-конфессиональных отношений. Впоследствии, широкое распространение получило заключение двусторонних соглашений между религиозными организациями и государственными структурами различного уровня. Особую историческую роль сыграл президентский указ о реабилитации жертв религиозных репрессий[232],

---

[229] Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/12180712/ (дата обращения: 02.08.2022).

[230] Постановление Правительства РФ от 09.07.1994 № 820 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и ее персонального состава» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 июля 1994 г. – № 12, ст. 1402. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=400000&volume=1001994012000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=4348&volid=1001994012000 (дата обращения: 02.08.2022).

[231] Распоряжение Президента РФ от 02.08.95 № 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Собрание законодательства Российской Федерации от 07 августа 1995 г. – № 32, ст. 3294. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=300000&volume=1001995032000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=97&volid=1001995032000 (дата обращения: 02.08.2022); Распоряжение Президента РФ от 24.04.1995 № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // Собрание законодательства Российской Федерации. От 01.05.1995 г. – № 18, ст. 1644. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=300000&volume=1001995018000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=178&volid=1001995018000 (дата обращения: 02.08.2022).

[232] Указ Президента РФ от 14.03.1996 № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18.03.1996 г. – № 12, ст. 1063. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

который не только осудил советский террор против верующих, но и предписал компетентным органам власти провести реабилитацию граждан, несправедливо пострадавших за свою веру и религиозную деятельность.

Современное законодательство, регулирующее религиозную жизнь в России, опирается на Федеральный закон № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»[233], принятый в 1997 году и действующий с 29 сентября. Этот закон устанавливает права и обязанности как граждан-верующих, так и религиозных организаций. Важнейшим принципом, закрепленным в законе, является отделение религии от государства, что подразумевает четкое разграничение их сфер деятельности. Государство стремится к равному отношению ко всем религиозным объединениям, устанавливая для них общие правила и ограничения. Тем не менее, характер взаимоотношений может варьироваться в зависимости от исторической и культурной значимости каждой религии.

Федеральный закон № 125-ФЗ от 24.07.1998, регулирующий деятельность религиозных объединений, не только гарантирует им права и свободы, но и устанавливает определенные рамки. Закон утверждает, что ни одна религиозная группа не должна иметь преимуществ перед другими, и все они должны действовать в рамках единых правил, установленных государством. Иными словами, закон стремится не допустить ситуации, когда какая-либо религия займет доминирующее положение.

Прописанные в законе ограничения призваны предотвратить возможные конфликты между различными религиозными группами, а также между религиозными объединениями и обществом в целом. Например, закон может ограничивать деятельность религиозных организаций, если она нарушает общественный порядок, посягает на права и свободы других граждан, пропагандирует экстремизм или разжигает религиозную ненависть. Важно

https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=300000&volume=1001996012000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=2168&volid=1001996012000 (дата обращения: 02.08.2022).

[233] Федеральный Закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 02.08.2022).

понимать, что эти ограничения не являются произвольными, а направлены на обеспечение безопасности и благополучия общества в целом. Соблюдение установленных ограничений является необходимым условием для мирного и сбалансированного сосуществования различных религиозных общин в рамках единого правового пространства. В случае, если религиозные традиции или убеждения противоречат законодательству, государство обязано принимать соответствующие меры.

Государство и религия должны существовать в рамках четко очерченных границ, обеспечивая свободу совести и светский характер общества, означающее в свою очередь, что государство не имеет права вмешиваться в личные убеждения граждан, в деятельность религиозных организаций, а также в их внутренние дела. Вопросы веры, толкования священных текстов, применения религиозных правил, выбора духовных лидеров – все это находится в компетенции самих верующих и их организаций. Однако эта свобода не абсолютна. Государство обязано следить за тем, чтобы религиозная деятельность не нарушала закон. Если религиозные практики или убеждения противоречат законодательству, государство имеет право и обязано вмешаться.

В свою очередь, государство должно гарантировать светский характер образования, ограждая его от религиозной пропаганды и догм. Религиозные символы и обряды не должны использоваться при осуществлении государственных функций, подчеркивая нейтральность государства по отношению ко всем религиям и атеистическим убеждениям. В результате чего достигается баланс между свободой вероисповедания и светским устройством государства, где каждый гражданин имеет право на свои убеждения, а государство обеспечивает соблюдение закона и равенство всех перед ним.

В светском государстве, каким является и российское государство, религиозные организации отделены от государственных институтов, означающее в свою очередь, что они не могут выполнять функции, которые закреплены за государством, например, регистрировать браки или выдавать документы. Однако это не означает полного отчуждения государства и религиозных объединений.

Напротив, возможно и даже желательно сотрудничество в тех сферах, где их цели совпадают и приносят пользу обществу. Одним из таких направлений является духовно-нравственное воспитание молодежи, где религиозные организации могут внести значительный вклад, опираясь на свои традиции и ценности. Такое сотрудничество, как правило, оформляется в виде договоров и соглашений, определяющих рамки и условия взаимодействия.

Государство не имеет права финансировать религиозные организации напрямую, поскольку это противоречит принципу отделения религиозного объединения от государства. Вместе с тем, предоставление налоговых преференций, выделение земель для строительства социальных объектов, а также поддержка реставрации памятников религиозного искусства и инфраструктуры рассматриваются как косвенные формы поддержки. Такая помощь возможна, но должна быть ограниченной, прозрачной и обоснованной с точки зрения целевого использования бюджетных средств.

В 90-е годы XX века духовенство получило право активно участвовать в политической жизни страны. Священнослужители теперь могли баллотироваться на выборные должности и, таким образом, напрямую влиять на политику через своих представителей в органах власти, что стало важным шагом, открывшим новые возможности для выражения позиции Церкви и защиты интересов верующих. Примечательно, что Русская Православная Церковь быстро стала одним из ключевых поставщиков кандидатов на различные административные посты, что подчеркивало ее растущее влияние на общественную и политическую жизнь, и вызвало обеспокоенность патриарха Алексия II. Стремясь сохранить нейтралитет Церкви, он запретил духовенству баллотироваться на выборные должности[234].

В 1990-е годы наблюдался значительный рост религиозного самосознания. По данным исследований, к 2000-му году верующими себя считали 50-60%

[234] Гаранова Е.П. (монахиня Елена). Участие духовенства в выборах, политических партиях и органах власти с точки зрения светского и церковного законодательства // Ортодоксия. – 2021. – № 1. – С. 180.

населения, в то время как в конце 1980-х этот показатель составлял около 20%. В то же время с 1987 по 2001 год в нашей стране наблюдался впечатляющий рост числа зарегистрированных религиозных организаций. За этот период их количество увеличилось более чем в 6,5 раз, что говорит о значительном изменении в религиозной жизни общества. Если в 1987 году было зарегистрировано всего 3040 организаций, то к 2001 году их число возросло до 20215[235], что свидетельствовало о возрождении интереса к религии, разнообразии вероисповеданий и изменениях в общественном сознании.

В последние годы XX века религиозный ландшафт претерпел серьезные изменения. Государство отошло от активного регулирования религиозной жизни, передав часть своих полномочий на местный уровень. Государственная политика в сфере этноконфессиональных отношений стала опираться на конституционные[236], законодательные[237] и программные[238] нормативные правовые акты.

Ключевую роль в контроле за религиозной деятельностью стали играть местные советы и правоохранительные органы. Происходила фактическая поддержка традиционных религий, как имеющих особую историческую и культурную значимость. Такая модель взаимоотношений между государством и религиозными объединениями стала «партнерской», включающей в себя формальное соблюдение конституционных принципов светскости государства. Сотрудничество включило в себя совместные проекты, программы и инициативы,

---

[235] Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке // Независимая газета. – 2001, 27 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/facts/2001-06-27/4_mutual_relation.html (дата обращения: 03.02.2023).

[236] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.08.2022).

[237] Федеральный Закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 02.08.2022).

[238] Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// base.garant.ru/413134563/?ysclid=mtrgomksck645881252/ (дата обращения: 07.09.2026).

направленные на решение социальных проблем и укрепление общественного порядка на уровне подзаконных актов.

31 декабря 1999 года исполняющим обязанности Президента, а 7 мая 2000 года Президентом Российской Федерации стал Владимир Владимирович Путин. Своей первоочередной задачей на посту Президента Владимир Владимирович заявил урегулирование политической ситуации на Северном Кавказе.

Президент Путин неоднократно подчеркивал значимость уникального духовного и нравственного наследия, которое создали народы нашей страны: «Вызовы, с которыми мы с вами столкнулись, показали, наоборот, что это (многонациональность) – наша сила, особая, всепобеждающая сила России»[239].

4.2. Политический вклад руководителей Республики Ингушетия

В Ингушетии, образованной в 1992 году, у руля встал Руслан Султанович Аушев, избранный ее первым президентом в 1993 году. Его первоочередной задачей стало купирование Осетино-Ингушского конфликта, развернувшегося вследствие этнополитического конфликта за Пригородный район современной Северной Осетии 30 октября – 4 ноября 1992 года.

В целом приоритетом политики Руслана Султановича было предотвращение вооруженных конфликтов и укрепление ингушской государственности. Р. С. Аушев сосредоточился на решении проблемы беженцев, что было критически важно для стабилизации обстановки. Он также поддерживал реабилитацию казачества, но выступил против создания казачьих военных формирований. Значимой частью его работы являлось восстановление прав ингушского народа на исконные земли, а также сохранение и развитие национальных традиций и обычаев, которые служили фундаментом ингушского сообщества. Одной из

[239] Путин В.В. Путин назвал многонациональность России ее всепобеждающей силой // ТАСС, 2023, 19 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/17793009 (дата обращения: 22.11.2023).

важнейших инициатив Аушева стал запрет ваххабизма в республике, за которым последовали аналогичные инициативы в Дагестане и Чечне[240].

С конца 2001 по май 2002 год временно исполняющим обязанности президента Ингушетии был Ахмед Исаевич Мальсагов. Пройдя путь от преподавателя экономики до министра экономики, председателя правительства республики и временного главы республики, Ахмед Исаевич получил почетное звание «Заслуженный экономист Республики Ингушетия». Его деятельность была направлена на повышение уровня образования, культуры и благосостояния жителей региона.

С момента своего назначения на пост главы Ингушетии в 2002 году, Мурат Зязиков сосредоточил свои усилия на укреплении единства народов Северного Кавказа, стремясь к гармоничным межэтническим отношениям. Он считал сохранение государственных языков республики залогом внутреннего спокойствия и согласия, а также инструментом усиления влияния федеральных властей. Уважение к культурным особенностям и самобытности каждого народа служило основой для реализации его политических целей. Глубокое знание истории и традиций кавказских народов помогало ему принимать взвешенные решения, способствующие межэтнической стабильности в Ингушетии. Зязиков также поддерживал программы, направленные на развитие духовно-нравственных ценностей, за что был награжден орденом «Аль-Фахр» I степени от Совета муфтиев России.

Кроме того, М. М. Зязиков инициировал программы по возвращению русскоязычного населения и поддержке соотечественников за рубежом, оказывая им помощь в решении жилищных и трудовых вопросов для создания благоприятных условий на исторической родине. Он придавал большое значение повышению узнаваемости Ингушетии с целью привлечения инвестиций и развития инфраструктуры. Особое внимание уделялось поддержанию толерантности между

[240] Приймак А. Неуязвимый ваххабизм // Независимая газета. – 2016, 19 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2016-10-19/6_vahhabism2.html?ysclid=mu77tlpqko968776402 (дата обращения: 18.09.2026).

исламом и православием, а также строительству культовых сооружений обеих конфессий. В 2006 году президент В. В. Путин отметил положительный опыт Ингушетии как пример для других регионов[241].

Юнус-Бек Евкуров, возглавивший республику в начале 2011 года, сделал упор на гармонизацию межнациональных отношений. Он предложил идею примирения кровников (тех, кто находится в состоянии кровной мести) на национальном уровне, стремясь решить одну из наиболее острых проблем северокавказского общества. Его политика была направлена на сохранение уникальной культуры ингушского народа, налаживание взаимопонимания между народами Северного Кавказа, развитие духовности и нравственности, а также на профилактику экстремизма и предотвращение конфликтов на этнической и религиозной почве.

Однако, возникшие разногласия между муфтиятом и главой республики привели к ликвидации муфтията как юридического лица. Несмотря на это, действующий муфтий сохранил свою должность, но правовой статус муфтията до сих пор остается неясным.

С 2019 года Республикой Ингушетия руководит Махмуд-Али Калиматов. Его администрация в настоящее время уделяет первостепенное внимание обеспечению гармоничных межнациональных отношений, а также единству и сплоченности жителей республики. Основными задачами его деятельности являются стабилизация общественно-политической ситуации и борьба с правовым нигилизмом.

В Концепции государственной национальной политики в Республике Ингушетия, действовавшей с января 2022 по август 2026 года, было особо отмечено большое влияние на становление и развитие народов республики, которое оказал русский народ. Среди основных проблем были обозначены правовой нигилизм и коррупция[242].

---

[241] Мурат Зязиков. Биография. // Изборский клуб. – 2015, 7 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://izborsk-club.ru/11364 (дата обращения: 17.11.2025).

[242] Указ Главы Республики Ингушетия от 21.01.2022 № 11 (утратил силу 13.08.2026) «Об утверждении Концепции государственной национальной политики в Республике Ингушетия» //

4.3. Становление власти в Чеченской Республике

Произошедшие в конце XX – начале XXI веков социально-политические изменения оказали значительное влияние на внутреннюю политику России, особенно на Северо-Восточном Кавказе. На развитие радикализма на Северо-Восточном Кавказе повлияло отсутствие идеологической государственнической альтернативы, ввиду вызванной разрушением Советского Союза потери влияния идеологии интернационализма и коммунизма. В это время в обществе менялось отношение к религии, рос интерес, появлялись новые религиозные движения. При этом общественное мнение склонялось в сторону традиционных конфессий, усиливались позиции ислама, а на Кавказ проникали новые радикальные течения.

Со сменой политического устройства российского государства существенные трансформации коснулись каждого его региона. Северный Кавказ переживал время перемен, когда голос народа стал громче, а региональная идентичность переживалась – острее. Религиозные лидеры оказывали прямое влияние на принятие решений и формирование будущего региона.

На такую траекторию развития событий тогда указывал американский политик З. Бзежинский: «Поскольку природа не терпит вакуума, уже сейчас очевидно, что внешние державы, особенно соседние исламские государства, скорее всего, попытаются заполнить геополитическую пустоту, образовавшуюся в Центральной Азии в результате падения российского имперского влияния. Турция, Иран и Пакистан уже ведут борьбу за расширение своего влияния, в то время как более отдаленная Саудовская Аравия финансирует масштабные усилия по возрождению мусульманского культурного и религиозного наследия региона. Таким образом, ислам продвигается на север, обращая вспять геополитический импульс последних двух столетий»[243].

Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// docs.cntd.ru/document/406018486?ysclid=mubfgh8afx744740673/ (дата обращения: 07.09.2026).

[243] Brzezinski Z. Out of control: global turmoil on the eve of the twenty-first century. – New York: Simon and Schuster, 2010. – P. 141.

В условиях неопределенности и поиска новых ориентиров многие неравнодушные люди обратились к религиозно-политическим объединениям, фондам и учебным заведениям, зачастую имеющим иностранное влияние. Тем не менее местные традиционные мусульманские общины, опираясь на свои исторические корни и культурные традиции, стремились сохранить стабильность и гармонию в обществе, несмотря на давление, оказываемое со стороны иностранного сепаратистского влияния[244].

Однако рост активности сторонников ваххабизма стал возможен прежде всего в связи с вербовкой молодежи, испытывающей трудности как с поиском работы, так и с ориентацией на свои национально-культурные традиции[245]. В последние годы наблюдается заметная тенденция к омоложению состава экстремистских групп, что свидетельствует о планомерной рекрутинговой политике внешних деструктивных сил, нацеленных на молодежь[246]. Ваххабизм стал привлекать молодежь, которая изыскивает смысл и опору в условиях неопределенности и социального кризиса[247]. Отсутствие альтернативных форм идеологической идентичности усугубляет ситуацию.

Сосуществование последователей традиционного ислама и ваххабитов в регионе начало превращаться в открытое противостояние с радикальными группами, которые под лозунгом борьбы с коррумпированными чиновниками и духовными лидерами[248] постепенно перешли к политической дестабилизации региона.

---

[244] Сидоров Д.В. Политические факторы структурирования мусульманского сообщества Российской Федерации: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2015. – С. 106-136.

[245] Семедов С.А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 230.

[246] Рябченко Е.В. Идеология экстремизма как средство социального управления // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 305-308.

[247] Майстренко Г.А. Противодействие политическому экстремизму: современные тенденции // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Том 10, № 1А. – С. 16-23.

[248] Баширов Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов современной России. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – С. 21, 137.; Нунуев С.М. Политические факторы распространения религиозного радикализма в постсоветской Чечне // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 243.

Корни распространения ваххабизма уходили в социально-экономические трудности, политическую нестабильность, недостаточную религиозную образованность, коррупцию и влияние извне. Активная политизация ислама провоцировала противостояния между различными направлениями внутри самой религии[249]. Ваххабиты стали основными критиками суфизма и сыграли главную роль в развитии деструктивных политических процессов на территории Северного Кавказа, где поддержку им оказали иностранные государства, неправительственные организации и финансируемые ими агенты влияния. На этот процесс накладывалась нехватка кадров у местных религиозных общин, так как «отсутствие специалистов по шариатским нормам, зачастую компенсировалось за счет приглашения их из арабских стран»[250].

После распада СССР Чечня погрузилась в хаос. Вакуум власти был заполнен националистической организацией Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), возглавляемой Джохаром Дудаевым. Конгресс сформировал собственные органы управления. К середине десятилетия, частично признанное соседней Грузией, сепаратистское террористическое образование Чеченская Республика Ичкерия стала рассадником преступности, терроризма и беззакония, что вызвало серьезную обеспокоенность у федерального центра.

Чечня фактически стала суверенным образованием, обладающим всеми атрибутами независимости в виде вооруженных сил, парламента, президента, собственной внешней политики и суда. Однако шариатские судьи Ичкерии – *кади* мало чем отличались в своих корыстных делах от светских чиновников, обвиняемых ими же в злоупотреблениях: «Период шариатского правления в Чечне стал временем разгула религиозно-политического авантюризма, который углубил противоречия между верующими разных конфессий, вызвал раскол в обществе, привел к политическому хаосу и полной дезориентации людей»[251].

---

[249] Мирзаханов Д.Г. Процесс политизации мусульманского сообщества в постсоветской России: автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02. – Пятигорск, 2019. – С. 24.

[250] Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01. – М., 2017. – С. 337.

[251] Шарафутдинова Э.Ф. Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – С. 111.

Чечня «развивалась вне общероссийских политических трансформационных процессов, хотя испытывала их влияние»[252]. В то же время сепаратистские настроения прокатились по таким регионам России, как: Башкортостан, Татарстан, Чечня, некоторые регионы Сибири и Урала[253].

Некоторые из них требовали большей независимости на фоне кризиса федеральной власти и усиливающегося общественного сепаратизма, отказывались вносить налоговые отчисления в бюджетную систему России, исполнять закрепленную Конституцией РФ воинскую обязанность и соблюдать принципы организации региональной власти в Российской Федерации.

Переосмысление взаимодействия между федеральными властями, регионами, этническими группами и социальными элитами, а также необходимость учета различных этнорелигиозных и исторических традиций стали ключевыми факторами для восстановления утраченного политического влияния федерального центра.

В конце 1994 года федеральный центр ввел в Чечню войска, что стало отправной точкой к началу военных операций по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994-1996 гг. Произошел жестокий конфликт с огромными потерями с обеих сторон. В 1996 году были подписаны Хасавюртовские соглашения, фактически признавшие поражение федеральных сил и оставившие нерешенным вопрос о статусе Чечни.

С лета 1999 года в Чечне активизировался очередной приток наемников и финансовой поддержки экстремистских группировок из-за рубежа. В августе этого года чеченские боевики вторглись в Дагестан, что стало поводом для начала контртеррористической операции в конце ноября 1999 года.

Проживавшее на Северном Кавказе русское население в конце XX века столкнулось с множеством вызовов, которые привели к его вытеснению с ключевых позиций в политической, экономической и культурной сферах. Так, Президент

---

[252] Вакула И.М. и др. Этноконфессиональная конфигурация республик Северного Кавказа. – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2007. – С. 93.

[253] Ахметов А.А. Кризис легитимности власти как ключевой фактор актуализации сепаратизма в России в 90-е гг. XX в. // Вестник МГОУ. – 2011. – № 3. – С. 98-102.

России В. В. Путин в интервью французскому еженедельнику «Пари-матч» сообщал: «По сути, в последние годы на территории Чечни мы наблюдали широкомасштабный геноцид в отношении русского народа, в отношении русскоязычного населения <…> Указанное обстоятельство привело к тому, что многие функции остались невостребованными, либо стали осуществляться с определенным затруднением. Ситуация усугубилась оттоком русских, что создало определенный дефицит профессионалов различных сфер деятельности, а также создает трудности в привлечении новых специалистов из других территорий Российской Федерации и в наши дни».[254]

Положить конец безвластию в Чечне и начать процесс восстановления удалось с назначением Ахмата Абдулхамидовича Кадырова главой республиканской администрации в 2000 году. А. А. Кадыров отказался подчиниться преступной воле президента самопровозглашенной Ичкерии А. А. Масхадова в объявлении религиозной войны российскому государству и его народу: «Я стал на защиту тариката, традиционного ислама, и за это мне объявлена война. Сегодня понятно, чью сторону в этой войне занял Масхадов. <…> Наступил момент, когда каждый из нас должен сделать свой конкретный выбор, иначе конца этому противостоянию не будет»[255].

В 2000 году руководство Чеченской Республики предприняло решительные шаги для противодействия радикализации. По многочисленным обращениям обеспокоенных распространением ваххабизма и его влиянием на молодое поколение имамов и местных жителей власти республики ввели запрет на деятельность радикальных религиозных организаций и групп[256]. В 2001 году А. А.

---

[254] Путин, В. В. Интервью французскому еженедельнику «Пари-матч» // Официальный сайт Президента России. – 2000, 6 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24166 (дата обращения: 02.09.2024).

[255] Кадыров А.А. Из выступления Ахмат-Хаджи Кадырова перед алимами и главами администраций 1 мая 2004 г. в г. Гудермесе // Комитет Правительства Чеченской Республики по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2004, 1 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://comchs.ru/index.php/vacancy/7-blog/11-zoo-extension (дата обращения: 05.08.2024).

[256] Власти Чечни запретили ваххабизм // Независимая газета. – 2000, 27 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/events/2000-07-27/2_prohibited.html (дата обращения: 23.12.2024).

Кадыров подписал распоряжение о запрете в Чечне ваххабизма и связанных с ним религиозных организаций. Благодаря принятому с учетом мнения религиозных авторитетов и местного населения решению была достигнута эффективность в снижении экстремистской активности.

Наладив диалог и сотрудничество с людьми различных взглядов, в том числе с теми, кто ранее был оппозиционно настроен к центральной власти, Ахмат-хаджи Кадырову удалось сплотить общество, что заложило фундамент для мирного сосуществования республики в составе России. В рамках этого процесса наблюдалось постепенное усиление республиканских органов власти и делегирование им полномочий от федеральных структур.

Под руководством Ахмат-хаджи Кадырова республика начала медленное, но уверенное восстановление политической, социальной, экономической и других сфер. Чечня, пережившая тяжелые времена, накопила уникальный опыт преодоления трудностей, опираясь на свои корни. Поэтому особое внимание уделялось возрождению чеченской культуры и традиций, которые рассматривались как основа развития и профилактики экстремизма.

В дополнение к региональным мерам, направленным на борьбу с экстремизмом, был принят Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», предусматривающий реализацию «профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц»[257].

Трагическая гибель А. А. Кадырова в 2004 году стала огромной потерей для всей республики. Его вклад в установление мира и борьбу с терроризмом был

[257] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения: 02.08.2022).

отмечен высшей государственной наградой – званием Героя России (посмертно). Врио главы республики стал Сергей Борисович Абрамов, также претерпевший череду терактов и покушений. Он заявил о намерении восстановить Грозный и интегрировать республику в российскую правовую систему, стремясь обеспечить прозрачность бюджета и привлечь инвестиции. Абрамов уделял внимание изучению чеченского языка и налаживанию связей с местными властями, видя будущее Чечни в создании современной и процветающей республики. Несмотря на ограниченный срок пребывания в должности, он продемонстрировал свою приверженность развитию и стабильности региона.

Периодические террористические акты, такие как захват заложников в Москве на Дубровке, взрывы в наземном транспорте и метро, а также трагедия в Беслане, постоянно напоминали о хрупкости мира. Из-за рубежа звучали заявления в поддержку сепаратистских бандгрупп. Например, известный египетский проповедник Ю. аль-Кардави в своей фетве об их деятельности писал: «Впечатляющую борьбу, которую ведут наши братья в Чечне, можно рассматривать как один из наилучших видов джихада на пути Аллаха. Они сражаются за защиту своей страны, чести и религии против тиранической репрессивной силы, которая не боится Аллаха и не проявляет милосердия ни к одному живому существу»[258].

В 2004 году, вступив в должность главы Чечни, Алу Дадашевич Алханов провозгласил курс на укрепление связей с Российской Федерацией и установление диалога с сепаратистскими силами. Его приоритетами стали экономическое развитие, привлечение инвестиций и снижение уровня безработицы, а также утверждение принципов многонациональности и противодействие внутриэтнической дискриминации тайпов. Однако А. Д. Алханов вызвал неоднозначную реакцию федеральных властей, предложив изучить возможность управления Чечней на основе законов шариата.

[258] Исламский ученый объявил России джихад // БДГ Деловая Газета. – 2004, 23 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bdg.news/archive/islamskiy-uchenyy-obyavil-rossii-dzhihad (дата обращения: 21.08.2024).

К 2006 году удалось нейтрализовать основных лидеров незаконных вооруженных формирований, что стало значительным достижением в борьбе с сепаратизмом. Одним из ключевых документов в области обеспечения безопасности этого времени стал Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете»), ставший основой для создания Национального антитеррористического комитета, в настоящее время возглавляемого Директором ФСБ России генералом армии А. В. Бортниковым. В рамках реализации данного указа в большинстве регионов страны были сформированы антитеррористические комиссии, возглавляемые руководителями субъектов Российской Федерации и играющие важную роль в координации усилий по предотвращению террористических актов и радикализации населения.

Затем Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ года «О противодействии терроризму» дал официальное определение терроризму – «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»[259].

Дело А. А. Кадырова по достижении 30-летнего возраста продолжил его сын Рамзан Ахматович Кадыров, возглавивший Чечню в 2007 году. Под его руководством республика достигла значительных успехов в социально-экономическом развитии. Была обеспечена политическая стабильность, восстановлены города и села, модернизированы системы здравоохранения и образования. Контртеррористическая операция на территории Чечни была завершена в 2009 году.

[259] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 02.08.2022).

В 2012 году был дан старт масштабной инициативе, направленной на укрепление взаимодействия государства и религиозных организаций в России. Президент В. В. Путин предложил ряд мер, которые получили одобрение со стороны религиозных лидеров и впоследствии были активно внедрены на практике. Ключевыми направлениями сотрудничества стали: поддержка семьи и решение демографических проблем через создание специализированных центров, развитие духовного воспитания в школах, реформирование системы финансирования социальных учреждений с привлечением представителей религиозных организаций, адаптация мигрантов к российской культуре, возрождение института военного духовенства и расширение религиозного контента в средствах массовой информации[260]. Как отражение этой тенденции в Администрации Главы Чеченской Республики предписали женщинам носить «национальную» одежду[261].

В феврале 2016 года была утверждена Концепция государственной национальной политики Чеченской Республики». Среди прочего, она предусмотрела мониторинг федеральных СМИ на предмет разжигания межнациональной и межконфессиональной розни, способных повлиять на состояние этноконфессиональных отношений в Чеченской Республике[262]. В свою очередь, патриотизм, религиозные ценности и вайнахские адаты были указаны основными постулатами в Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чечни в 2021 году[263].

---

[260] Назаров А.А. Основные тенденции, перспективы и исторические предпосылки реализации программы взаимодействия государства и религиозных объединений // Вестник РМАТ. – 2016. – №2. – С. 13.

[261] В Чечне преподаватели жалуются на исламский дресс-код // Комсомольская Правда. – 2012, 5 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/daily/25894/2854132/ (дата обращения: 02.08.2022).

[262] Указ Главы Чеченской Республики от 05.02.2016 № 14 «О Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/35916759/?ysclid=mubdoyryzt677000021/ (дата обращения: 02.08.2026).

[263] Указ Главы Чеченской Республики от 05.10.2021 № 177 «О Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа:

В августе 2024 года кавказский регион понес утрату – ушел из жизни муфтий И. А. Бердиев, долгое время возглавлявший Координационный центр мусульман Северного Кавказа. Он внес большой вклад в стабилизацию ситуации в регионе несмотря на то, что его высказывания о правах женщин вызывали острые дискуссии в СМИ. После его кончины Координационный центр возглавил муфтий Чечни С. М. Межиев. Он продолжает курс на консолидацию чеченского общества вокруг главы республики, подчеркивая важность наследия шейха Кунта-хаджи Кишиева как примера религиозного и политического лидера, способствовавшего укреплению национального самосознания чеченского народа.

4.4. Деятельность глав Республики Дагестан

В 90-е годы начался процесс формирования исламских политических организаций. В Дагестане появилась «Исламско-демократическая партия», а на общероссийском уровне – «Союз мусульман России». Также была создана «Исламская партия России». Эти организации стали площадкой для политического самовыражения мусульман и защиты своих интересов в новой, постсоветской реальности.

Распад СССР стал периодом серьезных испытаний для Дагестана. В этот период республику возглавлял Магомедали Магомедович Магомедов. С целью укрепления единства и урегулирования этнических противоречий в Дагестане было принято решение о создании Государственного Совета. Этот орган, функционировавший с 1994 по 2006 год, играл ключевую роль в обеспечении представительства всех этнических групп республики. Государственный Совет, будучи коллегиальным органом, наделенным значительными полномочиями, отвечал за выработку политического курса, назначение главы исполнительной власти и формирование предложений по составу правительства. Избираемые на

publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202110070001?ysclid=mube126rt9251799992&index=1 (дата обращения: 02.08.2026).

четырехлетний срок, его участники не могли одновременно занимать другие государственные посты или состоять в политических партиях.

Усилия М. М. Магомедова способствовали снижению влияния радикальных движений, деятельность которых в 90-х гг. XX века захватила умы значительной части населения. В то же время многие дагестанцы осознали опасность сепаратизма и отказались от его идей. Проводимая Магомедали Магомедовичем политика уважения к культуре и традициям каждого народа республики способствовала укреплению единства дагестанского общества.

Происходило повышение информированности населения о парламентской деятельности, свободное обращение информации в области политических отношений, налаживание прямого взаимодействия с представителями законодательной власти, а также демонстрация процесса законотворчества.

16 января 1998 года в Республике Дагестан был принят закон № 5 «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях». Закон соответствует конституционному принципу равенства всех религиозных объединений. Это позволяет избежать потенциальной дискриминации и обеспечивать равные возможности для всех вероисповеданий.

В 1999 году Дагестан столкнулся с вторжением боевиков из Чечни, захвативших села Карамахи и Чабанмахи и установивших теократический режим. Боевикам был дан резкий отпор, что стало еще одним свидетельством стойкости и единства дагестанского народа. Вскоре был принят республиканский Закон от 22.09.1999 года № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан». Этот нормативно-правовой акт включил законодательный запрет на создание и деятельность организаций ваххабитского толка, а также исключил правовые основания работы религиозных миссий, учебных заведений и других объединений, имеющих отношение к распространению экстремистских идей в республике[264].

[264] Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 г. № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/26502658/ (дата обращения: 02.08.2022).

В 2004 году для предотвращения радикализации, в России был введен запрет на создание политических партий по национальному или религиозному признаку. В статьях 13, 14, 19, 28, 29 Конституции Российской Федерации содержатся правовые основы недопустимости формирования политических партий на почве этнорелигиозной принадлежности. Указанные нормы служат основой для равного участия граждан в политической жизни страны, независимо от национальности или религиозных убеждений [265].

Законодательный запрет на формирование партий по этническому принципу направлен на то, чтобы под прикрытием защиты интересов определенной этнической группы не нарушался конституционный принцип равенства по национальной принадлежности и не происходило доминирование представительства определенной этнической группы в законодательных и исполнительных органах власти. В противном случае общество может столкнуться с ростом этнической напряженности и конфликтами на национальной почве.

С 2006 по 2010 года Дагестан возглавлял Муху Гимбатович Алиев, чья деятельность характеризовалась умением находить баланс между политическими интересами и запросами населения. Муху Гимбатович вел четкую линию поддержки патриотизма и мирного ислама, направленную против национализма и радикализма. М. Г. Алиев активно поддерживал духовных лидеров, радеющих о развитии Дагестана.

С 2010 по 2013 год главой Дагестана был Магомедсалам Магомедалиевич Магомедов, чья основная задача заключалась в укреплении гражданского и национального единства. Он акцентировал внимание на сохранении культурного наследия народов России и консолидации страны.

С 2013 года республику возглавил Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов, который сосредоточился на задачах этнорелигиозной политики. Его приоритетами

[265] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О политических партиях» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 02.08.2022).

стали укрепление межнационального согласия, профилактика экстремизма и сохранение традиционных ценностей дагестанского общества.

Во время руководства Дагестаном Рамазан Гаджимурадович делал акцент на культурном развитии и налаживании межрелигиозного диалога. Помимо экономических реформ, активно поддерживались традиционные ценности, создавались культурные центры. Для снижения напряженности между различными исламскими течениями, включая *салафитов* (сторонников предков), организовывались дискуссии с участием уважаемых религиозных деятелей.

В целях предотвращения сепаратизма и укрепления единства общества, администрация Р. Г. Абдулатипова сотрудничала с общественными и религиозными организациями. Это сотрудничество было направлено на политико-правовое воспитание граждан, защиту их конституционных прав и свобод, а также на поддержание межнационального и межконфессионального мира и согласия. Основой для этой работы стал Закон Республики Дагестан № 20 от 4 апреля 2016 года «О профилактике экстремистской деятельности».

Регулировать отношения между гражданами, гарантируя равенство прав независимо от их происхождения, вероисповедания и других признаков, был призван Закон Республики Дагестан № 23 от 10 апреля 2017 года «О правовых основах развития межнациональных отношений». Закон был направлен на обеспечение стабильности в межнациональных отношениях, на профилактику конфликтов через утверждение принципа недопустимости использования религии в корыстных политических целях.

Владимир Абдуалиевич Васильев, руководитель Республики Дагестан с 2017 года, вел жесткую антикоррупционную политику, направленную против «этнического квотирования». В. А. Васильев, сделав ставку на открытый диалог между властью и гражданами, продолжил работу по обеспечению этнорелигиозного мира и согласия в республике. Он активно привлекал общественные организации к сотрудничеству с государственными структурами и поддерживал инициативы, направленные на укрепление дружбы между народами Дагестана и сохранение уникального культурного наследия региона.

С 2020 по 2026 год республику возглавлял Сергей Алимович Меликов. Он сосредоточил усилия на социально-экономическом развитии Дагестана, как одном из условий нивелирования радикальных взглядов. Участниками террористических группировок в регионе в большинстве своем становятся выходцы из маргинальных слоев населения, хотя известны случаи вербовки успешных молодых людей. Так, в июне 2024 года в г. Дербент прогремел теракт, совершенный детьми влиятельного чиновника. Трагедия унесла жизни нескольких десятков ни в чем не повинных местных жителей и 15 сотрудников правопорядка[266].

В Дагестане была широко развернута военно-патриотическая работа. Особое внимание в республике уделялось поддержке тех, кто участвует в Специальной военной операции на новых территориях России, и их близким. Открылись специализированные реабилитационные центры, была запущена программа «СВОй бизнес», которая помогает ветеранам и членам их семей запустить собственные предприятия.

4 мая 2026 года врио главы Дагестана был назначен Федор Вячеславович Щукин, который таким образом покинул пост председателя Верховного суда этой республики. Федор Вячеславович отличился требовательностью и оперативностью при организации выплат компенсаций пострадавшим от масштабного весеннего наводнения 2026 года, затронувшего в том числе г. Махачкалу.

[266] «Семья террористов»: как дети дагестанского чиновника стали террористами // Сетевой новостной портал news.ru – 2024, 24 июня [Электронный ресурс]. Режим доступа: news.ru /society/semya-terroristov-kak-deti-dagestanskogo-chinovnika-stali-radikalami?ysclid=mou08dhofl154142328 (дата обращения: 06.05.2026); Дети чиновника, член СЗРП и боец ММА: кто устроил двойной теракт в Дагестане // Газета.Ru. – 2024, 24 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2024/06/24/19300825.shtml (дата обращения: 22.08.2024).

§ 5. Социальное значение ислама

5.1. Ценности ислама и гражданское общество

Будучи ключевым элементом духовной культуры человечества, религия выступает не только как система верований, но и как мощный инструмент социальной интеграции, способствующий формированию идентичности и сплоченности различных этнических групп. Каждая религия формирует свои собственные аксиологические убеждения о смысле жизни и предназначении человека, что, в свою очередь, сказывается на поведении и моральных ориентирах ее последователей. Межэтническое и межрелигиозное согласие, основанное на принципах традиционных религий, является символом силы государства.

Ислам отвергает идеи превосходства одной нации над другой, которые лежат в основе радикальных течений, вроде фундаментализма, национализма или шовинизма. Исламская идентичность включает в себя уважение и терпимость к другим культурам и вероисповеданиям, что делает естественным мирное сосуществование ислама с другими традиционными религиями России.

Так, развитию толерантности к культурному многообразию способствуют духовные предписания традиционных религий России, что выступает важным фактором укрепления общественной стабильности и мира. При этом функция сохранения и передачи духовных ценностей и мировоззренческих парадигм, при обеспечении непрерывности культурного развития выступает в качестве одной из основополагающих традиционных религиозных институтов. Оказывая существенное влияние на общественные нормы и повседневную жизнь, они формируют культурно-исторический базис. В связи с чем, религиозные объединения выступают в качестве специфического механизма восприятия и интерпретации действительности, формирующего коллективное сознание. Исторически, в России, как православие, так и исламская культура, играли значимую роль в формировании моральных, правовых и социально-экономических основ многонационального общества. Исламское вероучение, безусловно, является

фактором, способствующим стабильному и гармоничному развитию российского общества.

Мусульмане в России сосредоточены в семи регионах, особенно на Северном Кавказе: Ингушетия (98%), Чечня (96%), Дагестан (94%), а также Кабардино-Балкария (63%), Башкортостан (54,5%) и Татарстан (54%)[267]. На Северо-Восточном Кавказе духовная жизнь тесно связана с вековыми традициями. Здесь религиозные верования органично вплетаются в повседневность, формируя неповторимый уклад, который обогащает культуру региона.

Так, в Чечне к сентябрю 2016 года действовало 125 мусульманских организаций, включая 18 медресе и 2 исламских вуза, при этом православных и старообрядческих организаций всего 8[268]. В Ингушетии (2019) зарегистрировано 18 религиозных организаций, из них 3 православных. По состоянию на 2024 год в Дагестане (около 90% мусульман) насчитывалось 936 религиозных организаций, из которых 903 мусульманские, включая 5 исламских университетов и 19 медресе[269].

Исходя из представленных данных, очевидно, что доминирующие религиозные ценности ислама являются глубоко укоренившимися в гражданском обществе Северо-Восточного Кавказа. Религиозные доктрины, являющиеся основополагающими для мировоззрения значительной части населения, оказывают детерминирующее влияние на социальные, культурные и экономические процессы, формируя систему ценностей и приоритетов общества. Общество

---

[267] Двадцатка самых исламизированных регионов России // Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня». – 2012, 23 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/. (дата обращения: 27.11.2025).

[268] В Чеченской Республике насчитывается 1539 мечетей // Информационное агентство Чеченской Республики «Грозный-информ». – 2025, 25 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.grozny-inform.ru/news/society/178475/ (дата обращения: 27.11.2025).

[269] Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. Официальный сайт. – 2024, 25 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minnacrd.ru/files/30/%D0%A1%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D1%85%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%94%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20(1)%20(1).doc (дата обращения: 27.11.2025).

Северо-Восточного Кавказа отличается высокой степенью многообразия и динамичностью развития. Духовные лидеры региона, эффективно применяя нравственно-этические постулаты и нормы мусульманского права, способствуют поддержанию социальной стабильности. Исламская идеология, базирующаяся на принципах высокой морали, играет существенную роль и является необходимым условием для поступательного развития Северо-Восточного Кавказа. Интеграция религиозных принципов в общественную жизнь способствует консолидации, инициированию морально-этических трансформаций и укреплению гражданского мира.

Ислам, будучи неотъемлемой частью этого уклада, выступает как мощная сила, способствующая развитию общества. Он вдохновляет на уважение к старшим, к справедливости и к сохранению самобытных обычаев. Исламские ценности, с их акцентом на нравственность и духовное совершенствование, служат ориентиром для каждого мусульманина, помогая ему социализироваться и развиваться.

Ислам предлагает целостную парадигму мировоззрения, охватывающую все аспекты человеческого бытия, от интимной сферы до макросоциальных процессов. Высокие моральные императивы, заложенные в исламской доктрине, служат фундаментом для формирования устойчивого общества и повышения уровня жизни населения Северо-Восточного Кавказа. Интеграция религиозных принципов в общественную практику способствует решению задач по укреплению социальной солидарности, проведению этических реформ и обеспечению гражданского консенсуса.

На Северо-Восточном Кавказе исламская традиция выступает как значимый фактор обогащения культурного ландшафта гражданского общества, одновременно являясь ключевым элементом личностной самоидентификации. Религиозные ритуалы и праздники выполняют функцию социокультурных интеграторов, укрепляя внутриобщинные связи и обеспечивая трансляцию культурного наследия. Концепция уммы, подчеркивающая единство мусульман вне зависимости от их этнокультурных особенностей, подчеркивает роль духовных

лидеров, чьи функции зачастую включают в себя как религиозные, так и социально-политические аспекты.

Универсальные ценностные ориентации, такие как свобода, справедливость, уважение к жизни и человеческому достоинству, признаются общечеловеческими и служат основой для международного сотрудничества. Они создают предпосылки для эффективного взаимодействия и диалога между представителями различных этнических и социальных групп, обеспечивая пространство для самореализации каждого индивида.

Коллективные ценности формируются в результате взаимодействия различных социальных групп и могут эволюционировать под воздействием исторических и культурных факторов. Они помогают членам группы ощущать себя частью единого целого, формируют их идентичность и укрепляют внутренние связи в объединении.

Индивидуальные ценности представляют собой субъективные убеждения и приоритеты каждого человека, складывающиеся под влиянием воспитания, образования, жизненного опыта и окружения. Поэтому они могут как совпадать с общепринятыми нормами, так и отличаться от них.

В отличие от общечеловеческих и коллективных ценностей, религиозные ценности формируют уникальные социальные группы, объединенные на религиозных принципах и духовных убеждениях. Религиозные ценности охватывают разнообразные аспекты: экзистенциально-психологические, которые помогают людям находить смысл жизни и справляться с внутренними конфликтами; духовно-нравственные, связанные с моральными нормами и этическими принципами, регулирующими поведение верующих; социологические, подчеркивающие влияние религии на социальные структуры; эстетические, которые проявляются в искусстве и ритуалах, создающих неповторимую атмосферу духовной культуры.

Ислам является инструментом взаимодействия верующего с Богом, окружающим миром и другими людьми. Мусульмане верят, что духовные и нравственные принципы исходят от Всевышнего. Вера подразумевает

обязательство человека перед Создателем следовать моральным правилам ради неоспоримой истины, полученной пророком Мухаммадом от Всевышнего Аллаха через Джабраила, одного из четырех особо приближенных ангелов *мукаррабун* (приближенный). Ислам утверждает, что вся власть принадлежит Всевышнему Аллаху, и только Он является истинным и единственным источником законов[270]. Религиозные нормы ислама рассматриваются как абсолютные и неизменные, поскольку они исходят из Божественного Откровения и обязательны для верующих.

Религия может как объединять, так и разделять людей в зависимости от контекста и толкования. В этой связи значимость религиозных лидеров для государства определяется их способностью продвигать гуманистические ценности[271]. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» относит гуманизм к традиционным ценностям. В основе гуманизма как философской концепции лежит признание высшей ценности человеческой личности, ее прав и свобод. Институты гражданского общества, будучи проводниками и защитниками этих гуманистических идеалов, играют незаменимую роль в налаживании конструктивного диалога между людьми. Они создают условия для продуктивного сотрудничества и способствуют формированию атмосферы, где уважение к различным точкам зрения и убеждениям является нормой.

Исламское учение содержит имеющие значение для всего человечества важные гуманистические принципы отношений в обществе[272]. Принципы

---

[270] Харсиев М.Д., Магомедов М.З. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

[271] См. Основы религиоведения: учебник / ред. Яблоков И.Н. – М.: Высшая школа, 1994. – С. 71.

[272] Акаев В.Х. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов

«гармонии и согласия», «мира и доброты», заложенные в мусульманской аксиологии, побуждают верующих с уважением относиться к последователям других религий. Важнейшими аспектами являются концепции справедливости и милосердия к людям, вне зависимости от их расы или религиозной принадлежности, что в различных формулировках отражено в Коране: «О вы, кто верует! Свидетельствуя пред Аллахом, вы будьте стойко-справедливы. И пусть их неприязнь к вам не отклонит вас от (решений) справедливых. Блюдите (строго) справедливость, – ведь это ближе к благочестию (стоит). Страшитесь разгневить Аллаха, – Поистине, Он сведущ в том, что делаете вы»[273], «И ты увидишь, что из всех людей сильнее всех вражда к уверовавшим (в Бога) многобожников и иудеев. И, несомненно, ты найдешь, что ближе всех в любви к уверовавшим те, кто говорит: Мы – назореи и это потому, что среди них есть иереи и монахи, которые гордыни лишены (И не возносятся перед другими)»[274].

Моральные правила, базирующиеся на религиозных текстах, часто интерпретируются по-разному в зависимости от исторического, культурного и социального фона, что указывает на важность открытости новому опыту и готовности пересматривать собственные убеждения на основе новых знаний. В условиях изменения социальных и правовых норм соблюдение религиозных предписаний конкретизируется через фетвы – официальные разъяснения мусульманских богословов по общественно значимым вопросам. Критическое осмысление помогает глубже понять исламские ценности, развить взвешенное отношение к другим религиям и культурам, а также искать компромиссы между приверженцами противоположных точек зрения.

М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

[273] Коран: перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. – М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2018. – 5 Сура «Трапеза», аят 8.

[274] Там же, 5 Сура «Трапеза», аят 82.

Принципы справедливости, милосердия, честности и уважения к окружающим стали важными составляющими нравственного базиса в исламе. Население Северо-Восточного Кавказа в целом поддерживает идеи гражданского общества, демократического государства, уважения прав человека, социальной справедливости и активного участия граждан в управлении. Тем не менее, в этом взаимодействии неизбежно возникают определенные конфликты.

Так, одним из ключевых различий между исламскими ценностями и принципами гражданского общества является разное понимание роли политики и права. В мусульманских сообществах право и политика тесно связаны с религиозными установлениями и неотделимы от духовной сферы. В светском же гражданском обществе, где в центре внимания находятся права и свободы личности, религиозные ценности могут сосуществовать с гражданскими принципами, но не должны иметь над ними доминирующее влияние. Опираясь на систему сдержек и противовесов, создается пространство для многообразия взглядов и убеждений, что позволяет различным группам и отдельным лицам свободно выражать свои мнения и принимать участие в политической жизни.

5.2. Основы вероучения ислама

Священное Писание ислама, Коран, является краеугольным камнем вероучения. Мусульмане верят, что Коран представляет собой неизменное откровение от Аллаха, Творца всего сущего. Центральным постулатом Корана является единобожие (*таухид*), провозглашающее поклонение исключительно Аллаху. Кроме того, Коран содержит наставления относительно добродетелей и пороков, формируя основу для моральных и этических норм, а также для правовых предписаний исламского права (шариата).

Коран был записан со слов пророка Мухаммада, который считается посланником Аллаха. Учение о «завершении пророчества» в лице Мухаммада имеет ключевое значение для религиозной идентичности мусульман. После смерти пророка и других *авлия* (праведников), в особенности последнего праведного халифа Али ибн Абу Талиба, возникла опасность превращения их могил в объекты

поклонения. Для решения этого и последующих вопросов начало формироваться священное предание – *Сунна*, которая была направлена на уточнение, толкование или ограниченное применение некоторых положений Корана[275]. Коран и Сунна стали образцом и руководством ислама, его нравственно-этических принципов[276].

Таухид подразумевает искренность веры человека в единственность Бога, достойного поклонения[277], Его несотворенность и бесконечность существования, неизменность, независимость и уникальность. *Сифаты* (атрибуты, приписываемые Богу в исламе), характеризуют не только Его *затийя* (сущность), но и *субутия* (действия): Животворящий, Всезнающий, Всеслышащий и Всевидящий, Всесильный и Могущественный и др. Их количество составляет 41, из которых 20 – обязательно присущие, еще 20 – противоположные им и не присущие, от которых Всевышний чист, и 1 – возможный (сотворение чего-либо логически возможно).

Утверждая, что высшая власть принадлежит Творцу, а не народу, ислам отвергает идею гражданского управления, означая, что законы и нормы, регулирующие жизнь общества, воспринимаются как Божественное Откровение, а не как результат волеизъявления граждан. Этика исламского вероучения базируется на высоконравственных принципах справедливости, щедрости, благоволении, милостивом отношении к ближнему. Укрепление принципов равенства и братства, а также стремление каждого человека к нравственно-духовному совершенствованию, сформировали ключевые характеристики общественного устройства первой мусульманской общины времен пророка

---

[275] См. Нурилова А.З. Философские проблемы авраамического монотеизма: автореф. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Махачкала, 2001. – С. 19.; Тауфик Ибрагим Основные ценности и институты классического ислама // Россия и мусульманский мир. – 2003. – № 10. – С. 138-146.

[276] Сеидова Г.Н. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

[277] Коран: перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. – М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2018. – 47 Сура «Мухаммад», аят 19.

Мухаммада[278]. В то же время личная собственность считалась священной и недоступной для посягательства[279], поэтому финансовое неравенство воспринималось как обычное (естественное) состояние.

Основными ценностями религии стали: человек как достойное творение Всевышнего; братские связи единоверных; запрет на причинение вреда другим; добрые дела; взаимное уважение и доброжелательность.

Суннитский ислам, к которому принадлежит абсолютное большинство мусульман мира, представляет собой четыре религиозно-правовые школы: Шафиитский, Ханафитский, Маликитский и Ханбалитский мазхабы. Важной особенностью Северо-Восточного Кавказа является преобладание Шафиитского мазхаба, в отличие от Северо-Западного Кавказа, где более распространен Ханафитский мазхаб, что отражает не только религиозные предпочтения, но и исторические, культурные и социальные особенности региона[280].

Дин (от перс. دین – религия) представляет собой глубокое учение, охватывающее не только духовные аспекты, но и практические принципы повседневной жизни. Можно выделить три ее ключевых элемента: *ислам, иман* и *ихсан*. Каждый из них имеет важное значение для формирования исламской идентичности и практики.

Ислам (покорность) – сосредоточен на практических действиях и поведении верующих, строгом следовании нормам, которые явно указывают на принадлежность человека к этой религии, а также выполнении предписаний шариата.

---

[278] Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

[279] Агамов А.А. Исламский фактор и социально-экономические процессы на Северном Кавказе (на примере Республики Дагестан): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – М., 2006. – С. 10-12.

[280] Албогачиева М.С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.): дис. … д-ра истор. наук: 07.00.07. – СПб, 2021. – С. 148.

Иман (вера) – основа всей системы убеждений мусульман, которая включает в себя основные принципы веры. Иман включает в себя шесть столпов: веру в Аллаха, в Его ангелов, в Его Книгу, в Его посланников и пророков, в Судный день, в предопределение судьбы, то есть в то, что все хорошее или плохое исходит по воле Всевышнего Аллаха[281].

Среди Ангелов Всевышнего Аллаха, Его «покорных рабов», выделяют Джабраила, передающего *вахью* (откровение), Микаила, отвечающего за распределение пропитания, Израила, забирающего души умерших, Малика, охраняющего ад, а Ризвана, сторожащего Рай.

В исламской религии *расуль* (посланники) и *наби* (пророки) представляют собой людей, избранных Всевышним Аллахом, чья задача заключается в передаче человечеству Божественных посланий. Пророк Мухаммад служит примером идеальной нравственности и духовного совершенства. Коран утверждает: «Был вам в посланнике Аллаха пример хороший тем, кто возложил свои надежды на Аллаха и на Последний День (Его Суда), и в поминании Аллаха проводит долгие часы»[282]. Посланники и пророки обладают такими качествами, как правдивость, непогрешимость и интеллектуальное совершенство – к этим качествам стремится каждый верующий мусульманин.

Концепция Судного дня помогает людям осознать неизбежность воздаяния в загробной жизни за неблагочестивые, непристойные и преступные поступки, совершенные в земной жизни.

Учение о предопределении подразумевает справедливое вознаграждение или наказание за действия или бездействие. Согласно исламу, Всевышний Аллах наделил людей разумом и направил к ним своих пророков и священные книги, Тору и Евангелие, а затем Коран, чтобы различать добро и зло. В связи с чем, человек осознанно осуществляет те или иные действия и, совершая добрые поступки,

[281] Коран: перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. – М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2018. – 4 Сура «Женщины», аят 136.
[282] Там же, 33 Сура «Соумышленники», аят 21.

заслуживает одобрение Аллаха, в то время как за проступки сталкивается с Его гневом.

Истинный мусульманин должен безоговорочно верить во все столпы Имана. Отступление от строгого следования столпам Имана определяет человека *кяфиром* (неверующий). Вера мусульманина в столпы Имана должна быть чистосердечной, в противном случае следование исламу становится бессмысленным. Искренность в вере и действиях являются фундаментальными не только при поклонении Всевышнему Аллаху, но и в повседневной жизни. Без этого человека нельзя считать настоящим мусульманином. В Коране сказано: «И было им повелено уверовать (в Аллаха) и в поклонении Аллаху искренность блюсти, быть верным в правоверии своем, по часам творить молитву, и править милостыню для очищенья. Это – религия (Господней) правоты и Истина пути, (указанного Богом)»[283].

Не случайно в мусульманском вероисповедании существует термин *мунафик* (лицемер), который используется для обозначения людей, неискренне исповедующих веру и условно следующих религиозным предписаниям. Лицемеры даже сильнее осуждаются уммой, чем атеисты, что подтверждается множеством *аятов* (стихов) Корана: «Бог наложил печать на их сердца и слух и взоры их покрыл завесой, – суровой будет их расплата! / Они пытаются солгать Аллаху и тем, кто уверовал (в Него). Но лгут они самим себе и этого не понимают / И скажут неразумные среди людей: «Что отвратило их от Киблы, которой были они верны поначалу?» Скажи: «Во власти Господа восток и запад, и Он ведет по праведной стезе того, кого сочтет Себе угодным» / Но если ты в сомнении о том, что ниспослали Мы тебе, тогда спроси людей, которые Писание читают, (Что было послано им прежде), до тебя. К тебе, поистине, от твоего Владыки Истина пришла. Не будь же из числа таких, которые колеблются в сомненьях»[284].

Ихсан (благодеяние, милость). Он подразумевает искренность и добродетель как в вере, так и в поступках, стремление к совершенству в служении Богу и людям, проявляющееся в добродетели. Взаимосвязь и единство перечисленных элементов

[283] Там же, 98 Сура «Ясное Знамение», аят 5.
[284] Там же, 2 Сура «Корова», аяты 7, 9, 142; 10 Сура «Йунус», аят 94.

способны обеспечить полное понимание ислама, раскрыть его суть, содержание, идеалы и ценностные ориентиры.

Ихсан можно рассматривать как внутреннюю сущность человека. Подобно тому, как моральные и духовные ценности влияют на прогресс общества, так и Ихсан формирует духовные качества личности. В исламе уделяется особое внимание уважению к верованиям и культурным традициям других людей: «Аллах повелевает справедливость, благодеяние и щедрость к близким, Он запрещает мерзость, беззаконие и бунт, Он вразумляет вас, чтоб вы размыслили (и обратились)»[285]. Ничего не стоят следование правилам и столпам Имана, если необходимые для этого ритуалы совершаются притворно, лицемерно.

«Ислам, прежде всего, – это правильное поведение и хороший нрав»[286]. Достижение Ихсана становится возможным в результате обуздания своего собственного нафса, посредством борьбы со страстями и низменными качествами, расходящимися с нормами шариата. Например, одним из путей достижения этого идеала является суфизм, исламская наука «очищения сердца»[287].

В Коране установлены критерии праведного человека: «Не в том лежит благочестивость, чтоб на восток иль запад лик свой обратить, а благочестье в том, чтобы уверовать в Аллаха, и в Последний День, и в ангелов Его, в Писание (Святое) и в пророков; любя (свое добро), все же делиться им и с тем, кто близок по крови, и с сиротой, и с нищим, и с путником, и с теми, кто взывает; и дать рабам на откуп, и по часам молитвы совершать, платить закят, скрепленный договор исполнить; и стойким быть, и терпеливым в несчастье и в страдании своем, во все минуты страха и смятенья, – таков лик праведных – предавшихся Аллаху!»[288].

Богобоязненность в исламской аксиологии занимает центральное место и является высшей ценностью для верующих. Исламская аксиология формирует

[285] Там же, 16 Сура «Пчела», аят 90.
[286] Омаров М.А. Этика и аксиология Ислама. В двух частях. Часть II. – Махачкала: Издательский дом: «Ихсан», 2018. – С. 4.
[287] Расскажи мне об Исламе. Краткая энциклопедия для начинающих / ред. Абдурашидов А. – Грозный: Даруль-Фикр, 2017. – 150 с.
[288] Коран: перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. – М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2018. – 2 Сура «Корова», аят 177.

моральные и этические ориентиры мусульман, побуждая их к добродетельным поступкам и соблюдению религиозных предписаний.

Пятью столпами (основами) ислама являются:

- *шахада* (свидетельство) – искреннее признание, что нет Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед является Его посланником («Ты обрати свой лик к сей правой вере, и никогда других божеств не чти»[289]);

- *салат* (молитва) – выполнение пяти обязательных намазов каждый день, внешне подтверждающий его приверженность к религии ислам, где омовение является обязательным актом этого ритуала (ислам придает большое значение чистоте, личной гигиене и здоровью человека, тем самым оберегая его);

- *ас-саум* (пост) – соблюдение поста в месяце Рамадан, который сопровождается предостережением от нарушающих пост действий;

- *закят* (налог) – пожертвование части своего имущества на помощь бедным и другим нуждающимся мусульманам, если достигнут определенный уровень достатка (закят составляет четвертый столп ислама и предписан для каждого мусульманина, достигшего половой зрелости, имеющего здравый рассудок, владеющего имуществом, себестоимостью превышающим минимальный порог и др., расчет закята также зависит от разных условий);

- *хадж* (паломничество) – совершение паломничества в Мекку в установленное время, если есть финансовая возможность и другие условия (хадж включает в себя стрижку или бритье головы, переоблачение в белые одежды изар и рида, стояние на горе Арафат, совершение церемонии *таваф* (окружение) – семикратный круговой обход главной мусульманской святыни *Кааба*, выполнение *са'йя* (бег) – обрядового бега между холмами ас-Сафа и аль-Марва и др.).

Иногда к пяти столпам ислама добавляют шестой – *джихад* (усилие), подразумевая под ним активные усилия по распространению ислама.

[289] Там же, 10 Сура «Йунус», аят 105.

§ 6. Тарикат как системообразующий фактор социума Северо-Восточного Кавказа

6.1. Распространение тасаввуфа на Кавказе

В условиях сложной этнической структуры Северо-Восточного Кавказа, где сосуществуют различные народы и культуры, ислам, и, в особенности, его суфийские традиции, является духовной основой жизнедеятельности и платформой для политической активности.

Суфийские братства играют важную роль в сохранении и распространении традиционных духовных и культурных ценностей северокавказского общества, помогая противостоять внешним экстремистским угрозам[290]. Духовные лидеры активно участвуют в общественных процессах[291], выполняя миротворческую работу по примирению врагов, урегулированию конфликтов и воспитанию духовных и нравственных ценностей. Исключительное влияние вирдов накшбандийских и кадирийских тарикатов сохраняется до сих пор[292].

Тасаввуф (суфизм) представляет собой учение о внутреннем личностном пути к Аллаху посредством постижения глубины души и поиска ответов на духовные вопросы. Духовный закон тасаввуфа строится на разделении *халяль* (разрешенный, разрешено) и *харам* (запрещенный, запретный). Особенностью суфиев также является культ бедности (*факр*), эсхатологические в покаянные настроения, удовлетворенность своей земной долей (*рида*), стойкое перенесение страданий и лишений (*сабр*)»[293]. Полное самоотречение практиковалось ради

---

[290] Мирзаев С.Б. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: причины возникновения, сущность и особенности функционирования: дис. канд. филос. наук: 09.00.14. – М., 2012. – С. 102.

[291] Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

[292] Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность. – Грозный, 2006. – С. 40.

[293] Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. Прозоров С.М. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 311 с.

ощущения Божественного прикосновения *халват* (уединение). Вся жизнь последователя тасаввуфа была направлена на познание Аллаха, а мистическое знание суфия (*маарифат*) основывается на чувствах и интуиции, ради чего требуется отказаться от гордыни и приобрести милость Всевышнего.

Серьезное противодействие деятельности шейхов тасаввуфа возникло со стороны арабских суннитских и шиитских богословов, рассматривавших суфиев не только как серьезных соперников в борьбе за умы и сердца мусульман, но и считавших их учение недопустимым и опасным новшеством (*бид'а),* угрожающим единству уммы. В ответ на это, в целях документирования суфийских концепций, возникли произведения, которые, с одной стороны, обосновывали правомерность принципов тасаввуфа с позиций мусульманской теологии, а с другой – объясняли их суть[294].

Среди первых, выразивших негативное отношение к аскетико-мистическим тенденциям в исламе, стали представители *хариджитов* (раскольников, сепаратистов). Хариджиты стали самой ранней общественно-порицаемой религиозно-политической группировкой в исламе, которая сформировалась в период первой широкомасштабной войны 656 – 661 гг. за власть над халифатом династии Бану Умайя (Омейядов) и спровоцировала раскол уммы.

Негативное отношение к суфиям поддержали *имамиты* (сторонники 12 имамов-предводителей из рода Али ибн Абу Талиба), представляющие собой одно из течений шиизма[295]. Последователи имама Ахмада ибн Ханбаля, основателя Ханбалитского мазхаба в XI–XII веках также с пренебрежением относились к ритуалам тасаввуфа, осуждали мистические идеи и называли их последователей вероотступниками.

Неприятие тасаввуфа мажоритарным суннизмом стало причиной средневековых внутриисламских конфликтов. Суфиям пришлось не только

[294] Хрестоматия по исламу: переводы с арабского, введения и примечания / сост. и отв. ред. Прозоров С.М. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», – 1994. – С. 139.
[295] Мусаева Н.М. Суфизм и его распространение в Дагестане: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Махачкала, 2003. – С. 10.; Гусейнова М.Р. Тарикат и особенности его проявления в Дагестане: дис. … канд. филос. наук: 00.09.13. – Махачкала, 2004. – 171 с.

защищать свои взгляды в богословских спорах, но и скрывать их, чтобы избежать преследований со стороны властей.

Споры в основном шли вокруг *хакиката* (истины, правды, подлинности), который в тасаввуфе представляет собой завершающую стадию на пути к познанию Аллаха. Для достижения хаккиката было необходимо отказаться от восприятия материального мира и обрести состояние *фана* (небытие), в котором мистик соединяется с Создателем через духовное саморазрушение и озарение Божественными качествами.

Суфии считали хакикат финалом духовного самосовершенствования, означающего полное освобождение от *куфра* (неверия, сокрытия) и достижение ясного умозрения *гайб* (тайное, сокровенное).

Суфиев обвиняли в безразличии к тому, что осуждается шариатом, а также в действиях, которые его нарушают. В тарикатах тасаввуфа роль шариата воспринималась по-разному: для одних он был обязательным и постоянным элементом, в то время как для других представлял собой первый и временный этап на пути к познанию Создателя и рассматривался лишь средством достижения хаккиката[296], а фана и мистическое растворение личности в Творце считались высшей целью. Таким образом второй шаг после соблюдения шариата заключался в отказе от всех материальных благ земной жизни, противостоянии богатству, исповеди перед наставником, соблюдении всех указаний учителя и преданном служении Аллаху.

Начавшиеся в VII веке арабские завоевательные походы привели к распространению ислама на Северном Кавказе. Проникновение тасаввуфа началось с юга Дагестана в VII – XI веках и оказало значительное влияние на духовную жизнь и быт этого региона.

Задолго до исламской экспансии территория современного Северного Кавказа находилась под влиянием множества государств (Грузия, Армения, Хазария и Кавказская Албания), каждое из которых создало многообразную этнокультурную картину, в которой переплетались языческие, христианские,

[296] Nicholson R.A. The mystics of Islam. – London: G. Bell and sons ltd., 1974. – P. 83.

иудейские и зороастрийские верования. Многовековое взаимодействие различных этнических групп и культур привело к поразительному разнообразию характерных черт Северного Кавказа.

Ислам обогатил местную культуру новыми традициями и обычаями. На светскую и религиозную жизнь Северо-Восточного Кавказа значительное воздействие оказала духовная и культурная активность разных народов, участвовавших в исламских завоеваниях. Наибольшее участие в этом процессе приняли персы. Их тяготение к мистическим переживаниям способствовало более свободной трактовке истин ислама, чем это было принято в арабской традиции.

Изначально суфийский ислам утвердился на землях знати, а затем начал распространяться среди деревенских общин Дагестана. В X веке представители тасаввуфа уже были отмечены в самом южном уголке Северо-Восточного Кавказа, в Дербентском районе нынешней Республики Дагестан. После арабских завоеваний в течение нескольких веков город Дербент стал центром расцвета тасаввуфа, его философии и поэзии.

Согласно Рутульской надписи 1150 года в Дагестане уже существовала суфийская обитель[297]. В дальнейшем, благодаря миссионерской деятельности, ислам оказал влияние на Чечню, а затем и на территорию современной Ингушетии[298], став неотъемлемой частью духовной жизни этих регионов.

Процесс становления тасаввуфа определялся несколькими фазами. Исторический период X – XVIII веков характеризуется медленным и постепенным распространением тасаввуфа на Северном Кавказе[299]. В этот период он развивается, демонстрируя свои характерные черты воздержанности от мирских удовольствий и материальных благ, самодисциплины, контроля над амбициями и следования нормам шариата.

---

[297] Аликберов А.К. О некоторых особенностях зарождения и становления книжной культуры Дагестана // Рукописная и печатная книга в Дагестане. – Махачкала, 1991. – С. 62.

[298] Нунуев С.М. Исторические этапы и особенности распространения ислама в Чечне: конец VIII – начало XXI вв.: дис. … канд. ист. наук: 09.00.13. – М., 2007. – 196 с.

[299] Абдуллаев М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе. 2-е изд., доп. – Махачкала, 2003. – 529 с.

На ранних этапах тасаввуф был ориентирован на обретение интроспективного знания и духовного озарения. По мере эволюции тасаввуф вышел за пределы исключительно духовной жизни, трансформировавшись в общественный феномен, оказывающий влияние на формирование культурных и политических парадигм. Важным фактором сохранения его релевантности на протяжении последующих столетий стало его имманентное свойство адаптации к социетальным трансформациям.

В условиях социальных и политических потрясений и неопределенности тасаввуф предлагал альтернативную траекторию развития, акцентируя внимание на внутреннем переживании, индивидуальной связи с Богом и духовной практике. Тасаввуф стал важным инструментом для ищущих смысл жизни и стремящихся к единению с Творцом с акцентом на личный опыт и внутреннее переживание веры.

В истории можно найти множество примеров вооруженного политического сопротивления, организованного членами суфийских братств. Например, в XIX в. в Северной Африке под руководством Абд ал-Кадира происходило восстание *мурабутов* за независимость Алжира от Франции. В XX в. в Турции гремело курдское восстание, возглавленное шейхом накшбандийского тариката Саидом Пирани.

Однако на Северо-Восточном Кавказе обладающие неоспоримым авторитетом суфийские братства в к. XX – нач. XXI вв. активно противодействовали угрозе распространения идей сепаратизма, когда радикальное прочтение ислама стало инструментом различных экстремистских исламистских движений, а вследствие деятельности иностранных специалистов и организаций, использовавших финансовые вливания из-за рубежа, происходил систематический подрыв безопасности российского государства.

6.2. Формирование социальной структуры тарикатов

На ранней стадии становления и развития на территории Северо-Восточного Кавказа тасаввуф представлял собой мистиков-одиночек, демонстрировавших приверженность тасаввуфу. Однако вскоре одиночки-дервиши начали объединять

вокруг себя последователей. Появились общины суфиев в сторожевых домах – *рибат* (связанные, соединенные), служивших символом усердия и постоянства в поклонении Аллаху. Затем местами для обучения последователей – мюридов под руководством *муршидов* (духовных наставников) стали молитвенные дома (*завийа*).

Ранние суфийские группы отличались свободной организацией, но уже тогда в них присутствовал духовный лидер – муршид, чья задача заключалась в передаче знаний и опыта, а также в наставлении мюридов на пути духовного совершенствования. Этот процесс стал фундаментом для формирования организованных духовных путей, известных как тарикаты, объединяющих последователей вокруг общих целей. Во главе каждого тариката стоял авторитетный шейх, чье влияние и мудрость способствовали развитию учения. Сборники высказываний шейхов и описание ключевых событий их жизни служили учебным материалом для мюридов. В итоге тарикаты стали не просто религиозными объединениями, а центрами духовного развития и культурного взаимодействия, где каждый мюрид, опираясь на наставления своих муршидов, мог обрести свой путь к истине.

Путь последователя тариката предполагал прохождение через ряд духовных стадий (*хайя*) таких как наблюдение или медитацию (*мураками*), приближение к Богу (*курб*), любовь к Богу (*махаббат*), страх перед Богом (*хауф*), возрождение (*раджа*), стремление к Богу (*шаук*), чувство близости к Богу (*унс*), созерцание Бога (*мушахада*) и постижение высшей реальности (*йакин*)[300]. Достигнув своей цели, мистик обретал устойчивость духовного состояния (*тамкин*), растворение в Боге и связь с Ним (*рабита)*.

Тасаввуф основывается на стремлении придерживаться нравственно-гуманистических идеалов (*адабов*), которые проявляются в поведении при взаимодействии с наставником, а также в окружающем обществе и семье. В организационном аспекте тарикат представляет собой объединение с четкой

[300] Эскерханов Г.Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: дис. … канд. филос. наук: 09.00.03. – Грозный, 2011. – 185 с.

дисциплинарной иерархией учителей и учеников, основанное на инициации и мистическом знании его основателя.

Так на Северо-Восточном Кавказе суфизм оформился в общественный институт тарикатов и занял ведущие позиции в духовной жизни суннитов и, в меньшей степени, шиитов. Преемственность тасаввуфа обеспечила жесткая структура, позволяющая передавать духовную мудрость и обеспечивать преемственность, известную как *силсила* (ряд, цепь)[301].

Таким образом мюриды получили возможность получать знание только от муршидов, наделенных соответствующими полномочиями (*иджаза)*. Отношения учитель – ученик создали четкую иерархию. Муршид, желающий обучать мюридов, должен был получать письменное или устное подтверждение при свидетелях от шейха, у которого он проходил обучение.

К будущему муршиду предъявлялись требования, которые включали знание основ веры (*акида*), умение ориентироваться в положениях Корана и Сунны, соблюдение норм и правил шариата, наличие статуса алима, а также обладание качествами нравственности и безупречности, как в религиозной, так и в повседневной жизни.

Процесс вступления в тарикат имел священный характер. Посвящение предусматривало обет верности шейху – муршиду (*ахд*) и внушение зикра: «По окончании молитвы они протирают свои лица, мюрид целует колени своего шейха, встает, по дозволению своего шейха, уходит и, в дальнейшем совершает то, что ему внушил его шейх. В данном случае речь идет о зикре»[302]. Иными словами, мюрид получал персональное задание (*вирд*) – молитвы, читаемые во время зикра: «Совершение вирда вовремя – обязанность <…>. Если мюрид оставляет свой вирд, то он бездельник и лентяй»[303]. Различные направления внутри тарикатов также

[301] Гаджиев М. Светильники счастья – золотая цепь спасительного света. Часть 1. – Махачкала: Нур-ул Ислам, 2015. – 464 с.
[302] Шихалиев Ш.Ш. Дагестанская суфийская литература XIX – XX вв.: текстологический и источниковедческий разбор // Исламоведение. – 2009. – № 2. – С. 79.
[303] Мухаммад Ю.Х. Тарикат в свете Корана и Сунны. – М.: Ансар, 2012. – С. 302.

стали называться вирдами. Скрытый смысл посвящения устанавливал связь нового последователя тариката с силсилой.

Мюрид был обязан информировать наставника о своих поступках, включая те, которые являются недопустимыми, даже если они совершаются только в мыслях. Особое внимание в тарикате уделяется этикету и правилам поведения. Мюриду необходимо проявлять искренность в намерениях, очищать свои мысли от всего, что не связано с духовным ростом (*рабита*), уважать величие наставника (*бараката*), соблюдать в служении ему этические нормы.

Танцы-зикр, молитвы, ночные бдения, аскетические практики и изучение Корана в различных позах физически и морально лишали мюрида независимости в принятии решений. Статус мюрида обозначал, что человек передает свою волю наставнику, что подразумевает полное подчинение и выполнение всех его указаний. Только после этого мюрид начинал работать над формированием нового мышления и преобразованием сознания.

Шейх вел мюрида по выбранному пути, объясняя, что не каждое желание ученика соответствует его настоящим нуждам, и не каждый вопрос, заданный последователем, способствует пониманию его истинной сущности: «Сам факт обращенности ученика к учителю производит в ученике изменения, глубинную психологическую трансформацию, становится причиной индивидуализации ученика и раскрытия его личностного потенциала <…> Шейху не нужно требовать любви, обижаться, не получив ее, наказывать либо приказывать – шейх является тем огнем, возле которого хотят греться люди. То есть шейх представлял собой человека, который заботится о чувствах других и хочет причинить им радость, ведя путем реализации духовного потенциала ученика» [304].

Важным аспектом обучения выступали периоды уединения, позволявшие ученику углубиться в себя, очистить разум и сосредоточиться на духовной практике. Наставничество в тасаввуфе стало не просто передачей знаний, а

[304] Кангиева А.М. Коммуникативная позиция наставника в суфийской педагогике // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2019. – № 8. – С. 86-88. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-pozitsiya-nastavnika-v-sufiyskoy-pedagogike (дата обращения: 01.02.2025).

глубоким процессом взаимного обогащения и духовного роста, где к каждому ученику был определенный неповторимый подход.

Обучение базировалось на устной передаче *хадисов* (высказываний и действий пророка Мухаммада, не содержащихся в Коране), их пересказе от одного передатчика к другому, включающем как их краткие биографии, так и их ближайших последователей. В случае возникновения недоверия, пусть даже к одному из участников цепочки передатчиков, достоверность хадиса ставилась под сомнение. Содержимое такого хадиса можно было использовать только в исключительных случаях[305]. Такая система передачи знания получила название *иснад* (определение). Это понятие – ключевая характеристика исламской образовательной системы, которая в значительной степени влияет на уровень авторитета муршида в тасаввуфе[306].

Тасаввуф сформировал принцип духовного единства, основанный на взаимопонимании и доверии между мюридом и муршидом внутри вирдовых братств тариката. В исламском мире насчитывается 12, так называемых, материнских тарикатов: кадирийа, рифаийа, накшбандийа, сухравардийа, чиштийа, йасавийа, шазилийа, бекташийа, бадавийа, курбавийа, мулавийа, и халватийа. В Дагестане, Чечне и Ингушетии чрезвычайно сильно влияние кадирийского, накшбандийского и шазилийского тарикатов[307]. Кроме того, на юге Дагестана существует шиитская община, которая мирно сосуществует с последователями суннитского ислама.

6.3. Особенности тариката кадирийа

У истоков братства кадирийа стоял богослов Ханбалитского мазхаба из средневекового Ирака Абдуль-Кадир аль-Гилани (1077 – 1166 гг.). Отличительной особенностью последователей кадирийского тариката стал войлочный головной

[305] Хисматулин А.А. Суфизм. – СПб.: «Азбука-классика», 2003. – С. 51-55.
[306] Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. Прозоров С.М. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, – 1991. – С. 95-96.
[307] Акаев В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – С. 242-327.

убор с эмблемой в виде зеленой розы и трех рядов лепестков. Также особенностью тариката стал громкий зикр (*джахр)* – многократное прославление Аллаха в ритмических движениях (танце).

Тарикат кадирийа, в частности его многочисленные группы и направления, известные под общим названием *джилала* или *гилана*, помимо Северо-Восточного Кавказа в настоящее время имеют значительное присутствие в Судане, Западной и Северной Африке. Основанные на учениях шейха Абдуль-Кадира аль-Гилани, эти религиозные группы отличают разнообразные интерпретации и практики, в отношении которых ведутся споры среди богословов других исламских течений.

Организационной единицей тариката является автономная обитель (*завийа*), где отсутствует строгая иерархия, что позволяет каждой общине адаптировать свои практики и обычаи в соответствии с местными традициями. Так, российский исламовед С.А. Семедов отмечает: «У вайнахов существует традиция передачи тариката от отца к сыну внутри вирдового братства, к которому они принадлежат из поколения в поколение, и считается, что если сам шейх инициировал их предков в тарикат, то по факту они прямые его инициируемые наследники. Также существуют объединения мюридов, которые выполняют роль религиозных групп и активно участвуют в религиозных, культурных и социальных мероприятиях. Они являются своего рода представителями общинного духовенства Чечни и Ингушетии»[308].

В рамках тариката кадирийа существуют различные мировоззренческие подходы. Например, группы аль-Гилани в Западной Африке, акцентируя внимание на полном подчинении своему шейху и отказе от мирских благ, следуют традициям, основанным Мухаммадом-Гавсом в Индии конца XV в. В то же время, основанные в Индии в XVI в. Мухаммадом-Гавсом практики популярны в

[308] Семедов С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

Курдистане и в кругах, близких к шиитам. Они имеют свои отличительные особенности в виде обрядов йоги индуизма[309]. Это подчеркивает разнообразный характер кадирийского тариката, отличающегося гибкостью и способностью интегрироваться в различные культурные контексты.

Центральной обителью и резиденцией наследственного главы кадирийа считается мемориальный комплекс у могилы аль-Гилани в Багдаде, который признается только иракскими и пакистанскими группами, финансирующими его деятельность. Исторически считалось, что новый глава обители должен получать одобрение от главы тариката для вступления в должность, однако на практике это происходило редко, так как обители кадирийа в Египте, Йемене, Северной и Западной Африке, Судане и Турции зачастую находились под контролем назначенных властями представителей.

Среди выдающихся шейхов кадирийского тариката особо выделяется Кунта-хаджи Кишиев. В условиях войны с Российской империей многие люди, жаждущие духовных ответов и внутреннего покоя, находили отклик в его учении о примирении с властью. Кунта-хаджи являлся символом сопротивления угнетению и трудностям, выпавшими на судьбу чеченского народа. Его деятельность привела к появлению многих последователей не только в Чечне, но и в соседних регионах – Ингушетии и Дагестане, где также сформировались важные центры духовной жизни[310].

Последователи Кунта-хаджи стремятся строго придерживаться его наставлений и в настоящее время, соответствуя предъявляемым к мюридам братства высоким стандартам, среди которых выделяются: постоянное и доверительное общение с наставником, составляющие основу духовного развития, обеспечивающие получение поддержки и руководства на пути самосовершенствования; стремление к высокой нравственности и религиозной

[309] Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. Прозоров С.М. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, – 1991. – С. 126.
[310] Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 3 (297). – С. 39-54.

чистоте, выражаемое в жизненном следовании исламским ценностям, проявление добродетели, справедливости и милосердия в каждом деле; бескорыстие, связанное с отказом от действий, движимых личной выгодой, и служение высоким идеалам; очищение ума от негативных эмоций, подразумевающее работу над собой для избавления от зависти, гнева, гордыни и других разрушительных чувств; готовность защищать Родину, что не противоречит идеям мира и примирения, а подразумевает готовность встать на защиту своих близких и земли, действуя в духе высоких моральных норм.

Советский период ознаменовался упадком духовных ориентиров, что в итоге привело к негативным последствиям. К концу советской власти это открыло двери для импорта из-за границы новых, ранее непривычных идей, зачастую в радикальных формах, таких как фанатизм и экстремизм. Несмотря на это, в борьбе с этими проявлениями выступали не только центральные власти, но и местные сообщества[311]. Защита этнорелигиозных традиций стала решающим фактором в возвращении мира на Северный Кавказ[312]. Будущее народа, как когда-то Кунта-хаджи Кишиев, определил его последователь муфтий Чечни А. А. Кадыров.

6.4. Виднейшие шейхи тариката шазилийа

Тарикат шазилийа был создан в XIII в. североафриканским исламским богословом Абу-ль Хасаном аш-Шазили (1227 – 1258 гг.), осуществлявшим миссионерскую деятельность на территории современного Марокко. Основой для тариката аш-Шазили стал умеренный суфизм богослова персидского происхождения Аль-Джунайда аль-Багдади (830 – 910 гг.). Джунайд является основателем одного из ключевых рационалистических направлений суфизма, известного как учение о трезвости и самоконтроле.

В своих проповедях и письмах к последователям аш-Шазили подчеркивал важность смирения, благочестия и богобоязненности, призывал отказаться от

[311] Албогачиева М.С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.): дис. … д-ра истор. наук: 07.00.07. – СПб, 2021. – С. 354-356.
[312] Мекерова М.Д. Суфизм как мистико-аскетическое течение в мусульманской культуре: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Ставрополь, 2005. – С. 187.

стремления во власть, требовал строго следовать шариату, придерживаться Сунны и презирать мирские блага. Он акцентировал внимание на внутреннем самосовершенствовании и глубоком понимании веры. Аш-Шазили не требовал от своих последователей ни носить особую одежду, ни оставлять свои дела ради служения тарикату, ни нищенствовать и ни стремиться к бедности. Напротив, источники из Египта XIV-XV веков отмечают, что члены шазилийа выделялись своим опрятным внешним видом среди заполнявших улицы Каира.

Тарикат считал, что каждый член братства может воплощать дух шазилийа в своей жизни и окружении, не отказываясь от своих привычных занятий.

Благодаря свободе в выборах шейхов шазилийа привлекло множество последователей сначала в западной части мусульманского мира, а затем и среди европейцев. «В отличие от большинства братств, распространенных на Востоке мусульманского мира, где титул шейха, как правило, передается по наследству, глава аш-Шазили избирается из числа наиболее уважаемых членов тариката или его ответвлений»[313].

Распространением на территории Северо-Восточного Кавказа тарикат шазилийа обязан деятельности дагестанского общественного и религиозного деятеля шейха Сайфуллы-кади Башларова (1853 – 1919 гг.). Посвящение в муршиды Сайфулла-кади получил в процессе обучения у знаменитых мусульманских теологов и суфиев Востока. Его роль в истории Дагестана и всего региона трудно переоценить, так как он не только способствовал духовному росту уммы Северо-Восточного Кавказа, но и стал связующим звеном между различными этническими и культурными группами.

Способность идти в ногу со временем, чувствовать социальные и политические трансформации в обществе и стране, позволили шейху обеспечить мир и согласие дагестанских народов. Сайфулла-кади оставил множество трудов по богословию, духовной этике и медицине. Надгробие (*зиярат*) шейха стал местом паломничества в Рамадан, несколько религиозных образовательных

[313] Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. Прозоров С.М. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, – 1991. – С. 287-288.

учреждений носят его имя, а интерес к его трудам свидетельствует об актуальности его работ и идей и в настоящее время[314].

Виднейшим учеником Сайфулы-кади стал Хасан Хилми-афанди Кахибский (1852 – 1937 гг.). Основой сфокусировал свою проповедь на искренности намерения в служении Всевышнему[315]. Влияние лидеров шазилийского тариката на Дагестан позволяло предотвращать кровопролитие между советской властью и горцами, побуждаемыми к вооруженному противостоянию ярым контрреволюционером имамом Нажмудином Гоцинским (1859 – 1925 гг.). Крепость духа, дружелюбие, высокая нравственность, фундаментальность ценностных ориентиров шазилийского тариката противостоит чуждым северокавказскому обществу идеям религиозного экстремизма, распространяемым иностранными эмиссарами на территории Дагестана и в настоящее время.

6.5. Наиболее значимые лидеры тариката накшабандийа

Накшбандийский тарикат основал Мухаммад Бахауддин Накшбанди аль-Бухари (1318 – 1389 гг.). Ему был свойственен аскетизм, отказ от благ мирской жизни и углубление познаний о самом себе. Ритуальную практику накшбандийцев отличало совершение тихого зикра (*хафи*)[316] в соответствии с аятом Корана: «Скажи, (о Мухаммад!): ″Взываете ли вы к Аллаху иль призываете Рахмана – каким бы именем Его вы ни назвали, – Ему принадлежат прекраснейшие имена″. Свою молитву громко не читайте, но и шептать ее не надо – держитесь среднего пути»[317].

Накшбандийа также является одним из наиболее влиятельных братств, получивших свое развитие благодаря учению ханафитского богослова Мухаммеда Парсу (1345 – 1419 гг.) и духовного лидера тариката *хаджаган-накшбанди*

[314] Семедов С.А., Фасхудинов Р.Р. Сайфулла-Кади Башларов – один из ярких представителей суфизма // Вестник ЧелГУ. – 2021. – № 5 (451). – С.26-32.
[315] Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011. – С. 124.
[316] Рощин М. Возрождение суфизма в Дагестане // Отечественные записки. – 2003. – № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.strana-oz.ru/2003/5/vozrozhdenie-sufizma-v-dagestane (дата обращения: 08.04.2026).
[317] Коран: перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. – М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2018. – 17 Сура «Ночной перенос», аят 110.

Алауддина Аттара (1318 – 1400 гг.). Они внесли значительный вклад в формирование практик и учений, основанных на идеях аль-Бухари, что позволило сохранить и передать их последующим поколениям.

Мавзолей Бахауддина аль-Бухари Накшбанди стал важным местом поклонения для всех его последователей, а его учение – общим для всех направлений накшбандийа. Однако, в отличие от других тарикатов, накшбандийа, как правило, имел особое отношение с властями. Лидеры тариката считали взаимодействие с правителями необходимым для проповеди и влияния на их политику в интересах братства. Это объясняет высокую степень политической активности, присущую последователям накшбандийа, стремящимся к улучшению социального и политического положения территории проживания.

Накшбандийа практически отвергал аскетизм. Последователи тариката не были обязаны жить в обители, что позволяло им активно участвовать в общественной жизни и реализовывать свои духовные практики в рамках повседневной жизни. Это способствовало интеграции накшбандийа в социальную сферу, позволяя оказывать влияние на различные аспекты жизни, включая образование, культуру и политику.

Основные принципы тариката накшбандийа составляют: неукоснительное следование правилам и нормам шариата, высоконравственное поведение и борьба с нафсом, проявление почтительности и вежливости, смирение и отказ от мирских благ, довольство малым, непрерывное упоминание Аллаха и стремление к достижению 6 главных качеств пророка Мухаммада: правдивости, милосердия, щедрости, скромности, избегания чрезмерной похвалы, терпимости и прощению.

Накшбандийский тарикат получил распространение на территории Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. благодаря братству *накшбандийа-халидийа* шейха Гаджа-Исмаил ал-Кюрдамири (1782 – 1848 гг.). Последователем Гаджа-Исмаила был шейх Хас-Мухаммад афанди аш-Ширвани. Получив иджазу от Хас-Мухаммада, шейх Мухаммад ал-Яраги (Ярагский) (1771 – 1838 гг.) стал одной из самых влиятельных личностей накшбандийского тариката.

Ал-Яраги, пользуясь несомненным авторитетом среди местного населения, придал духовно-нравственным концепциям суфийского братства политическую окраску. В своем учении ал-Яраги акцентировал внимание на свободе личности, равенстве прав, упразднении кабальных отношений в политической сфере своего времени. Его деятельность выходила далеко за рамки религиозной практики и играла на чувствах национальной гордости горцев. Так шейх стал вдохновителем кровопролитной войны с Российской империей, обернувшейся катастрофой для местного населения.

Его современником был шейх Джамалуддин ал-Казикумухи (1788 – 1866 гг.), являвшийся устазом предводителя восстания имама Шамиля. Шейх придавал особое значение духовному развитию мюрида, обращал внимание на обязательность выполнения адабов, полную самоотдачу мюрида в служении своему устазу.

Еще одной выдающейся личностью того периода был ученый и богослов Абдурахман-хаджи ас-Сугури Согратлинский (1792–1882). Отражая дух своего времени, Абдурахман-хаджи не только активно продвигал просветительские и воспитательные идеи, основанные на любви к Аллаху, братстве и сотрудничестве, но и вдохновлял сопротивление Российской империи. Его учение, сосредоточенное на внутреннем развитии и нравственном совершенствовании, укрепляло единство и общинные связи мусульман Кавказа. Он также стремился к налаживанию диалога с представителями других суфийских направлений, способствуя межэтническому и межсоциальному взаимопониманию. Его деятельность, направленная на установление общественного согласия, обеспечила ему высокое положение в обществе.

Выводы по Главе II

На рубеже эпох происходили значительные социально-политические трансформации, которые глубоко повлияли на международные отношения и внутреннюю политику многих стран. Попытки подавления деятельности религиозных лидеров на Кавказе в СССР приводили лишь к дестабилизации.

Поэтому управление этнорелигиозной сферой стало ключевым аспектом государственной национальной политики Российской Федерации.

Для развития многонационального Российского государства, сохранения единой общности его этносов с их уникальными социокультурными элементами являются незыблемыми такие принципы, как: принцип научной объективности, социальной справедливости, равноправия и свободы; принцип уважения идеологических и религиозных ценностей наряду с религиозной и национальной нейтральностью; принцип свободы совести, признания культурного, религиозного, этнического разнообразия и дружбы народов; принцип веротерпимости, добровольного следования нравственным нормам и образцам поведения; принцип понимания, основанный на рациональных, прагматичных и гуманистических ценностях.

Распад Советского Союза изменил геополитическую карту кавказского региона, но и спровоцировал политический кризис в Чечне. В результате сепаратизм на Северо-Восточном Кавказе стал ключевой проблемой на юге России, привлекая внимание как внутренних, так и международных сил[318].

Демократические изменения в социальной сфере в 90-е гг. XX в. оказали значительное влияние на различные аспекты общественной жизни, в том числе и на роль религии. Либерализация законодательства и политических курсов привела к расширению пространства для свободы вероисповедания и легализации религиозных объединений, что способствовало нормализации их институционального статуса и повышению их роли в общественной жизни. В контексте перехода к более открытым и демократическим моделям обществ, где приоритет отдается правам человека и индивидуальной свободе, религиозные организации стали более активно участвовать в публичном дискурсе[319].

[318] Юсупова Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Махачкала, 2009. – С. 187.

[319] Герейханов Г.П. Религиозная ситуация на Северном Кавказе и ее учет в управленческой деятельности органов и войск ФПС РФ: философско-политологический анализ: дис. … канд. филос. наук: 09.00.10. – М., 1999. – 238 с.

На территории восточных республик Северного Кавказа в указанный период ислам утвердился как ключевая духовная потребность, заняв доминирующие позиции в политической и идеологической сферах. Религиозные организации, традиционно выполнявшие функции духовного наставничества и социальной поддержки, продемонстрировали активное включение в политическую жизнь региона, расширив свое влияние и перейдя к идеологической и политической активности. В условиях нестабильности и конфликтных ситуаций исламские организации заняли центральные позиции в политической и идеологической сферах, что породило новые вызовы для социума. Религия стала площадкой для борьбы за власть, где различные группы использовали ее для легитимации своих действий и идеологий, неизбежно приводя к росту радикальных настроений и конфликтов, усугубляя социальные проблемы и создавая дополнительные риски для безопасности региона.

Северокавказский тасаввуф оказался в сложной ситуации, столкнувшись с проникшим из-за рубежа ваххабизмом, который подверг жесткой критике многие аспекты суфийских практики и учений[320]. Ваххабиты утверждали, что только их интерпретация ислама имеет право на распространение. Результатом явилась внутренняя напряженность на Северном-Кавказе.

Основные разногласия между суфиями и ваххабитами возникли из-за различий в религиозных обрядах и культовой деятельности: суфии совершали паломничества к местам погребения основателей тарикатов, вирдов и др., а ваххабиты считали это проявлением идолопоклонства.

С. А. Семедов подчеркивает: «Исламистские экстремисты часто прибегают к насилию для достижения своих целей, представляя угрозу для суфийских общин. Это приводит к нападениям на святыни, убийствам шейхов, как это было в

[320] Гусейнова М.Р. Тарикат и особенности его проявления в Дагестане: дис. … канд. филос. наук: 00.09.13. – Махачкала, 2004. – С. 143-149.; Денильханов С.А. Ценностные основания межконфессиональных отношений в современном обществе: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Пятигорск, 2016. – С. 76-93.

Дагестане с Саидом Афанди из Чиркея и других представителей тариката, а также к принуждению к принятию экстремистской идеологии»[321].

В целом тарикаты, стремящиеся к стабильности и гармонии в мусульманской общине, выступают идеологическими противниками сторонников радикального ислама, чем вызывают в свой адрес неподдельную агрессию, вплоть до вооруженной борьбы. Укрепление ценностных ориентаций и практик тасаввуфа, а также активное участие духовных лидеров в политической жизни региона демонстрирует значимость тарикатов как действенного политико-идеологического инструмента для обеспечения стабильности Северо-Восточного Кавказа.

В сердце Северного Кавказа, где эхо прошлого переплетается с пульсом настоящего, взаимосвязь между государством и духовными лидерами – вопрос деликатный и многогранный. Это не просто формальное сотрудничество, а живой диалог, направленный на решение общих задач: от обеспечения социальной справедливости, защиты свободы вероисповедания и соблюдения законности, до совместного решения актуальных вопросов и предотвращения потенциальных разногласий. Авторитет исламских духовных лидеров, наставников и ученых среди горских народов делает их ценными союзниками государства в укреплении нравственных устоев и урегулировании конфликтов.

Для укрепления общественной стабильности и развития духовной сферы целесообразно вовлекать религиозные организации в реализацию государственных инициатив в области просвещения и культуры. При этом крайне важно соблюдать баланс: религиозные институты должны сохранять свою самобытность и независимость, а государство – придерживаться светских принципов. Сотрудничество между властью и духовными лидерами может способствовать

[321] Семедов С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа. / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

формированию единой гражданской идентичности и прогрессу общества, однако существует риск возникновения разногласий и конфликтов.

На Северо-Восточном Кавказе ислам играет значительную роль, формируя мировоззрение людей и оказывая влияние как на повседневную жизнь, так и на политические процессы. Он служит нравственным ориентиром, объединяет общество и государство, а также активно способствует позитивным социальным преобразованиям. Религиозные организации, обладая авторитетом, способны влиять на общественное мнение и мобилизовать население, что делает их важными игроками в политической жизни региона.

Обеспечение прочного мира на Северо-Восточном Кавказе выступает одной из ключевых задач государственного управления, требующей с учетом уникальных особенностей каждого региона совместных усилий властей, гражданского общества и федерального центра. В данном ключе серьезную угрозу региональной безопасности Северо-Восточного Кавказа представляют радикальные религиозные объединения, в качестве эффективного противодействия которым была ужесточена ответственность за экстремистскую деятельность.

Для предотвращения сепаратизма и укрепление общей гражданской идентичности и единства особое значение имеет выстраивание прочных и доверительных отношений между государственными органами и населением. Этого можно достичь через открытость деятельности власти, активное вовлечение граждан в процесс принятия решений путем использования использование современных цифровых технологий.

Вместе с тем, повышением правовой грамотности населения должно сопровождаться развитие гражданского общества. Важны регулярные встречи представителей власти с гражданами, прозрачная и подробная отчетность ведомств о своей деятельности, а также поддержка общественных организаций, отстаивающих права и интересы граждан.

Не менее важно способствовать изучению и популяризации культурного наследия суфизма и различных этнических групп, что, безусловно, стимулирует межкультурный диалог и повышает открытость общества. Воспитание уважения к

многообразию культур, языков и религий всех народов Северо-Восточного Кавказа остается важной задачей. Для ее решения государство и гражданское общество должны совместно разрабатывать образовательные программы, создавать площадки для диалога и реализовывать совместные межкультурные проекты.

Глава III. Противодействие радикальным течениям в исламе в системе региональной и международной безопасности

§ 7. Исламизм и его радикальные формы

7.1. Деструктивные процессы в политической сфере и психологический аспект религиозного экстремизма

Суфийские лидеры активно противостоят экстремистским течениям в исламе. Ключевым элементом конфликта между ними и экстремистами является различное понимание джихада и отношения к светской власти. Экстремисты утверждают, что джихад не должен ограничиваться только духовным самосовершенствованием, и необходимо вооруженное сопротивление. Они считают, что джихад должен включать борьбу против всех, кто, по их мнению, искажает исламские ценности, включая братства тарикатов, учащих о необходимости мирного сосуществования с властью[322]. В светской власти экстремисты видят прямого врага, которого необходимо свергнуть.

Религиозный фанатизм и экстремистские способы достижения политических целей представляют собой серьезную угрозу для безопасности государства. В условиях глобализации и быстрого распространения информации экстремистские взгляды с небывалой легкостью находят своих последователей, создавая риск возникновения разногласий, дестабилизации общества и конфликтов[323].

Сторонники экстремизма прибегают к агрессивным мерам принуждения, включая запугивание, преследование и даже вооруженное насилие по отношению к духовным и общественным лидерам, стремясь навязать свои взгляды и устранить любые альтернативные мнения. Следует отметить, что «политический экстремизм (в узком смысле слова) проявляется в сфере борьбы за государственную власть, и

[322] Мусайханов С.С. Исламский фактор в военно-политических процессах в Чеченской Республике (1991-2011 гг.): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.14. – М., 2012. – С. 14.

[323] Сайфулин И.С. Идеологизация экстремизма и аксиологическая рефлексия антиэкстремистской деятельности в современной России: дис. … канд. полит. наук: 23.00.03. – Саратов, 2015. – С. 62-93.

обычно он мотивирует (и морально оправдывает) свои действия убеждениями и доказательствами нелегитимности существующей власти»[324].

Недостаточное понимание своей веры местным населением Северо-Восточного Кавказа способствует усвоению пропаганды экстремизма, что, в свою очередь, способствует атмосфере враждебности по отношению к последователям других религиозных и философских взглядов.

Гармоничное функционирование политической машины предполагает слаженную работу ее механизмов, чуткость к потребностям различных слоев общества, а также надежную защиту от посягательств на государственную целостность. Создание устойчивой социальной системы предусматривает, что каждый имеет возможность участвовать в процессе принятия решений и влиять на развитие гражданского общества. Когда эта система выходит из равновесия, ее способность управлять сложными процессами существенно уменьшается.

Деструктивные социальные отношения представляют собой уничтожение социальной структуры общества[325]*, разрушение сложившихся устоев, основ и отношений*[326]. Термин деструкция (от лат. – разложение, разрушение) подразумевает разрушение, направленное как вовне, на внешние объекты, так и во внутрь, на самого себя[327].

Религиовед Г. Ж. Баурбеков предупреждает: «Религиозно-экстремистские организации являются одним из наиболее доступных и приемлемых средств достижения определенных геополитических целей, и направлены на разрушение традиционных религиозных и социальных систем, имеют жесткий радикальный характер, отличаются особой жестокостью и цинизмом, имеют направленность в

---

[324] Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К., Пронский Л.М. и др. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / ред. Сафаралиев Г.К. – Махачкала: Изд-во «Лотос», 2009. – С. 165.

[325] Словарь практического психолога. – Минск: Харвест, 1998. – С. 91.

[326] Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Егорова Т.В. – М.: Аделант, 2014. – С. 199.

[327] Лейбин В.М. Словарь-справочник по психоанализу. – М.: Московский институт психоанализа-Когито-Центр, 2020. – С. 170.

будущее. Начавшуюся религиозную войну сложно остановить или прекратить, можно лишь контролировать ее интенсивность»[328].

Англовед А. А. Чекалина приходит к выводу о том, что «обобщенность проблематики не исключает, разумеется, специфику и уникальность экстремистских проявлений в зависимости от политической, экономической и социальной структуры государства и общества, исторических и культурных процессов, однако допускает возможность сопоставления опыта профилактики и противодействия экстремизму»[329].

Профилактика экстремизма невозможна в условиях социального взаимодействия, основанного на агрессии, ненависти и недоверии, которые подрывают основы гражданского общества и ведут его к атомизации и фрагментации. Массовый страх и неуверенность в завтрашнем дне также способствуют манипуляции общественным сознанием. Ослабление традиционных институтов гражданского общества производит утрату социальной сплоченности и провоцирует увеличение уровня преступности, а следом возникают и угрозы безопасности самого государства. Современные средства связи (интернет, социальные сети, мессенджеры и проч.) кардинально трансформируют способы обмена информацией и взаимодействия между людьми, не только упрощая доступ к информации, но и усложняя механизмы общественного взаимодействия, создавая новые вызовы и возможности для социальной динамики.

В условиях современного общества, где информация и ресурсы циркулируют с беспрецедентной скоростью, взаимодействие между различными социальными группами и институтами становится не только необходимым, но и неизбежным, порождая новые формы организации и саморегуляции. В результате указанных трансформаций в формах коммуникации возникают новые социальные структуры и сети, влияющие на общественные отношения и формирующие нормы и ценности.

---

[328] Бауберикова Г.Ж. Религиозный фактор в цивилизационном развитии постсоветского пространства: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2016. – С. 102.

[329] Чекалина А.А. Превенция экстремизма молодежи: опыт Великобритании // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9-11. – С. 2556.

По мнению российского социолога А. М. Хазиева: «Экстремистские рекрутеры, активно использующие социальные сети и информационные коммуникации, реагируют гораздо быстрее официальных институтов. Они быстро заполняют своим контентом возникающие экзистенциальные лакуны, погружая молодежь в деструктивно запредельное – обучение джихаду, борьбе за ислам, в том числе против своих соотечественников. <…> Трансграничные и транснациональные интернет-коммуникации выполняют значительную роль в конструировании всех элементов и этапов организации массовых протестов и экстремистских действий с участием молодежи, в том числе несовершеннолетних, которых запрещенные организации и неформальные сообщества рассматривают в качестве перспективной ударной силы против государственно-общественных устоев, легитимной власти, российского федерализма»[330].

Ответом на усиливающиеся угрозы, связанные с разжиганием ненависти между народами, расами, социальными группами и религиями, стало развитие уголовного законодательства в сфере наказаний за экстремистские действия наряду с созданием правовых механизмов для их предотвращения.

В число мероприятий, направленных на устранение условий экстремистской деятельности этнорелигиозных организаций, могут входить: «Объявление предостережения о недопустимости осуществления противоправной деятельности, вынесение предупреждения общественному или религиозному объединению либо иной организации о недопустимости осуществления противоправной деятельности, предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов через средства массовой информации и осуществления им противоправной деятельности, привлечение к установленной действующим законодательством РФ ответственности за осуществление противоправной

[330] Хазиев А.М. Социокультурные инструменты профилактики экстремизма в молодежной среде // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2017. – № 3 (36). –С. 48.

деятельности, приостановление деятельности, ликвидация и запрещение деятельности общественной или религиозной организации или объединения»[331].

Иностранные «миссионеры» акцентируют внимание на нравственных вопросах современности, что создает у последователей чувство вины и страха несоответствия высоким стандартам, установленным группой. В результате, теряя способность критически мыслить и принимать самостоятельные решения, неофиты начинают подчиняться воле и авторитету деструктивной организации.

Российский историк Р. А. Силантьев, развивающий деструктологию как отельную науку, считает, что деструктивные организации «способны восполнять свои потери и даже увеличивать численность последователей, в первую очередь за счет разветвленной сети профессиональных пропагандистов и прочих пособников. В связи с этим именно на этой группе преступников следует концентрировать оптимизацию соответствующего законодательства, что видится гораздо эффективнее борьбы с десятками тысяч вербовочных ресурсов в сети Интернет»[332].

В свою очередь российский социолог А. Ю. Круглова обращает внимание на сетевую структуру деструктивных исламистских организаций: «Исламистские деструктивные сетевые структуры на Юге России представляют собой малые социальные группы с характерными для них принципами групповой саморегуляции, что определяется такими особенностями функционирования, как замкнутость, изолированность и деятельность вне правового поля. Главными ценностными регуляторами, объединяющими членов сетевой исламистской группы, являются исламская вера и опора на идеологическую доктрину радикального исламизма»[333].

---

[331] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения: 02.08.2022).

[332] Силантьев Р.А., Мальцев В.В., Саввин А.В. Основные причины вовлечения новообращенных мусульман России в экстремистскую и террористическую деятельность // Исламоведение. – 2016. – № 2 (28). – С. 39-45.

[333] Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Ростов н/Д, 2019. – С. 105.

Силовой вариант пресечения деструктивных процессов может создавать замкнутый круг насилия и страха, приводить к напряженности между государствами и, как следствие к экономическим санкциям, изоляции страны на международной арене, негативно сказываясь на инвестиционном климате и экономическом развитии. Увеличение насилия может привести к утрате доверия между различными группами населения, что затруднит идеологическую интеграцию общества и будет способствовать росту ксенофобии и нетерпимости. В результате общество может столкнуться с кризисом идентичности. Как следствие, идеологический вакуум будет заполнен радикальной пропагандой религиозных организаций.

Поэтому сторонники экстремистских групп нередко прибегают к насильственным методам для разрешения религиозных противоречий, тем самым ставя под угрозу не только безопасность отдельных людей, но и стабильность общества и социальный прогресс в целом, «следствием экстремизма религиозного в религиозной жизни является конфронтация внутри конфессий, которая приводит либо к подавлению радикального течения, либо к расколу и появлению нового религиозного движения, секты»[334].

Деструктивные группировки ведут пропаганду, используя религиозный аспект, стремясь нанести ущерб большому числу людей и затрагивая вопросы государственной безопасности, ценностей семьи и детства, культуры и просвещения, создавая угрозу психологической защите личности[335].

Что касается психологических истоков экстремизма, то российский и советский психоаналитик С. Н. Шпильрейн предложила теорию о врожденном импульсе разрушения[336]. В этом ключе она следовала школе З. Фрейда, который

[334] Энциклопедия религий / ред. Забияко А.П., Красникова А.Н., Элбакян Е.С. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 1448.
[335] Эриашвили Н.Д., Горохова В.В., Расоян К.С. и др. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – С. 122.
[336] Шпильрейн С. Деструкция как причина становления // ЛОГОС. – 1994. – № 5. – 207 с.

также поддерживал представление о деструктивности в виде врожденного свойства личности[337], однако, в зависимости от окружающей социальной среды[338].

Э. Фромм также отстаивал концепцию, согласно которой основа деструкции выражается «в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков, но не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте»[339].

В свою очередь, американский психолог В. Райх предложил теорию, согласно которой, причиной возникновения разрушительных импульсов в сознании человека выступает стремление избежать условий возникновения риска[340].

Российский психолог Е. В. Рягузова предложила иной подход, согласно которому в контексте усвоения религиозного экстремизма происходит «активация психологических механизмов, по сути сводящихся к утрате личностного Я как ключевой точки отсчета в конструировании и познании социального мира»[341]. Это приводит к потере индивидуальности и критического мышления, отказу от альтернативных точек зрения, социальной изоляции. Личные убеждения и ценности подменяются идеологией группы, что приводит к внутреннему конфликту и психологическим травмам. Такая психологическая ловушка лишает возможности свободно мыслить и действовать.

Российский религиовед Я. А. Лонский считает, что «преследование человека по религиозным убеждениям оправдывается, в свою очередь, тем, что люди, которые живут не по законам данной религии, не могут претендовать на спасение и являются врагами, поскольку не разделяют «нашу» систему ценностей, отношение к окружающему миру и людям»[342].

---

[337] Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия / пер. с нем. / ред. Столляр Н.А. – М: Современные проблемы, 1925. – С. 92.
[338] Фрейд З. Я и Оно. – М.: АСТ. – 2018. – 333 с.
[339] Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М: АСТ, 2004. – С. 163.
[340] Райх В. Анализ характера. – М.: Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс. – 2000. – С. 130-177.
[341] Рягузова Е.В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения // Известия Саратовского университета. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 80.
[342] Лонский Я.А. Идейно-теоретическая и практическая составляющая религиозного экстремизма // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2019. – № 3. – С. 39.

Благоприятную почву для возникновения и распространения деструктивных религиозных групп создает игнорирование проблемных вопросов нравственно-духовной, моральной и аксиологической личностных категорий, пренебрежение устоявшимися традициями и обычаями, общепринятыми ценностями и нормами гражданского общества. В условиях, когда люди испытывают внутреннюю пустоту или кризис идентичности, такие организации могут предложить им иллюзию смысла и принадлежности к виртуальному сообществу.

Иностранные миссионеры под благовидными предлогами завоевывают доверие и симпатии местных жителей, их представители организуют различные социальные проекты, образовательные программы и благотворительные акции. В результате, под предлогом защиты интересов верующих и обеспечения их безопасности, происходит популяризация исламистских идей, подрывающих основы гражданского общества и нарушающих права человека. Маскируя свои истинные намерения заботой о людях, радикальные миссионеры легко привлекают их в свои ряды. Воздействие деструктивной идеологии в отношении неофитов проявляется непосредственно после того, как новые члены становятся частью группы.

Отечественный психолог Ю. А. Клейберг заключает, что «исследования личности экстремиста в большинстве случаев характеризуют его как дезадаптированного в существующей социальной реальности маргинала, испытывающего беспокойство перед будущим, агрессивно настроенного, тяготеющего к силовым способам решения жизненных проблем, пренебрегающего правовыми нормами»[343].

Вероисповедание человека играет центральную роль в формировании его мировоззрения, ценностей и убеждений, не только определяя его личные моральные ориентиры, но и влияя на отношение к окружающему миру, взаимодействие с другими людьми и восприятие социальных процессов. Поэтому цель экстремистов составляет формирование нового общества с их собственными

[343] Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2024. – С. 202.

представлениями о вере и морали, что с необходимостью приводит к конфликтам с традиционными религиозными организациями и государственными институтами.

Основой религиозного фанатизма выступает абсолютное подчинение воле религиозного лидера, как правило, обладающего авторитетом и создающего иллюзию надежды и смысла в жизни. Последователь деструктивной религиозной группы утрачивает свою независимость, становится уязвимым для манипуляций со стороны такого лидера, полностью отказываясь от собственных убеждений и ценностей и слепо следуя указаниям руководителя группировки.

Религиозный экстремизм, заявляя о своих исключительности и превосходстве, видит необходимость «спасения» других через принуждение. Поэтому он с легкостью переступает через права человека и подрывает основы мирного сосуществования.

Российский правовед Е. В. Забарчук под религиозным экстремизмом подразумевает «насильственные попытки навязывания обществу определенной системы воззрений, а также обоснование или оправдание такой деятельности»[344].

Его позицию в более широком формате изложил исламовед Л. А. Баширов: «Предполагается, что религиозный экстремизм проявляется в крайнем религиозном рвении, нарушении законов, неповиновении органам власти, умышленном создании напряженности в отношениях между верующими внутри конфессий, в стремлении к максимальной изоляции единоверцев от инорелигиозной среды, в разжигании религиозного фанатизма и агрессивности в насаждении и отстаивании своих верований»[345].

7.2. Религиозный радикализм, терроризм и фундаменталистское прочтение ислама

Практическая реализация экстремистской идеологии осуществляется через *радикализм* (от лат. – корень), представляющий собой совокупность политически

[344] Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности // Журнал российского права. – 2008. – № 6 (138). – С.3.
[345] Баширов Л.А. Религиозный экстремизм: недооцененная опасность // Национальные интересы. – 2008. – № 2. – С. 46.

ориентированных идей и практик, направленных на безусловное и существенное преобразование социально-политических взаимоотношений и государственных институтов власти[346].

Религиозный радикализм является прикладным аспектом религиозного экстремизма и сфокусирован на переустройстве общества, обязательным условием которого является насильственная форма смены политического режима посредством мятежа, государственного переворота или революции.

В этом смысле радикальный ислам можно сравнить со злокачественной опухолью. Его размаху способствовали кризисные ситуации, вызванные сочетанием экономических и политических факторов на Ближнем и Среднем Востоке[347]. В экономическом плане радикалы опирались на нефтяное богатство стран Северной Африки и Персидского залива.

Радикальные исламисты стремятся к восстановлению халифата и повсеместному введению шариата во всем мире. Будучи сторонниками резких изменений, они демонстрируют готовность применения насилия по отношению к государственным лидерам, в том числе и исламским, и отвергают политический плюрализм. Это характеризует радикальных исламистов как непримиримых борцов с кяфирами.

Они не только желают получить политическую власть, но и стремятся к тотальному контролю над жизнью мусульманского общества. Радикалы предлагают концепцию всемирного джихада как защиты человечества от секуляризма[348]. Для достижения высших целей они сознательно идут на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Насилие рассматривается ими необходимым условием борьбы за исламское будущее всего мира.

Отстаивая исключительную правоту своей точки зрения и не признавая никакой альтернативы, радикалы оправдывают жестокие вооруженные методы

---

[346] Новейший политологический словарь / сост. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 203.
[347] Левин З.И. Очерки природы исламизма. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – С. 108.
[348] Там же. – 126 с.

борьбы[349], практикуют акты убийства по политическим мотивам, захват мирных людей в качестве заложников, как допустимые жертвы на пути джихада. Все это придает бесчеловечный характер злодеяниям радикальных исламистов.

Радикализм разделяет общество на сферы мира и войны. Его ценностные ориентации принимают форму конфликта между цивилизациями. Приветствуется применение силы во имя устройства всемирного халифата, они отвергают национальные границы и провозглашают джихад повсеместно на глобальной арене.

Вместе с тем, следует учитывать, что деятельность радикалов зачастую не соответствует учению ислама. Они искусно манипулируют религиозными лозунгами в политических целях. Верность и преданность верующих, их неограниченная готовность следовать за своими руководителями являются политической основой, которым радикалы успешно пользуются[350].

Основным критерием отождествления религиозного объединения с радикальной организацией является стремление ее участников убедить или заставить оставшуюся часть общества разделить их социально-политические ориентации. Разрушение существующих социальных структур и насаждение новых моральных норм такие организации считают это не только актом сопротивления, но и священной обязанностью.

По мнению С. А. Семедова в качестве мотивационной основы участников радикальных группировок выступают «идеологические догмы, стремление к изменению действительности, власть над людьми, ощущение собственной избранности, самореализация»[351].

Например, основатель виднейшей исламской транснациональной радикальной организации *ихванов* (братьев-мусульман) Х. аль-Банна заявлял, что исламский строй не разделяет политику и религию. Он призывал освободить

[349] Быков Р.А. Религиозный экстремизм в России: от явного дискурса к скрытому. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2018. – С. 86-88.
[350] Мирский Г.И. Радикальный исламизм: сила идеи. Гроза с Востока. Как ответит мир на вызов ИГИЛ? – М.: Эксмо, 2016. – С. 26.
[351] Семедов С.А., Лаза В.Д. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современном мире: учебное пособие для вузов. – М.: Изд-во «Проспект», 2020. – С. 63.

мусульманский мир от любой иностранной власти и установить исламское государство, которое бы распространяло свои сентенции по всему миру[352].

Аль-Банна решительно отвергал сосредоточение лишь на духовном и ритуальном измерении религии. Для него ислам воплощал в себе как религию, поклонение, так и этничность, вместе с политическим орудием[353]. Реформаторские начинания аль-Банны были основаны на попытке объединить распространение веры с национальными традициями, научными достижениями, государственными устоями и социально-экономическим благополучием[354].

Основными целями ихванов стали политическая самостоятельность и самодостаточность мусульманских государств на федеративной основе. Например, аль-Банна утверждал, что «если Россия строится на коммунизме, а западные правительства – на демократии, то мусульмане имеют право опираться на ислам»[355].

Среди мыслителей радикального исламизма особое место также занимает идеолог ихванов С. И. Кутб. Его главной идеей стала необходимость возрождения ислама как единственно верного способа противодействия новейшей *джахилии* (невежества). «Нынешнее невежество, в котором утонул мир, – считал Кутб, – еще более отвратительно, чем то, которое существовало до появления ислама, поэтому режим джахилии может исправить лишь режим ислама[356]».

Кутб отрицал возможные соглашения между мусульманами и неверными, опираясь на шариат как единственный источник правосудия. Таким образом, он считал, что в будущем халифате установление демократических принципов

---

[352] Al-Banna H. Six Tracts of Hasan Al-Banna. A Selection from the Majmti'at Rasa'll al-Imam al-Shahid Hasan al-Banna (1906- 1949). – Salimlah – Kuwait: International Islamic Federation of Student Organizations, 2006. – P. 63.

[353] Ḥusaini I.M. The Moslem Brethren, the Greatest of Modern Islamic Movements / transl. of al-Muslimun I. – Westport: Hyperion Press, 1981. – Pp. 45-60.

[354] См. Al-Banna H. Five Tracts of Hasan-Al-Banna (1906-1949). – Berkeley: University of California Press, 1978. – 180 p.

[355] Милославкая Т.П. Деятельность «Братьев-мусульман» в странах Востока» // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы – 1982. С.8.

[356] Цит. по: Игнатенко А.А. Исламские концепции социально-экономического и политического развития Ближнего и Среднего Востока // Философия и религия на зарубежном Востоке: XX век. / отв. ред. Степанянц М.Т. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва Наука, 1985. – С. 215.

недопустимо, и только ислам является безальтернативным путем к подлинной свободе[357] и универсальным решением для всех вызовов социальной сферы.

Идея воссоздания халифата приводит к террористической деятельности радикальных группировок, интегрированных в транснациональную организованную структуру. Терроризм здесь служит инструментом для достижения целей, связанных с захватом власти или изменением существующего порядка[358], и, в связи с этим, он умело используется зарубежными политическими лидерами. Террористический акт стал способом политического действия, который несет определенные послания гражданскому обществу и политической элите. Террористы подрывают основы государственного суверенитета и правопорядка, стремятся не только к дестабилизации общества, но и к созданию альтернативных структур политической власти.

Отличительной характеристикой террористических религиозных групп выступает стремление вызвать массовый страх, сопровождающийся гражданскими и межэтническими конфликтами. Транснациональные террористические религиозные организации применяют насилие не только по отношению к отдельным людям, но и сеют рознь между социальными группами, этносами, нарушают дипломатические связи между государствами и проводят гибридные внешнеполитические операции[359].

С. А. Семедов выделяет ряд отличительных критериев террористической деятельности, в число которых входят: политическая мотивированность – стремление участников экстремистских и террористических группировок для удовлетворения собственных политических претензий и запросов; вовлеченность гражданского сектора – использование мирного населения в качестве жертв для оказания существенного психологического воздействия на гражданское общество; публичность – оказание максимально возможного устрашения на широкие массы

[357] См.: Qutb S. Ma'alim fi al-Tariq. Chicago: Kazi Publications, 1964. – 249 p. (книга внесена в федеральный список экстремистских материалов).
[358] Магомедов Н.Г. Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме // Исламоведение. – 2020. – № 1 (43). – С. 98.
[359] Религиоведение: учебник для вузов / ред. Яблокова И.Н. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – С. 132-133.

людей; взаимосвязь с криминалитетом – использование незаконных источников в качестве финансирования; техническая оснащенность – применение новейших разработок в области вооружения, технического оборудования и средств связи[360].

В террористической деятельности также усматриваются личные мотивы террористов, эмоциональная привязанность к актам насилия, хладнокровный расчет и вера в спасение своей души через совершение терактов.

Вопросы, связанные с определением и выявлением опасных религиозных групп и организаций, остаются крайне актуальными, что создает значительные трудности для профильных специалистов Национального антитеррористического комитета, Федерального агентства по делам национальностей и иных государственных органов, ответственных за мониторинг и анализ оперативной ситуации. Несмотря на наличие обширного законодательства, регулирующего государственно-религиозные отношения, возникают серьезные трудности в распознавании и выделении деструктивных религиозных объединений и общественных организаций. Даже после ликвидации или ареста лидеров незаконных террористических формирований, в связи с подпольным функционированием таких организаций практически невозможно эффективно контролировать их деятельность.

Вместе с тем, наблюдается дезорганизация работы ответственных за контроль и пресечение противоправной деятельности таких организаций специалистов. Поэтому обеспечение качественной кросс-дисциплинарной подготовки специалистов из соответствующих служб и ведомств является необходимостью.

Противодействие терроризму должно быть направлено на нивелирование влияния терактов на представителей этнических, религиозных, национальных групп и их лидеров. Терроризм должен перестать быть эффективным методом радикальной политической борьбы. Для этого необходим целенаправленный межконфессиональный и межрелигиозный диалог, который может быть

[360] Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и экстремизмом / ред. Семедов С.А. – М.: Изд. дом РАНХиГС «Дело», 2018. – С. 213-214.

инициирован со стороны государственных институтов и подкреплен положениями действующего законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Идейной основой экстремизма и терроризма является фундаментализм. По мнению малазийского политолога Х. А. бин Х. А. Малика, фундаментализм представляет собой «постоянную черту всех зрелых цивилизаций, культур и наций – как систему власти, уходящую корнями в свою специфичность – в момент вызова, создаваемого конфронтацией, отречением, глубоко ощутимой угрозой, так же, как и тупиковой ситуацией, прерыванием господствовавших до настоящего времени темпов прогресса, роста, экспансии, дестабилизацией ″нормального состояния″ мощными силами извне»[361].

Этнический национализм на Кавказе начал уступать место религиозному фундаментализму[362]. Исламистские миссионеры на Северо-Восточном Кавказе представляют собой фундаменталистские группировки. В условиях экономической нестабильности и социальной напряженности фундаментализм прежде всего нашел поддержку среди молодых людей северокавказского социума, потерявших мировоззренческую опору.

Фундаментализм (лат. – базис, основа, основание) представляет собой «общественно-политическое течение, идеологию, характеризующуюся радикальным непринятием модернизации социальной и политической систем, приверженностью традициям, отстаиванием религиозных, этических, национальных принципов»[363]. «Исламский мир реагирует на воздействия глобализации взрывами религиозного фундаментализма»[364].

Российский религиовед С. Н. Астапов предупреждает, что «фундаменталистские принципы могут служить ориентирами политической

---

[361] Ерасов Б.С. Теоретическая эволюция А. Абдель – Малека. // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 2. – С. 18.

[362] Гусаева К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Махачкала, 2006. – С. 10.

[363] Новейший политологический словарь / сост. Погорелый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – С. 251.

[364] Рашковский Б., Хорос В. Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 1. – С. 17.

деятельности и мобилизовывать определенную часть общества для активного участия в политической деятельности»[365].

Смысловым стержнем концепции фундаментализма определяется свободное отношение к текстам священных писаний, к трактовке их принципов и норм вне контекста исторически принятых и устоявшихся традиций. Фундаменталисты убеждены, что законы и нормы жизни должны определяться исключительно Кораном. Так их политика сопровождается резким отрицанием и обвинением в искажении всего, что не содержится в догматике, включая научные и культурные достижения.

Фундаменталисты отвергают основы современного гражданского общества, включая идеологию демократии и либерализма[366]. Религиовед Ю. И. Авдеев указывает на то, что такая мировоззренческая тенденция приводит к угрозе «стихийных и организованных массовых насильственных экстремистских действий, в том числе преступлений ненависти, массовых беспорядков, мятежей»[367].

Однако, также как религиозный экстремизм свободно жонглирует исламом в зависимости от политических целей, исламский фундаментализм многое заимствует из секулярной радикальной идеологии[368]. Как и американские фонды, продвигающие секулярный либерализм, фундаменталисты аналогичным образом стремятся воздействовать на социально-политическую жизнь многих государств. «Ислам становится главным соперником Запада по одной простой причине: как и западная цивилизация, – он имеет универсалистские устремления» – пишет немецкий политолог Б. Тиби[369]. Поэтому исламский фундаментализм

---

[365] Астапов С.Н. Социокультурная природа религиозного фундаментализма // Религиоведение. – 2023. – № 1. – С. 69.

[366] Ахромеева Ю.В. Религиозный и культурный фундаментализм как условия возникновения религиозного экстремизма // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – № 1. – С. 73.

[367] Авдеев Ю.И. Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. – 2013. – № 2. – С. 8.

[368] Dennis A.J. The rise of the Islamic empire and the threat to the West. – Lima: Wyndham Hall Press, 1996. – 180 p.

[369] Tibi B. The challenge of fundamentalism. Political Islam and the new world disorder. – Berkeley: University of California Press, 1998. – 262 p.

воспринимается международным сообществом в качестве серьезной угрозы для международных отношений и политической стабильности.

7.3. Исламисты, салафиты-реформаторы и салафиты-охранители (ваххабиты)

По мнению американского политолога Дж. Хейнса, политизация религии подразумевает «использование религиозных убеждений, чтобы помочь людям в преследовании социальных, политических и экономических целей»[370]. Религия становится не просто вопросом веры, но важным инструментом политической борьбы. А когда все больше «проявляется политическая составляющая религии»[371], усугубляются существующие конфликты и дестабилизируется политическая ситуация.

Исламизм в концепции вооруженного джихада приобрел форму, прикрывающую попытку захвата власти террористическими методами[372]. Однако радикальная деятельность разнообразных исламистских объединений воспринимается самими мусульманами не только как защита их культурного достоинства и самоуважения, но и как демонизация и угроза самому исламу. Альтернативой здесь является умеренный радикализм[373].

Разнообразность исламизма связана как с существенными различиями внутри мировой уммы, составляющей более полутора миллиардов последователей, так и с множеством вариаций устройства исламских обществ. Последователи умеренного направления действуют лишь через убеждение и легальную

[370] Haynes J. An Introduction to International Relations and Religion. – New York: Pearson Education Limited, 2007. – 445 p.
[371] Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. – М.: Экон-Информ, 2009. – С. 56.
[372] Hermassi M.A. Islam, Democracy, and the Challenge of Political Change // Muravchik J., Mylroie L., Fuller G., Kramer M., Hermassi M.A. Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. – Washington: A Washington Institute Monograph, 1993. – Pp. 41-53.
[373] Воронцова М.В. Теория деструктивности: учебник для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – С. –301.

политическую борьбу. Однако все они стремятся к установлению Исламского халифата и подчинению себе сторонников других религий и мировоззрений[374].

Например, по мнению Такиюддина ан-Набхани, основателя запрещенной в России партии Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, целью партии является создание единого исламского государства. Исламисты более сосредоточены на использовании религиозных символов для реализации своих политических амбиций, чем на духовных и теологических аспектах ислама. «Исламизм, как и другие политические религии, объясняет политические явления исключительно через события сакрального мира. Если война – то священная (*джихад*), если погибший герой – то мученик за веру (*шахид*), если враг – то дьявол (*шайтан*). Никакого символизма, никаких метафор в концепциях исламистов нет»[375], – считает С. А. Семедов. Поэтому в полной мере не следует отождествлять исламизм и ислам. Строго говоря, религия и политическая идеология, которая на ней основывается, – это разные явления.

Исламизм равно выступает против международного права, национализма, христианских традиций в общественной жизни и атеистических убеждений. Объектами критики исламистов также выступают модернизация и секуляризм. С. А. Семедов утверждает, что «политико-религиозные движения не столько защищают традиционное общество от секуляристских вторжений, сколько пытаются творчески интерпретировать религиозную традицию таким образом, чтобы прийти к альтернативным моделям социальной трансформации»[376].

По мнению французского исламоведа О. Руа, главной целью исламистских движений является реисламизация исламских обществ, впадших в невежество, для исламистов главные виновники этого – нынешние лидеры мира ислама, проявившие слабость, позволившую Западу обосноваться на землях ислама[377].

---

[374] Bisk T. The War on Islamism. Lone Actors // An Emerging Security Threat / ed. by Richman A., Sharan Y. – Amsterdam: IOS Press. – 2015. – Pp. 132-133.

[375] Семедов С.А. Политический ислам в современном мире: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – М., 2009. – С. 141.

[376] Семедов С.А. Исламизм и феномен политических религий // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 452.

[377] Roy O. Généalogie de l'islamisme (in English). – Montreal: Hachette Pluriel Editions, 2011. – 132 p.

Исламизм динамичен, с каждой новой трансформацией его виды и методы корректируются. Причины этого кроются в отсутствии четких политических позиций и в отходе от консервативных подходов в политической борьбе за создание исламского государства[378].

В основе исламизма лежит определенная система ценностей, которая регулирует как поведение, так и духовную жизнь. Умеренные исламисты не отвергают общечеловеческие ценности, такие как образование и стремление к улучшению жизни, а наоборот, признают их важность. В современном мире грамотность и способность самостоятельно изучать и толковать священные тексты, по их мнению, являются не только достоинством, но и необходимостью. Поэтому среди сторонников умеренного исламизма много образованных людей.

«Исламизм обращен, прежде всего, к образованным слоям населения. Это – не популярная религия для неграмотных»[379] – замечает египетский реформатор А. Х. Дасуки. Доктрина умеренного исламизма позволяет вступать его лидерам в международные союзы с акторами мировой политики, тем самым обеспечивая условия к достижению их влияния в глобальном масштабе.

В XIX в., в результате активной интеграции Востока в сферу международных торговых отношений, появилась необходимость развития военного потенциала, и местными политическими лидерами была запущена процедура принятия европейских стандартов и норм, в связи с чем, роль шариата стала ослабевать. Получили широкое распространение печатные издания с иллюстрациями, были популяризованы музыкальные средства, узаконены табачные товары.

Комитеты общественной морали устанавливали нормы и принципы нравственности, поведения и быта, контролируя излишнюю сегрегацию женщин и узаконивая их труд[380]. Перед алимами встала непростая задача адаптации

---

[378] Джанаби М.М. Политическая идея современного исламоцентризма (философско-культурологический анализ) // Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки / отв. ред. Саватеев А.Д., Кисриев Э. Ф. – М.: Ленанд. – 2015. – С. 42-96.

[379] Cudsi A.S., Dessouki A.E.H. Islam and power. London: Croom Helm, 1981. – P. 108.

[380] Walpole N.C. and oth. Area Handbook for Saudi Arabia. – Washington: The American University, 1966. – P. 193.

исламских законодательных норм, установленных шариатом, под потребности европейского общества. Умеренные исламисты начали перенимать западные политические институты, впрочем, не называя их «европейскими». Например, тунисский политический деятель Р. аль-Гануши выступал за использование демократических процедур и обеспечение прав меньшинств[381]. Гануши предлагал использовать свободные выборы для решения вопросов властных полномочий, а также способствовал распространению представительства женщин в органах законодательной власти [382].

Стремление к качественному образованию, высокому социальному положению и легальному участию в политической жизни выгодно отличают умеренный исламизм от радикального[383]. А поддержка политического многообразия и гражданских прав выступают определяющими условиями сбалансированного отношения к влиянию ислама на политические процессы.

В контексте политического ислама большую роль играют салафиты, как сторонники первоначального ислама, отвергающие современные мазхабы. Известный исламовед А.В. Малашенко даже считает, что исламизм является одной из версий салафийи[384].

Вопрос о преемственности *таклиде* (традиции) является главным камнем преткновения в салафизме. «Традиция подобна древу, – пишет иранский философ С. Х. Наср, – корни которого через Откровение уходят в Священную Природу, которая на протяжении многих веков дает жизнь его стволу и ветвям»[385]. «Традиционный ислам более тысячи лет вносил порядок в жизнь молодых и пожилых, богатых и бедных, образованных и невежественных на всем пространстве от Марокко до Малайзии» – в свою очередь замечает американо-

[381] Ghannouchi R. Public Freedoms in the Islamic State. World thought in translation. – New Haven: Yale University Press, 2022. – 570 p.
[382] Ghadbian N. Democratization and the Islamist Challenge in the Arab World. – Boulder: West View Press, 1997. – P. 53.
[383] Achilov D., Sen S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? // International Political Science Review. – 2017. – 38(5). – P. 621.
[384] Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламский проект. – М.: Весь мир, 2006. – С. 14.
[385] Nasr S.H. Traditional Islam in the Modern World. – London and New York: Columbia University Press. – 1987. – Pp.11-12.

израильский политолог М. Крамер [386]. Исламская традиция представляет собой ценное духовное наследие, многовековую мудрость и уникальные неисчерпаемые знания, применимые в разных обстоятельствах и составляющие важную часть культурного наследия как всего Востока, так и Северного Кавказа. На данных территориях со «времен праведных халифов» ислам сформировал привычный жизненный уклад[387].

Однако салафиты критикуют переплетение норм шариатского права с обычаями и традициями. Афганский реформатор Джамалуддин аль-Афгани считал, что «таклид представляет собой опасное заболевание, которое распространяется среди людей и приводит к параличу, безумию и безразличию»[388]. Так салафиты на словах проповедовали возврат к «золотому веку» праведных халифов, а на деле выступали против народных традиций.

Свои убеждения салафиты основывают на религиозно-правовой мысли средневекового богослова Т. ад-Д. Ибн Таймийи. Он настаивал на строгом соблюдении Корана и Сунны и их «буквальном» толковании[389]. Ибн Таймия отрицал рациональный анализ Откровения по причине возможной человеческой ошибки и полагал, что истина может быть заключена только в Коране и священных хадисах, а любые неопределенности следует разъяснять исключительно на их основе.

Ибн Таймия скептически оценивал распространенный среди его современников *факихов* (богословов) принцип *маслаха* (общественный интерес), согласно которому интересы уммы могут быть приоритетнее принципов шариата. Ибн Таймия являлся активным противником суфизма, противодействуя культу авлия, паломничеству к зияратам и утверждению шейхов в роли «посредников» перед Творцом.

---

[386] Kramer M. The Islamism Debate – Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1997. – P.55.
[387] Jameelah M. Islam and Modernism. 2nd ed. – Lahore: Publisher Mohammad Yusuf Khan Sant Nagar, 1968. – Pp.40-45.
[388] Commins D.D. Islamic Reform, Politics and Social Change in Late Ottoman Syria. – New York: Oxford University Press, 1990. – P. 71.
[389] Rahman F. Prophecy in Islam. – London: George Allen and Unwin, 1974. – P.101.

Также как исламисты салафиты неоднородны. К умеренному спектру можно отнести салафитов-реформаторов, которые придерживаются рационального подхода к религии, этике и политике, иными словами «дух Откровения» они ставят выше традиции и закона. Реформаторы демонстрируют стремление к модернизации, проявляют терпимость к национальным политическим движениям и одновременно выступают за охрану традиционных исламских устоев, а в зависимости от новых обстоятельств пользуются *иджтихадом* (утверждением новых правовых суждений в исламском праве).

Реформаторы называли умопомрачением отказ от самостоятельного мышления и принятие духовных убеждений без требования доказательств[390]. По их мнению, мыслители минувших веков формулировали духовные принципы согласно условиям и обстоятельствам, присущим их эпохе. Поэтому развитие разума требует нового понимания учения.

Так, индийский мусульманский реформатор Саид Ахмад-хан и египетский основатель исламского модернизма Мухаммад Абдо считали европейские знания необходимым условием развития уммы. Дело в том, что с эпохой промышленной революции и последующих политических изменений капиталистические ценности и установки начали проникать в мировую умму, а социалистический эксперимент, в свою очередь, повлиял на богословскую мысль. Поэтому для обеспечения прогрессивного развития были предприняты шаги по примирению передовой науки и ислама. В целях приспособления ислама к требованиям промышленного развития реформаторы провозгласили ислам системой, способной к самосовершенствованию, внутренним трансформациям, и достигли здесь немалого успеха.

Салафиты-реформаторы декларировали призыв: «Вперед с Кораном!» Они были убеждены, что для достижения политической независимости и преодоления отсталости необходимо пересмотреть общинные устои и использовать позитивный пример европейской цивилизации. Перестройка системы просвещения, решение

[390] Keddie N.R. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyid Jamal Ad-Din «al-Afghani». – Berkeley: University of California Press, 1968. – P. 171.

проблем в образовании, реконструирование исламского законодательства и внимательное отношение к вопросам воспитания – и сейчас занимают важное место среди концептуальных положений мусульманских реформаторов, чуждых радикализму[391].

Но все же идеология салафийи становится основой радикального исламизма несмотря на то, что далеко не все из приверженцев этого течения имеют отношение к радикалам[392]. Так, сторонники ваххабизма продолжают резко противодействовать модернизации общества[393]. Радикальный ислам и его следствие – исламофобия вызывают обеспокоенность и страх у представителей власти и традиционных религиозных общин.

Основоположник ваххабизма М. ибн Абдуль-Ваххаб ибн С. ат-Т. ан-Н. считал, что истинное знание принадлежит только Творцу. Поэтому он не считался с мнением факихов. Несмотря на приверженность учению имама А. ибн Ханбаля и Ибн Таймийи, ибн Абудуль-Ваххаб утверждал, что в условиях достаточной подготовки любой мусульманин обладает правом выносить самостоятельные решения иджтихада[394].

Упадок духовных ценностей в арабской умме стал целью для критики ибн Абудуль-Ваххаба, а притеснение арабов со стороны турок стало главной предпосылкой возникновения ваххабизма как движения за национальное освобождение арабов из-под гнета Османской империи. Так ваххабизм стал знаменем военных завоеваний и консолидации арабов на Ближнем Востоке.

Захватив священные города Мекку и Медину и провозгласив создание Саудовского государства, ваххабиты обратились уже против арабских властителей сопредельных государств. Они полагали, что их действия не соответствуют

[391] March A.F. Political Islam: Theory // Annual Review of Political Science. – 2015. – Vol. 18. – Pp. 103-123.
[392] Schwedler J. Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-Moderation Hypothesis // World Politics. – 2011. – 63(2). – Pp. 347-376.
[393] The Kingdom of Saudi Arabia / ed. Scott M. – London: Stacey intern; Riyadh: Al-Turath, 2006. – P. 195.
[394] Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01. – М., 2017. – С.54.

истинным постулатам ислама, так как в угоду местным традициям они отвергли подлинную веру и насадили чуждые исламу духовные практики.

Ваххабиты практиковали массовое разрушение зияратов благочестивых последователей пророка, ссылаясь на то, что «преувеличение в отношении могил праведников приводит к тому, что они становятся идолами, которым поклоняются помимо Аллаха»[395], как утверждал аль-Ваххаб. Это имело и сугубо политический подтекст, так как «знать какого-либо оазиса, оставшаяся без собственного святого, теряла претензии на исключительность»[396].

В настоящее время последователей ваххабизма можно отнести к салафитам-охранителям. Под лозунгом «возвращения к Корану» они стремятся исламизировать социальную и политическую сферу так, как это было в первой мусульманской общине времен пророка[397].

Основные движущие силы охранителей произошли из городских агломераций и обедневших слоев населения. Они острее всего переживали социально-общественный кризис. Главным политическим тезисом охранителей стал постулат о невозможности модернизировать государственный строй по европейскому образцу, сохранив гарантии равенства в социуме. Так, по мнению американского политолога Д. Л. Эспозито: «Модернизация не просто не привела к прогрессирующей секуляризации, но и стала главным фактором возрождения ислама в мусульманских обществах»[398].

Ряды современных ваххабитов в основном пополняет молодежь, недовольная проевропейскими реформами и последствиями имущественной сегрегации, которые, по мнению сторонников старых порядков, разрушают общество через влияние западных ценностей.

---

[395] Wahhab M.A., al. Kitab At-Tauhid. – Riyadh: Publications Riyadh-Saudi Arabia, 1996. – P. 57.
[396] Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX века). – М: Изд-во «Наука», 1982. – С. 57.
[397] Roy O. The Failure of Political Islam. – Cambridge: Harvard University Press, 1994. – Pp. 35-47.
[398] Esposito J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality? New York: Oxford University Press, 1992. P. 23.

Как в переходные периоды прошлого, так и сейчас, угроза ваххабизма представляется наиболее серьезной для безопасности российского государства[399].

Представители традиционных духовных управлений мусульман России утверждают, что современные салафиты Северо-Восточного Кавказа не имеют ничего общего с истинными саляфами, жившими в первые три столетия образования ислама[400]. Кризис в регионе во многом обусловлен конкуренцией салафитского движения с представителями традиционного исламского учения северокавказской уммы[401]. Споры между традиционным и салафитским исламом касаются не только содержания религиозных концепций, но и права на самоопределение в обществе, где различные группы стремятся утвердить свои взгляды и позиции.

Ваххабитское подполье международных радикальных движений на Северном Кавказе, сформировавшееся за годы противостояния с российским государством, продолжает действовать, привлекая все больше молодых последователей, независимо от их материального положения и социального статуса. Это подполье провоцирует конфликты с властями и с мирным населением, совершает террористические акты и иные формы экстремистской политической борьбы[402].

При попытках остановить деятельность аффилированных с ИГИЛ общин в Дагестане в 2016 году тысячи демонстрантов уже вступали в открытое противостояние с властями, при этом данные члены ИГИЛ призвали протестующих вооружаться и объявить джихад властям[403]. Такие общины

---

[399] Алиев А.-Г.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2002. – С. 5.

[400] Мусаев Ш. Какие люди называются «Саляф ас-Салих»? // Исламский образовательный портал IslamDag.ru. – 2016, 14 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islamdag.ru/verouchenie/23682 (дата обращения: 22.06.2024).

[401] Стародубровская И.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография. – М.: Дело, 2013. – 277 с.

[402] От Дагестана до Крыма: из практики противодействия радикальной террористической идеологии // Сетевое издание islam.ru. – 2024, 15 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islam.ru/content/analitics/63453 (дата обращения: 21.11.2025).

[403] Мечети, в которые опасно ходить. Почему силовики объявили войну дагестанским салафитам // Официальный сайт татар Самары «Дуслык». – 2016, 25 февраля. [Электронный ресурс]. Режим

воспринимаются источниками экстремистских идеологий и местом вербовки потенциальных боевиков для террористических организаций[404]. В настоящее время в Хасавюртовском районе также расположены мечети, которые служат местами сбора сторонников салафитского движения и имеют репутацию центров вербовки Исламского государства.

В 2018 году муфтий Духовного управления мусульман Республики Татарстан К. И. Самигуллин выступил с предложением о признании ваххабизма как идеологии, имеющей откровенно экстремистскую направленность, и о необходимости ее запрета на уровне законодательства. По мнению муфтия, ваххабизм представляет собой угрозу не только для стабильности общества, но и для безопасности граждан, так как его приверженцы нередко прибегают к насильственным методам для достижения своих целей. В связи с этим, в целях существенного уменьшения вероятности радикализации молодежи и предупреждения потенциальных террористических актов, К. И. Самигуллин предложил ввести запрет всех организаций, использующих эту идеологию в своей деятельности[405].

С каждым новым актом устрашения совершенствуются методы и формы диверсионной деятельности террористических групп, отражая опыт зарубежных специальных служб. В связи с перемещением экстремистского подполья в регионы со сложной оперативной обстановкой и ситуацией в социально-экономической и политической сферах, ряды ваххабитов привлекают все больше последователей, а ареной новых потрясений становятся не только республики Северного Кавказа, но и Татарстан и регионы Поволжья.

В последние десятилетия рядом регионов, где деструктивные процессы приобрели угрожающий характер, были предприняты меры по борьбе с

доступа: https://tatar-duslyk.ru/mecheti-v-kotorye-opasno-xodit-pochemu-siloviki-obyavili-vojnu-dagestanskim-salafitam-reportazh-daniila-turovskogo/ (дата обращения: 21.08.2024).

[404] Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием: материалы IV Международного форума историков-кавказоведов / ред. Черноус В.В. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, Институт социологии и регионоведения ЮФУ, 2016. – С. 145.

[405] Муфтий РТ рассказал журналистам о способах борьбы с ваххабизмом // Сетевое издание islam.ru. – 2018, 30 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islam.ru/news/2018-05-30/52976 (дата обращения: 30.11.2024).

ваххабитской деятельностью и религиозным экстремизмом. Инициатива по законодательному запрету радикальной идеологии ваххабизма на всей территории России, по аналогии с действующим запретом в Чечне и Дагестане, была озвучена многими государственными и общественными деятелями, что свидетельствует о серьезной озабоченности по поводу распространения экстремистских взглядов[406]. Многим стало очевидно, что «исламисты не ждут уступок от Российской Федерации, как и от всех прочих государств, против которых воюют. Они просто хотят уничтожить страну и ее жителей»[407].

Согласно статье 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не допускается пропаганда «идеологии нацизма и экстремизма». А согласно статье 205.2 Уголовного кодекса РФ запрещены: «Публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании <...> деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности»[408].

Несмотря на актуальность инициативы законодательного запрета идеологии ваххабизма по аналогии с запретами идеологий экстремизма, терроризма и нацизма, и поддержку со стороны ряда общественных деятелей и экспертов, эта инициатива до сих пор не была реализована. В условиях растущей угрозы терроризма и экстремизма необходимость принятия специального закона, запрещающего ваххабизм, становится все более очевидной.

---

[406] Тузов Н.В. Этнорелигиозные отношения и проблемы политической стабильности в России в 90-е годы XX века (на примере Северного Кавказа): дис. … канд. ист. наук: 07.00.09. – М., 2003. – С. 84.

[407] Сатановский Е. Я. Компромиссы бессмысленны // Россия в глобальной политике. – 2004. – Т. 2, № 5. – С. 26.

[408] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.08.2022).

§ 8. Северный Кавказ в мировой политике

8.1. Северо-Восточный Кавказ и международная проблематика

Постсоветские конфликты в Приднестровье и Карабахе, Таджикистане и Узбекистане, Южной Осетии и Абхазии демонстрировали значительный рост сепаратистских настроений. Территория Северного Кавказа в последнее десятилетие XX в. также продемонстрировала значительный рост насилия: осетино-ингушский конфликт, противостояние чеченских сепаратистов с федеральным центром, террористические акты в Дагестане и Кабардино-Балкарии, совершенные различными радикальными ваххабитскими группировками, происходили в условиях влияния транснациональных радикальных сетей.

Распространяемые внешними силами идеи исторической и социально-экономической несправедливости формировали почву для возникновения противоречий и конфликтов[409]. Ваххабизм способствовал выстраиванию особой культурной идентичности панисламизма. Идея панисламизма заключается в том, что исламская нация должна полностью контролировать окружающее общество, и только через принадлежность к ней индивидуум может обрести свободу[410].

Процесс распространения исламизма тесно связан с «Исламским возрождением», которое представляет собой особую форму модернизации постколониальных стран в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Основополагающий принцип исламизма – доминирование мусульманского вероучения, его норм, правил, традиций и обязательность общественного устройства на их основах. Но с течением времени исламизм стал инструментом, который различные политические лидеры используют в своих целях.

В XX веке в целях ограничения влияния Советского Союза в Центральной Азии США выступали с поддержкой движения радикальных исламистов на

[409] Укрепление российской нации в сфере этнокультурных и межконфессиональных отношений: учебно-методическое пособие. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. – С. 8, 122.
[410] Hermassi M.A. Islam, Democracy, and the Challenge of Political Change // Muravchik J., Mylroie L., Fuller G., Kramer M., Hermassi M.A. Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. – Washington: A Washington Institute Monograph, 1993. – Pp. 41-53.

территории Афганистана, в последствии сыгравших значительную роль в формировании афганского движения «Талибан»[411]. В Афганистане же располагалась база У. бен М. бен А. бен Ладена (1957 – 2011 гг.), главы одной из самых крупных международных террористических организаций Аль-Каида.

Бен Ладен совершал теракты с одобрения Талибана, но причислял себя к саудовскому ваххабизму (талибы в отличие от ваххабитов следуют ханафитскому мазхабу и являются приверженцами ашаритской и матуридитской школ калама). Аль-Каида стала значительной дестабилизирующей силой для арабских правящих режимов. Талибы же, захватив власть в Афганистане в 2021 году, вынудив США спешно вывести свои войска, стали наиболее успешными исламистами в мусульманском мире.

Ваххабиты под контролем западных спецслужб получили возможность мобилизовывать крупные силы на той или иной территории в кратчайшие сроки, особенно в периоды социальных потрясений и экономических кризисов. Группировки ваххабитов охотно применяют террор против государственных лидеров Европы и руководителей исламских государств, которые поддерживают западные ценности.

Использование ваххабитов в качестве основы противодействия политическим акторам в исламском мире стало распространенной практикой американских спецслужб: «Учитывая характер национальных экстремистских сил, помощь им предоставляется тайно»[412], – отмечал советник Госдепартамента США по вопросам безопасности А. Аван.

Внешняя дестабилизация была реализована в Ливии, Сирийской Арабской Республике и других странах Ближнего Востока, где оппозиционные силы через контакты с ваххабитами получали разностороннее содействие от Вашингтона. Официальные лица России не раз указывали на то, что международная террористическая и запрещенная в России организация «Исламское государство»

---

[411] Журин К.А. Талибан, радикальный ислам и Афганистан // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – №3. – С. 83-87.

[412] Цит. по: Davidson C.M. Shadow Wars: The Secret Struggle for the Middle East. – London: Oneworld, Allen & Unwin, 2016. – P. 59.

(ИГИЛ) пользовалась поддержкой специальных служб иностранных государств. ИГИЛ создала прецедент всеобъемлющего вооруженного конфликта в Сирии в 2013 – 2017 гг.

На стороне Исламского государства было отмечено участие россиян, что сделало их инструментом скрытых внешних сил, стремящихся реализовать свои геополитические интересы в России. Например, только в 2015 году в рядах сирийских головорезов сражалось порядка 900 уроженцев Республики Дагестан[413].

Ситуация в Сирии особенно обострилась после падения режима Б. Асада в конце 2024 года, когда к власти пришел ваххабитский лидер А. аш-Шараа. Весной 2025 года христиане и алавиты Сирии стали жертвами фактического геноцида, организованного новыми властями. В этом трагическом акте также участвовали выходцы из северокавказских республик.

Теракт, произошедший 22 июня 2025 года в православном храме Святого Ильи в Дамаске, где погибли 30 и были ране ранены около 60 человек, стал еще одним подтверждением угрозы, которую представляет собой ваххабизм[414]. Этот акт насилия, совершенный террористами-смертниками, свидетельствует о необходимости запрета пропаганды данной идеологии на территории Российской Федерации.

Военные операции против Ирана, проведенные Израилем и США в июне 2025 года, а также в конце зимы и весной 2026 года, угрожают массовым потоком беженцев, среди которых могут оказаться ваххабиты, угрожающие иранским властям на севере страны и потому заинтересованные в дестабилизации ситуации в России – внешнеполитическом партнере Ирана.

---

[413] МВД: около 900 уроженцев Дагестана воюют в Сирии на стороне боевиков // РИА Новости. – 2015, 10 дек. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20151210/1339467067.html?ysclid=mc9njaich8871845151 (дата обращения: 24.06.2025)

[414] Сысоев И. Десятки человек погибли в теракте в церкви в Сирии // Российская газета. – 2025, 22 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2025/06/22/desiatki-chelovek-pogibli-v-terakte-v-cerkvi-v-sirii.html?ysclid=moivj8b8ey648931390&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex. ru%2F (дата обращения: 28.04.2026).

Длительные вооруженные столкновения привели к расколу на Ближнем Востоке, изменили расстановку сил международной политики и вызвали хаос в регионе. Геополитическая ситуация на Ближнем Востоке указывает на сложную игру, в которой Иран является ключевым элементом. Каждый игрок, преследуя собственные цели, рискует спровоцировать цепную реакцию, последствия которой трудно предсказать.

В качестве потенциально возможной рассматривается реставрация Шаханшахского режима (1925 – 1979 гг.). Свадьба дочери иранского кронпринца в изгнании с американским бизнесменом еврейского происхождения в 2025 году является косвенным подтверждением этой версии. Однако Запад, стремясь к смене режима в Иране, недооценивает сопротивление иранского общества, которое, несмотря на недовольство текущей властью, не примет навязанного извне лидера. Идея о лояльной Западу фигуре во главе Ирана вызывает лишь усиление радикальных настроений внутри страны.

В то же время, в случае реализации сценария насильственной смены власти и последующего раздела Ирана, Израиль может столкнуться с нежелательными последствиями потери доступа к транзиту нефти из стран Каспийского бассейна через территорию Турции. Требования политических активистов о закрытии турецких портов для бакинской нефти все громче звучат на масштабных пропалестинских митингах[415].

Неограниченное передвижение иностранных граждан, особенно приезжих проповедников из Турции, Саудовской Аравии и других стран Ближневосточного региона[416], способствовало наводнению региона представителями иностранных спецслужб и распространению деструктивной пропаганды. Контакты северокавказских мусульман с арабской и турецкой уммой открыли новые

[415] Григорьев А. Эрдоганисты не рады экспорту бакинской нефти в Израиль // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». – 2024, 26 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// vpoanalytics.com/sobytiya-i-kommentarii/turtsiya-eksport-azerbaydzhanskoy-nefti-v-izrail-pitaet-nedovolstvo-storonnikov-erdogana-/ (дата обращения: 29.04.2026).

[416] Боров А.Х. Национальная стратегия многонациональной России: Северо-Кавказский срез. Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М.: ФГНУ Росинформагротех», 2008. – С. 65.

горизонты для знакомства с радикальными религиозными идеями. При совершении хаджа российские мусульмане также нередко сталкиваются с пропагандой радикальных идей.

Исламовед А. А. Игнатенко емко сформулировал проблему экспорта ближневосточного радикализма: «Для распространения саудовской модели за рубежами королевства пригоден только ваххабизм. Но не тот ваххабизм, который идеологически, организационно и институционально адаптирован к модернизирующемуся Саудовско-Аравийскому государству, а ваххабизм чистый, от которого отфильтрованы конкретные обстоятельства и результаты его адаптации и трансформации в ходе истории саудовского государства. Радикальный ислам в форме салафизма (ваххабизма) – вот характеристика той идеологии, которую стала экспортировать Саудовская Аравия в рамках помощи (*игаса*) мусульманам во всем мире»[417].

Турецкая республика укрепляет влияние на Кавказе, что может привести к формированию новых внешнеполитических союзов и перераспределению мировых сил[418]. Турция трансформирует исламский мир, оказывая воздействие «жесткой и мягкой силы» в важных для России регионах. Турция приютила множество чеченских оппозиционеров-ваххабитов, а в настоящее время вынашивает планы по размещению военных баз НАТО на Каспийском побережье, что создает новую угрозу для России. Вызывает озабоченность заявление известного азербайджанского политика Э. Намазова о необходимости турецкой военной базы в Азербайджане[419] как плацдарма НАТО на Южном Кавказе.

---

[417] Игнатенко А.А. Ислам и политика: сборник статей. – М.: Институт религии и политики, 2004. – С. 95.

[418] Банникова А.В., Кулешова Б.Э., Джомертогуллары Н., Табаринцева-Романова К.М. Турция и глобальное лидерство: роль турецкой публичной дипломатии во внешней политике // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2023. – Т. 7, вып. 4. – С. 520-529.

[419] В Азербайджане заговорили о турецкой военной базе на фоне обострения отношений с Россией // МК в Турции. – 2025, 3 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mk-turkey.ru/politics/2025/07/03/p-v-azerbajdzhane-zagovorili-o-tureckoj-voennoj-baze-na-fone-obostreniya-otnoshenij-s-rossiej.html (дата обращения: 04.07.2025).

В сферу интересов Турции входит создание зоны своего влияния вдоль южных границ России и укрепление связей со странами Организации тюркских государств. Хотя Турция не предъявляла территориальных претензий к Ирану, особый интерес для Турции представляют регионы с преобладающим тюркским населением, в частности, окрестности Тебриза и другие северо-восточные районы Ирана.

Вместе с тем поддержка сепаратистских настроений среди этнических турок в Иране может обернуться зеркальным эффектом активизации борьбы иранских курдов за независимость, что дестабилизирует ситуацию внутри самой Турции, так как вопрос создания независимого Курдистана остается крайне болезненным для Анкары.

Усиление турецкого влияния изменяет баланс сил и ослабляет позиции России в Черноморском и Каспийском регионах, способствуя реализации геополитических проектов, противоречащих российским интересам. Турция стремится к созданию Великого Турана – единого государства для всех тюркских народов и масштабного геополитического проекта по распространению своего влияния на постсоветском пространстве[420]. Анкара стремится изменить культурный и социальный облик северокавказского региона, рассматривая его как часть своей исторической территории.

[420] Победив в Карабахе, Турция анонсировала создание нового военного блока. // MK. – 2020, 26 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mk.ru/politics/2020/12/26/pobediv-v-karabakhe-turciya-anonsirovala-sozdanie-novogo-voennogo-bloka.html (дата обращения: 12.12.2025).; «Великий Туран» – миф или перспектива? // ИА Азия-Плюс». – 2022, 29 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20221129/velikii-turan-mif-ili-perspektiva (дата обращения: 12.12.2025).; «Великий Туран» нужен Западу, чтобы поссорить Казахстан с Россией, Китаем и Ираном // ИА «Евразия. Эксперт». – 2023, 27 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eurasia.expert/velikiy-turan-nuzhen-zapadu-chtoby-possorit-kazakhstan-s-rossiey/ (дата обращения: 12.12.2025).; «Великий Туран»: геополитическая стратегия Турции или новая реальность? // ИА «Караван Инфо». – 2025, 2 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caravan-info.pro/velikij-turan-geopoliticheskaja-strategija-turcii-ili-novaja-realnost/ (дата обращения: 12.12.2025).; Султан Великого Турана: Президент Турции Эрдоган мечтает устроить «золотой век» для тюркского мира // Комсомольская правда. – 2025, 10 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27723/5112298/ (дата обращения: 12.12.2025).; Котенко Д.Г. Векторы и парадигмы концепции «Великого Турана» во внешней политике Турции // Семнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II. – 2024. – С. 368-374.

Планомерная внешняя политика Турции, выстроенная на основе неоосманских, неопантюркистских и панисламистских идей, обеспечивает условия распространения влияния на социально-политическую ситуацию во многих регионах мира, включая мусульманские субъекты России на Северном Кавказе и в Поволжье[421]. Турция, посредством оказания помощи различным оппозиционным группам, изыскивает неформальных общественных лидеров, готовых к сотрудничеству для продвижения турецких интересов на Северном Кавказе.

Используя «мягкую» силу и публичную дипломатию для решения проблем и позиционирования себя в качестве ключевой страны исламского культурного мира, на международной арене Турция стремится представить себя и свое руководство как последний оплот защиты интересов мусульман. Турецкая дипломатия фактически не принимает во внимание государственные границы сопредельных государств, так как Турция стремится к укреплению и развитию связей с Большим Кавказом, придерживаясь неоосманского имперского ревизионизма.

В этом смысле В. А. Тишков предупреждает: «Пришло время интеллектуальных «войн памяти», когда политики, этнические активисты и ученые энтузиасты культурной самобытности, снабдили становящееся все более грамотным население аргументами из исторической мифологии и религиозной догматики об уникальности и несовместимости партикулярных этнотрадиций, необходимости «священных войн» за «этнос» и религию, за статус и влияние, за территорию и ресурсы»[422].

Официальные представительства МИД Турецкой Республики продолжают поднимать вопросы исторической памяти, касающиеся событий, произошедших на Кавказе много веков назад, что вызывает обеспокоенность в России. В частности, в 2022 году будущий посол Турции в России Т. Билгич в своем официальном обращении, приуроченном к годовщине завершения Кавказской войны XIX в.,

[421] Ирхин А.А., Москаленко О.А. «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91-107.
[422] Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. Тишков В.А., Шнирельман В.А. – М.: Наука, 2012. – С. 640.

заявил следующее: «Во время вторжения царской России на Кавказ сотни тысяч представителей кавказских народов погибли. Многие оставшиеся в живых были высланы со своей родины и вынуждены были укрыться в Анатолии. Сегодня мы еще ощущаем боль этой трагедии»[423].

Важно отметить, что в 90-х годах XX века, в период социальной и политической нестабильности и вооруженных столкновений на Северном Кавказе, многие участники нелегальных вооруженных группировок нашли убежище на территории Турции, что создало дополнительные сложности в ее отношениях с Россией. Попытки Турции манипулировать социальными проблемами посредством субъективной интерпретации исторических событий, способствуют возникновению напряженности и недопонимания между разными народностями Кавказа.

Турецкие тарикаты являются не только духовными сообществами, но и неотъемлемой частью политического ландшафта Турции, играя ключевую роль в создании чувства общности и единства среди тюркоязычных мусульман. В этом контексте тарикаты становятся своего рода социальными сетями, которые, подобно политическим партиям, активно участвуют в общественной жизни и оказывают влияние на политические процессы. Коалиционное взаимодействие ряда тарикатов с правящей элитой подчеркивает их значимость в контексте современного политического ландшафта Турции. Их влияние на социально-политическую ситуацию в стране демонстрирует, как религиозные организации могут играть ключевую роль в формировании общественного мнения и политической повестки.

Турецкое агентство сотрудничества и координации (TIKA) занимается установлением связей между многонациональным населением Северо-Восточного Кавказа и кавказскими диаспорами в Турции, создавая благоприятные условия для распространения идеологии неоосманизма. Активное участие некоммерческих

[423] Билгич Т. Ответ пресс-секретаря Министерства иностранных дел Турецкой Республики на вопрос о годовщинах изгнания крымских татар и черкесов // Официальный сат Министерства иностранных дел Турции. – 2022, 18 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/sc_-10_-cerkes-ve-kirim-tatar-surgunlerinin-yildonumleri-hk-sc.ru.mfa (дата обращения: 22.11.2023).

неправительственных организаций отражается в популяризации кавказской культуры и традиций.

Этнорелигиозные меньшинства составляют около 10% населения Турции и оказывают серьезное влияние на формирование социокультурных связей с народами своей исторической родины[424]. Среди них можно выделить такие турецкие организации, как Федерация кавказских ассоциаций, Кавказско-Чеченская Культурная Ассоциация, Кавказский фонд, Кавказская Ассоциация и другие.

Распространение концептуальных принципов неоосманизма на территориях Северного Кавказа осуществляется через стратегию, которая маскируется под благие намерения объединения представителей тюркской национальной общности. Диянет, управление по делам религии Турции, также вовлечено в реализацию этой стратегии, что подчеркивает системный подход к распространению идей неоосманизма. Разнообразные турецкие фонды, являясь «прокси» управления Диянет и действуя под прикрытием гуманитарных целей, тонко разжигают сепаратистские настроения в исламских регионах России и, прежде всего, на Северном Кавказе.

В этом контексте важную роль играет турецкий фонд Тугва, который активно использует этнорелигиозные лозунги для достижения своих целей. Тугва, действуя в республиках Северного Кавказа, меняет культурные и ценностные ориентиры местного населения. Фонд создает искаженное представление о российской государственности, властных структурах и религиозных объединениях, что приводит к дезинформации местного населения и, в первую очередь, молодежи.

Фонд реализует свои программы среди кавказской молодежи, «круто замешивая на идеологии национализма и тюркизма»[425], что создает рискогенную

[424] Аватков В.А. Особенности межкультурной коммуникации в Республике Турция // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 1(1). – С. 65-75; Акопян А. Этнический состав Турции. Новейшие данные // ДИАЛОГ. – 2021, 22 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dialogorg.ru/analytics/articles/arman_akopyan-_etnicheskiy_sostav_turtsii-_noveyshie_dannye/ (дата обращения: 22.11.2025).

[425] Алоев М. Заморские благодетели из фонда TUGVA // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». – 2022, 15 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://serdalo.ru/zamorskie-blagodeteli-iz-fonda-tugva (дата обращения: 22.11.2023).

комбинацию, способствующую росту межэтнической и межрелигиозной напряженности в регионе. В результате, молодые кавказцы становятся объектом манипуляций, вовлекаясь в деструктивные религиозные группы, которые подрывают стабильность и мир в регионе. Подобные явления недопустимы в условиях проведения Специальной военной операции на Донбассе и могут иметь катастрофические последствия для безопасности в регионе в целом.

Наглядным свидетельством такого деструктивного влияния стали массовые антиизраильские беспорядки, случившиеся в международном аэропорту Махачкалы в конце октября 2023 года. Они стали следствием не только внутренних проблем, но и внешнего вмешательства[426]. Инцидент привел к значительным негативным последствиям для международных отношений, продемонстрировав, как быстро может разжигаться межэтническая рознь.

Турция направила своих военных советников, а Пакистан разместил свой военный контингент в Азербайджане[427] для помощи в конфликте с Арменией в 2020 – 2023 годах, в результате которого Нагорный Карабах прекратил свое существование. В связи с этим угрозе безопасности рубежей России на Северо-Восточном Кавказе могут способствовать связи Пакистана с филиалом ИГИЛ «Вилаят Хорасан»[428], причастной к теракту в Крокус Сити Холле весной 2024 года,

---

[426] В Telegram-канале «Утро Дагестан» выявили признаки ненависти к израильтянам // МИА «Россия сегодня». – 2025, 23 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20251023/priznaki-2050021420.html (дата обращения: 22.11.2025); Молодцова В. Турецкий марш. Часть пятая. Агенты влияния // Учительская газета. – 2003, 12 августа. – №33. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ug.ru/tureczkij-marsh-chast-pyataya-agenty-vliyaniya/ (дата обращения: 22.11.2025); Турецкие интересы на Кавказе // Вестник Кавказа. – 2012, 16 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vestikavkaza.ru/analytics/Turetskie-interesy-na-Kavkaze.html (дата обращения: 22.11.2025); Распространение пантюркизма на Северном Кавказе угрожает России: мнение // ИА Реалист. 2019, 30 июнь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://realtribune.ru/news-news-2181/ (дата обращения: 22.11.2025); Турция продолжает продвигать свои русофобские проекты, на этот раз «Великую Черкесию» // Репортер. – 2024, 7 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://topcor.ru/53339-turcija-prodvigaet-svoi-rusofobskie-proekty-na-jetot-raz-velikaja-cherkessija.html (дата обращения: 22.11.2025).

[427] Армянские СМИ: Пакистан разместил военных в Азербайджане для борьбы с Арменией // МК. – 2020, 4 окт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mk.kg/politics/2020/10/04/armyanskie-smi-pakistan-razmestil-voennykh-v-azerbaydzhane-dlya-borby-s-armeniey.html?ysclid=moiws54bbi804028976 (дата обращения: 28.04.2026).

[428] Кто такие террористы из запрещенной в России «Вилаят Хорасан» // РБК. – 2024, 24 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/24/03/2024/65ff17d79a7947673e6e7b9d (дата обращения: 12.11.2024).;

в результате которого погибли почти 150 человек и свыше 600 получили ранения[429].

Важным аспектом является то, что подобные происшествия подчеркивают необходимость более тщательного анализа действий иностранных государств и их влияния на внутренние дела других стран. Задачи обеспечения национальной безопасности требуют от государств не только защиты своих интересов, но и активного участия в международном диалоге, направленном на предотвращение конфликтов и укрепление взаимного доверия.

Манипулируя национальными и религиозными чувствами, разжигая конфликты и недовольство среди различных этнорелигиозных групп, в условиях социальных кризисов и политических изменений деструктивные иностранные организации стремятся дестабилизировать социальную ситуацию и создать угрозы сепаратизма и национальной безопасности России.

8.2. Этнический сепаратизм и джамааты

Возникновение и развитие этнорелигиозных конфликтов, прежде всего, связано с процессами преобразования северокавказских этнических сообществ, обновления их социально-политических устремлений и, в то же время, с усилением этнического сепаратизма. Поэтому при осуществлении государственного управления Северо-Кавказским регионом важно принимать во внимание исторические особенности межэтнических отношений. Близость к власти на фоне этнических и религиозных различий производит недовольство решением проблем одних этносов за счет других, а равно и тем, что государственные региональные структуры используют религию для легитимации своей власти. В этих условиях

«Все для них – "крестоносцы"». Почему «ИГ-Хорасан» (запрещенная организация в РФ) считает Россию и США врагами // RTVI. – 2024, 26 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rtvi.com/stories/vse-dlya-nih-krestonosczy-pochemu-ig-horasan-schitaet-rossiyu-i-ssha-vragami/ (дата обращения: 12.11.2024).

[429] «Заплатить обещали в Киеве». Какие сроки получили террористы из «Крокуса» // РИА Новости. – 2026, 12 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ria.ru/20260312/kriminal-2080007964.html?ysclid=moiwhxccmi968054507 (дата обращения: 28.04.2026).

происходит «мобилизация религии в политических целях»[430], а этнические группы для мобилизации участия в политическом процессе используют свою принадлежность к тайпам, вирдам и т.п.

Современная ситуация на территории Северного Кавказа демонстрирует заметное ослабление светской правовой системы с последующей утратой своих позиций в сфере регулирования гражданско-правовых отношений, семейного и даже уголовного права. Интеграция в правовую и исполнительную систему традиционных норм и обычаев, а также норм шариата[431], ставит под сомнение легитимность государственной власти и может привести к дестабилизации существующих отношений и усилению сепаратистских настроений.

В настоящее время все российское общество, ввиду борьбы с западными санкциями, испытывает период трансформаций, социальных и экономических преобразований. Северокавказский социум не является здесь исключением. Вместе с тем, отношение к данным процессам в регионе преломляется через призму местных проблем. В формировании политизированной этносоциальной ситуации на Северном Кавказе ключевую роль продолжает выполнять этническая коррупция[432].

В условиях социальной напряженности происходит политизация как этнической, так и религиозной идентичностей, что, в свою очередь, приводит к усилению этнорелигиозного самосознания. Радикальные изменения в религиозной практике и интерпретации священных текстов на основе объединения этнического самосознания с религиозным фанатизмом становятся мощным инструментом в политической и социальной сферах, способствуя распространению крайних взглядов внутри этногрупп и разжиганию межэтнических конфликтов[433].

---

[430] Bassam T. The challenge of fundamentalism. Political Islam and the new world disorder. –Berkeley: University of California Press, 1998. – P. 37.

[431] Албогачиева М.С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.): дис. … д-ра истор. наук: 07.00.07. – СПб, 2021. – С. 315.

[432] Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 88.

[433] Гусаев М.М. Этноконфессиональные процессы в современном Дагестане: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.06. – Махачкала, 2000. – С.92.; Ибрашева Л.Р. Социология межэтнических отношений: учебное пособие. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – С. 83-91.

Этнические противоречия могут принимать различные формы – от культурных и социальных до открытых столкновений, что создает дополнительную угрозу стабильности в регионе.

Как было указано выше, в советский период действовала авторитарная практика применения репрессивных мер с самого начала проявления сепаратистских настроений. В таких условиях любые попытки выразить недовольство жестко подавлялись, а активисты и лидеры движений подвергались преследованию. Власти зачастую не учитывали стремление людей к этническому, религиозному и культурному самоопределению. Такая модель разрешения конфликтной ситуации создала атмосферу страха и подавленности, однако не решила коренных причин сепаратизма, что в долгосрочной перспективе привело к еще большему недовольству и противостояниям.

Специфика выстраивания государственного управления данным регионом с преобладанием представителей русского этноса в аппарате управления негативно воспринималась горским населением, вызывала недовольство среди представителей титульных этнических групп, которые чувствовали себя ущемленными. Проблема депортированных народов еще больше обострила данные обстоятельства. Помимо представителей титульных национальностей – ингушей и чеченцев, балкарцев и карачаевцев, население Северного Кавказа пополнили крымские татары, иммигранты из Средней Азии – курды, турки-месхетинцы. Взаимоотношения с ними осложнились как со стороны властей, так и со стороны других этнических традиционных общин региона.

Как уже было показано выше, основы государственного управления на Северном Кавказе, заложенные в советский период, стали важным фундаментом формирования этнократической модели управления в данном регионе. Эта практика привела к тому, что множество этнических групп оказалось на обочине распределения ресурсов. Принадлежность к тому или иному этносу, клану и иным общностям определила представительство в региональном аппарате государственного и муниципального управления с последующим разделением на господствующие и подвластные группы, способствуя созданию фактического

местного авторитарного режима. Данная модель организации власти усилила стремления северокавказской молодежи к разрешению противоречий радикальными способами, посредством вступления в сообщества экстремистской и террористической направленности.

Ключевую роль в процессе радикализации сыграла национальная интеллигенция, ставшая основой для формирования национально-политических движений. Интеллектуалы и культурные деятели региона, осознавая важность сохранения и утверждения национальной идентичности, начали активно выступать за права своих народов, что способствовало возникновению новых политических инициатив и движений[434]. А прослойка национальных предпринимателей оказалась не в состоянии справиться с мощными национальными движениями, которые охватили республики Северного Кавказа[435].

Именно в связи с такими тенденциями в кавказском обществе начали формироваться новые этнорелигиозные идентичности, которые зачастую противоречили традиционным представлениям об исламе. Они-то и стали основой для распространения ваххабизма в к. XX в., который в дальнейшем оказал значительное влияние на социально-политическую ситуацию в регионе, спровоцировавшую военную операцию федеральных сил. Тогда сепаратистские настроения трансформировались в более устойчивые политико-идеологические установки и получили поддержку через ваххабитские религиозные группы. Затрагивая этническую принадлежность, чувства и убеждения людей, реализация радикальных политических установок стала не просто политическим действием, но и глубоко личным переживанием, что сделало конфликт чрезвычайно сложным к разрешению. Неспособность федерального центра обеспечить стабильность и мирное сосуществование различных народов на Северном Кавказе привела к

[434] Гаджиев М.М. Государственная национальная политика: базовые подходы к моделированию межнациональных отношений и политические технологии их оптимизации: на примере Республики Дагестан: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2019. – 282 с.
[435] Эбзеев А.А. Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – С. 53.

масштабным гуманитарным катастрофам и долгосрочным последствиям для всей страны.

Политическая неопределенность, а также глубокая социальная и экономическая нестабильность перешли в наследство современной России. Исходя из соображений сохранения образа стабильности и единства в северокавказском регионе, ввиду сложной внешней политической ситуации органы власти не признают сепаратистов серьезными противниками, игнорируют их заявления и требования и в настоящее время. Также существуют опасения, что органы государственной власти будут вынуждены принимать меры по разрешению возникшей напряженности, идя на уступки сепаратистским группировкам, как это было во время чеченского кризиса в 90-х г. XX в. Это, во многом, искусственная ситуация, так как «все изобретенные традиции, насколько это возможно, используют историю в качестве легитиматора действий и цемента групповой сплоченности, как только история превращается в кладезь опыта или идеологию нации, государства или движения, она становится не тем, что сохранилось в народной памяти, а тем, что было отобрано, написано, запечатлено, популяризировано и институционализировано теми, перед кем стояла эта задача»[436].

Политизация этничности на Северо-Восточном Кавказе представляет собой одну из ключевых причин роста сепаратистских настроений. Пределы прав и обязанностей между государством и этнорелигиозными организациями на Северо-Восточном Кавказе остаются неопределенными.

При внимательном анализе законотворческой деятельности на Северо-Восточном Кавказе можно выявить существенные адресные налоговые льготы, а также материальную и финансовую помощь в области образования, просвещения, реставрации и строительства, которые региональные власти оказывают этнорелигиозным организациям. Возникает и усиливается угроза фактического превращения религиозных институций в политические движения.

[436] The Invention of Tradition / edit. Hobsbawm E., Ranger T. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 13.

Традиционные исламские этнорелигиозные объединения – джамааты нередко становятся основой для создания ваххабитских и террористических центров. Деятельность джамаатов направлена на привлечение молодежи, ищущей смысл и идентичность в условиях социальной нестабильности.

Под джамаатами часто подразумеваются сельские традиционные сообщества Дагестана. Такое понятие, как «джамаат», является многозначным, и его используют в самых разных значениях: это может быть и исламская община, которая включает прихожан одной мечети, сельская община, сообщество последователей одного конкретного имама или последователей конкретной суфийской общины и т.д. Таким образом, любые мусульманские объединения можно назвать джамаатами. Некоторые из них не без зарубежного влияния занимаются изучением военного дела с намерением построить новое исламское государство на Северо-Восточном Кавказе [437].

Турция, посредством оказания помощи различным оппозиционным группам, изыскивает неформальных общественных лидеров, готовых к сотрудничеству для продвижения турецких интересов на Северном Кавказе. Джамаат Эренкей, действующий под руководством О. Н. Топбаша в рамках политического сотрудничества с правящей в Турции Партией справедливости и развития, представлен в России через местные религиозные организации, теологические образовательные учреждения и специализированные фонды. К примеру, в 2020 году одно из кавказских управлений Федеральной службы безопасности России уже обращалось в Российскую академию народного хозяйства и государственной службы за экспертной оценкой издательской деятельности данного джамаата в северокавказском регионе.

Движение Ф. Гюлена (1941 – 2024 гг.), причастное к попытке государственного переворота в Турецкой Республике в 2016 г., также часто указывают под термином «джамаат».

[437] Акаев В.Х. Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2014. – Т. 17, № 1. – С. 92.

По мнению российского политолога О. В. Куропаткиной: «Главный вектор террористической активности боевиков многочисленных джамаатов в северокавказском регионе направлен в основном против сотрудников правоохранительных органов и силовых структур, представителей органов государственной власти и управления, официального мусульманского духовенства»[438].

Наиболее выраженный этнический состав Северо-Восточного Кавказа представляют собой чеченцы (около 1,5 миллиона человек), аварцы (около 1 миллиона человек), даргинцы (более 500 тысяч человек), ингуши (около 500 тысяч человек), кумыки (около 500 тысяч человек), лезгины (более 400 тысяч человек) и др.[439] Этническая принадлежность муфтията начинает играть важную роль для прихожан мечетей. Увеличение влияния религиозных лидеров и их последователей на политические процессы приводит к стиранию различий между религиозной и государственной властью. От воли духовных лидеров на Северном Кавказе во многом зависит формирование и выражение политических взглядов, общественное участие в публичных мероприятиях, выборах, референдумах[440].

Неформальные религиозные структуры все активнее внедряют шариатские практики, которые становятся популярными среди населения, а шариатские суды усиливают свое влияние в обществе. Разрешение споров между джамаатами все чаще происходит в мечетях, где используются соглашения на арабском языке несмотря на то, что взаимодействие между ними основано на адатах[441].

Также тревожную тенденцию составляет ослабление влияния традиционных муфтиятов на мусульман Северного Кавказа. Занять их место стремятся более радикальные и жесткие последователи джамаатов, активно борющиеся за «умы и души» коренного населения, что не только подрывает единство северокавказской

---

[438] Куропаткина, О.В. Роль религии в нациестроительстве современной России // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 34.
[439] См. Приложение.
[440] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 02.08.2022).
[441] Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М.: Регнум, 2012. – С. 44-46.

уммы, но и создает почву для экстремистских настроений и сепаратистских движений.

Отечественный политолог И. А. Ветренко отмечает: «Приходится констатировать, что основной недостаток российского управления на всех уровнях (федерального, регионального и местного) в том, что оно работает на «коротких программах», без выделения приоритетов, выявления перспективных ресурсов развития и поэтапных мер решения постоянно возникающих проблем, <...> реалии последних лет свидетельствуют о наличии кризиса управления, лишенного современного стратегического обеспечения, концептуальных проработок»[442].

Противовесом этническому сепаратизму являются политические партии. Они играют ключевую роль в демократическом устройстве общества и служат важным каналом для легального публичного противостояния, позволяя гражданам и группам интересов влиять на государственную власть. Таким образом, «в результате не традиция управляет современностью, а современность придает традиции такой облик, который требуют интересы текущей политики»[443].

В то же время политические неудачи и утрата доверия общества к государственным институтам, увеличение политизации национальных отношений провоцируют «возрождение» джамаатов, стремящихся оказывать все более значимое влияние в общественной жизни Северного Кавказа.

Увеличивая свое влияние в северокавказском обществе, национальные объединения стали активно вмешиваться в политическую сферу на фоне искусственно созданных проблем в экономике, внутренней политике и безопасности, тем самым формируя неформальную оппозицию. Противоречия внутри ислама, которые также обострились в этот период, способствовали дальнейшей политизации этнонациональных вопросов и формированию

[442] Ветренко И.А. Политические проблемы управления «Российским Кавказом» // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2016. – № 1 (9). – С. 123.
[443] Шнирельман В.А. Президенты и археология, или что ищут политики в древности // Вестник Российской нации. – 2010. – № 1-2 (9-10). – С. 217.

различных течений, стремящихся к власти и, как следствие, образованию кризиса идентичности[444].

Стремясь ограничить влияние джамаатов, законодательные органы кавказских республик разработали и утвердили ряд нормативных актов, направленных на упорядочение взаимодействия между государством и этнорелигиозными организациями, охватывающих различные сферы, такие как образование, социальная жизнь, политика и духовность.

В последние годы в регионе активно развивается практика вовлечения общественных и религиозных организаций в борьбу с экстремизмом. Это помогает воспитывать единую общегражданскую идентичность и не допускать излишней политизации национальных отношений.

§ 9. Проблемы и перспективы предупреждения этнорелигиозных конфликтов на Северо-Восточном Кавказе

9.1. Преодоление этнократических тенденций и принцип субвенции

Северный Кавказ продолжает оставаться наиболее проблемным российским регионом. В силу своих географических особенностей, специфики исторического и культурного развития, сложностей экономического характера на данной территории сосредоточено множество противоречий, создающих напряженную, порой даже критическую ситуацию.

В академическом и публичном диалоге за последнюю четверть века звучали разные предложения по консолидации усилий федеральной власти в сфере этноконфессиональной политики. Так, на фоне эскалации на Северном Кавказе в 1999 году политолог Г. А. Михайлов предлагал создать федеральный орган по делам религиозных объединений, который консолидировал бы усилия по гармонизации религиозных отношений, укрепляя при этом вертикаль власти и

[444] Малашенко А.В. 2020 год – последний шанс для Кавказа? // Россия и мусульманский мир. – 2011. – № 8. – С. 85.

выполнение требований федеральных правовых актов о свободе совести[445]. В 2001 году Институтом государственно-конфессиональных отношений и права при участии Минюста России был разработан проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации, однако до настоящего времени отдельная концепция (стратегия) религиозной политики так и не была принята.

Предложение Г. А. Михайлова отчасти реализовалось в 2015 году, когда было создано Федеральное агентство по делам национальностей, объединившее усилия по регулированию национальных и религиозных отношений, но при этом основные полномочия по контролю за деятельностью религиозных организаций остались у Минюста.

В 2013 году политолог С. И. Каспэ при поддержке партии «Гражданская платформа», возглавляемой М. Д. Прохоровым, представил проект Религиозного кодекса России. Проект не был поддержан традиционными централизованными религиозными организациями и в связи с этим, был отклонен.

Идея создания института уполномоченного по защите прав на свободу вероисповедания в Российской Федерации была озвучена в 2019 году на совместном заседании комиссий Совета по правам человека при Президенте России и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России. Дискуссии о создании должности уполномоченного продолжились в 2020 году на платформе Общественной палаты Российской Федерации по итогам предложений правоведа А. В. Пчелинцева, однако данная идея так и осталась нереализованной.

Таким образом основными стратегическими документами, задающими вектор развития этноконфессиональной политики, стали два следующих документа. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая говорит о том, что «достижение целей обеспечения государственной и

[445] Михайлов Г.А. Нужен ли России государственный орган по делам религий? // Религия и право. – 1999. – № 6. – С. 9.

общественной безопасности осуществляется путем реализации политики, направленной на предупреждение и нейтрализацию социальных, межконфессиональных и межнациональных конфликтов, сепаратистских проявлений, предупреждение распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан»[446]. Эта стратегия призвана поддержать традиционные ценности, создать благоприятные социально-экономические, политико-правовые и культурные условия для повышения благосостояния граждан и обеспечения межэтнического и межрелигиозного мира. И Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации, которая отмечает положительные тенденции по укреплению общероссийской гражданской идентичности, и, вместе с тем, указывает на необходимость повышения эффективности взаимодействия органов публичной власти всех уровней; на своевременное выявление конфликтных ситуаций, пресечение распространения идеологий терроризма, экстремизма, неонацизма и ограничение деятельности соответствующих некоммерческих организаций, используемых иностранными государствами; на совершенствование нормативно-правового регулирования деятельности некоммерческих организаций, участвующих в реализации государственной национальной политики и вовлечение институтов гражданского общества во взаимодействие с органами власти[447].

Безопасность Северо-Восточного Кавказа в значительной степени будет зависеть от реализации данных федеральных стратегий лидерами национальных

[446] Указ Президента Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Правовой Сервер КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 02.08.2022).
[447] Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «Об утверждении Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// base.garant.ru/413134563/?ysclid=mtrgomksck645881252/ (дата обращения: 07.09.2026).

республик. Территории Ингушетии[448], Чечни[449] и Дагестана[450] нередко становятся ареной всплеска террористической активности. Современный Северо-Восточный Кавказ характеризуется сложным переплетением религиозной и этнической самобытности, что приводит к формированию своеобразных моделей управления, где каждая республика самостоятельно определяет свою политику, принимая во внимание уникальные местные условия.

Важнейшим вектором реализации федеральных стратегий на Северо-Восточном Кавказе должен стать отказ от формального подхода к взаимодействию с духовными лидерами в пользу поддержки просветительских инициатив, направленных на деконструкцию радикальных идеологем.

Параллельно с идеологической работой необходимо преодоление структурных диспропорций в экономике. Создание рабочих мест, развитие инфраструктуры и прозрачность распределения бюджетных средств станут лучшим ответом на риторику маргинальных групп, спекулирующих на теме социальной несправедливости. Также, ставка на профессионализм и *меритократию* в обновлении управленческих кадров позволит купировать этнократические тенденции, создавая социальные лифты, основанные на способностях, а не на клановой принадлежности.

Для профилактики экстремизма и терроризма, а также для просвещения в области нравственности, гуманизма и традиционной культуры, религиозные организации в республиках проводят научно-практические конференции и форумы

[448] В Ингушетии ликвидировали двух боевиков // РИА Новости. – 2020, 07 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20200807/1575472827.html (дата обращения: 22.08.2024); В Ингушетии сотрудники ФСБ задержали двух сторонников ИГИЛ // Аргументы и Факты. – 2025, 19 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aif.ru/incidents/v-ingushetii-sotrudniki-fsb-zaderzhali-dvuh-storonnikov-igil (дата обращения: 22.02.2025).

[449] Теракт в Грозном совершили два брата из Ингушетии // Eurasia Daily. – 2020, 28 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2020/12/28/terakt-v-groznom-sovershili-dva-brata-iz-ingushetii (дата обращения: 22.08.2024).

[450] Главное о террористических атаках в Дагестане // РБК. 2024, 25 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2024/06/25/6678605c9a79473e6ab810cd?ysclid=m7ew8bz88n368831271 (дата обращения: 22.08.2024).

регионального и международного уровня[451]. Органы власти и религиозные лидеры совместно работают над продвижением ценностей межрелигиозного и межэтнического согласия, поддерживают миротворческие инициативы религиозных объединений, совместно решают вопросы укрепления общественно-политической стабильности и налаживают международное сотрудничество с авторитетными духовными лидерами, организуя различные мероприятия. Важным направлением работы является поддержка образовательных учреждений, активно противостоящих распространению экстремистских идей.

Опыт постсоветского времени наглядно продемонстрировал, что для стабильного государственного развития необходимо уделять пристальное внимание духовно-нравственному воспитанию. Государственные региональные органы власти сотрудничают с религиозными организациями, пропагандирующими традиционные духовно-нравственные ценности[452]. Сохранение и популяризация традиционных исламских ценностей и этнорелигиозных предписаний стало ключевым фактором в объединении кавказского общества для противодействия сепаратизму и экстремизму[453].

В отличие от исламистских сообществ, где религиозные нормы могут ограничивать права и свободы отдельных индивидов, светское гражданское общество акцентирует внимание на защите прав меньшинств и обеспечении равенства всех перед законом, что позволяет избежать конфликтов, связанных с

---

[451] По итогам конференции «Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму» в Чеченской республике // Портал Северного Кавказа. – 2019, 21 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sevkavportal.ru/news/po-itogam-konferentsii-mobilizatsiya-etnokulturnogo-resursa-kak-vazhnejshij-faktor-protivodejstviya-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-chechne-opublikovana-nauchnaya-rabota/ (дата обращения: 02.08.2022); Чума XXI века. В Ингушетии завершился форум, посвященный роли религиозных деятелей в борьбе с радикализмом // Интернет-газета «Ингушетия». – 2023, 16 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gazetaingush.ru/obshchestvo/v-ingushetii-zavershilsya-forum-posvyashchennyy-roli-religioznyh-deyateley-v-borbe-s (дата обращения: 02.08.2022).

[452] Защиту духовно-нравственных и семейных ценностей как средство профилактики идеологии экстремизма и терроризма обсудят в Махачкале // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. – 2024, 17 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minnacrd.ru/press/87877 (дата обращения: 17.12.2024).

[453] Ханбабаев К.М. Религиозный фактор в процессах миротворчества и народной дипломатии на Северном Кавказе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – С. 39-52.

религиозной дискриминацией, и способствует формированию инклюзивного общества. Поэтому способствуя социальной гармонии и стабильности, Российское светское государство стремится создать условия для диалога между различными культурами и вероисповеданиями.

Диалог, договорные обязательства и совместная деятельность на федеральном, региональном и местном уровнях, выступают важнейшими характеристиками современных государственно-религиозных отношений[454]. Религиозные объединения и аффилированные с ними структуры (общественные организации, фонды, центры духовно-нравственного воспитания) активно участвуют в реализации государственных и федеральных целевых программ.

Контроль за соблюдением законодательства о свободе совести возложен на органы прокуратуры, регистрирующие органы юстиции и профильные органы исполнительной власти. В Чеченской Республике эти функции выполняет Департамент по связям с религиозными и общественными организациями, в Республике Дагестан – Министерство по национальной политике и делам религий, в Республике Ингушетия – Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Однако земляческие, джамаатские, тейповые и суфийские структуры существенно влияют на формирование управленческого аппарата государственных органов и политической элиты в регионе[455]. В результате возникают

[454] Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А., Харсиев М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа. / сост. Бритвин А.В. // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

[455] Сиражудинова С.В. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: монография. – М.: Изд-во «Перо», 2014. – 196 с.; Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 20.

этнократические процессы, угрожающие политической стабильности региона и национальной безопасности Российской Федерации в целом[456].

Конфликт в обществе часто назревает на фоне усиливающихся амбиций этнорелигиозной группы, которая расширяет свои политические права и экономические возможности. Реакцией на такую политизированную этничность должна стать преграда для ее доступа к власти[457]. Например, посредством «права большинства» можно позволить титульному этносу блокировать нежелательные для него инициативы посредством процедур общенародного голосования.

Важно понимать, что действия, направленные на сдерживание этнократических настроений, могут временно спровоцировать активизацию экстремистских и даже террористических группировок[458]. Однако игнорирование проблемы может привести к еще более серьезным последствиям дестабилизации всего региона.

Так, независимость Ичкерии была признана Украиной в 2022 году постфактум, а в 2026 году Ичкерия была признана террористической организацией в России. По мнению Президента России В. В. Путина в контексте Специальной военной операции: «Главная причина нынешней трагедии на Украине – это целенаправленная антироссийская политика коллективного Запада во главе с США <…> [Они] Финансировали там националистические и антироссийские организации, планомерно насаждали концепцию, что Россия якобы является вечным врагом Украины, главной угрозой ее существования. По сути, Украина стала разменной монетой в реализации геополитических амбиций Запада»[459].

С. А. Семедов пишет о том, что «русофобия и политика "отмены России", проводимая западными странами во главе с США – одна из изощренных форм

---

[456] Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. 5. / ред. Матищев Г.Г. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – С. 46.

[457] Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в 2 ч. – Ставрополь: СГУ, 1996. Ч. 2. – 1996. – С. 112.

[458] Землякова С.Ю. Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе: институционализация и социальная функция: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 12.

[459] Путин В.В. Интервью монгольской газете «Оноодор» // Официальный сайт Президента России. – 2024, 2 сентября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/74978 (дата обращения: 02.09.2024).

экстремизма, целью которой является дискредитация России как великой державы и великой цивилизации»[460]. Противостояние российского руководства разрушительным идеологическим взглядам и череда конфликтов с Западом, является одним из множества примеров отстаивания ценностных основ[461].

Государство, используя законы и демократические принципы, стремится к налаживанию конструктивных отношений с религиозными организациями. В процессе развития отношений между государством и религиозными организациями важно находить баланс. Особенно это важно при решении острых социальных и политических проблем. Достижение этого баланса, основанного на диалектическом единстве, должно привести к компромиссу между государством и религиозными организациями. Главная роль в создании условий для такого баланса принадлежит государству путем установления ограничений для этнорелигиозных объединений, связанных с реализацией принципа обособления или субвенции (от лат. subvenire «приходить на помощь»).

Принцип субвенции в национальных и религиозных отношениях подразумевает обособленность религиозных организаций от государства и обеспечение равенства всех граждан независимо от их религиозной и национальной принадлежности.

Принцип субвенции заключается в:

– отстранении религиозных и этнических организаций от исполнения государственных дел;

– разграничении компетенций между государством и религиозными институтами;

– обеспечении равенства всех этнонациональных групп перед российским законом, независимо от их близости к власть имущим;

[460] Семедов С.А. Противодействие экстремизму и терроризму как проблема национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 8 (466). – С. 10.
[461] Трубецкой С.Н. Избранное. // М.: РОССПЭН, 2010. – С. 462.

– соблюдении конституционных принципов свободы совести и вероисповедания человека и гражданина, вне зависимости от номенклатурных тенденций в социально-политической сфере;

– невмешательстве государства во внутренние дела религии;

– равноудаленности религиозных объединений от государства;

– наличии равного для религиозных и этнических объединений характера правосубъектности;

– распределении предметов ведения государства и религиозных объединений.

Решение рискогенных вопросов и распространения радикальных взглядов невозможно в отрыве от практических мер по выявлению и разрешению возникающих разногласий в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии. В связи с этим следует отметить важный принцип этнической принадлежности, имеющий вес в процессе наделения властными полномочиями. Например, квотирование по этническому признаку в Республике Дагестан является одним из примеров реализации предупреждающих мер по сосредоточению власти у одного этноса, обеспечивая снижение риска формирования этнократии.

Немалое число представителей мусульманских народов региона отвергает идеи радикального сепаратизма и религиозного экстремизма[462] и стремится к мирному сосуществованию и интеграции в светскую культуру центральной России. Однако четкое идеологическое разделение между мусульманским населением региона и немусульманской частью способствует возникновению ощущения отчуждения от центральной власти, что подогревает радикальные настроения.

Не все жители Северо-Восточного Кавказа являются мусульманами. Регион характеризуется многообразием этнических и религиозных групп, среди которых

[462] Лукьянов А.Г. Этноконфессиональная ситуация в Северо-Кавказском регионе как угроза национальной безопасности России: философско-политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2004. – С. 141.

есть значительное число людей, не исповедующих ислам. Отмечается растущая открытость северокавказских республик к межкультурному взаимодействию.

Вместе с тем, несмотря на предпринятые федеральной властью меры по нивелированию сепаратистских группировок и на видимые тенденции к стабилизации общественно-политической ситуации в регионе[463], распространению межкультурных связей и общих ценностей[464], проблема нивелирования политизации религии по-прежнему актуальна.

Религиозная дифференциация региона отражена множеством социальных групп, объединенных схожим религиозным и этническим составом, но, зачастую, находящихся в состоянии конкуренции за ресурсы и влияние. Это, естественно, приводит к усилению недовольства и протестным настроениям. Корни этих противоречий уходят в глубокие социально-экономические трудности, с которыми сталкивались республики Северо-Восточного Кавказа. Экономические условия, характеризующиеся высоким уровнем безработицы, бедности и недостатком инвестиций, создавали благоприятную почву для распространения радикальных идеологий[465] и усиления взаимных притязаний.

В итоге, проживавшее на Северном Кавказе русское население с конца XX века столкнулось с множеством вызовов, которые привели к его вытеснению с ключевых позиций в политической, экономической и культурной сферах. Общая конфликтогенная ситуация усугубилась оттоком русских, что создало определенный дефицит профессионалов в различных сферах деятельности, а также трудности в привлечении новых специалистов из других территорий Российской Федерации[466].

---

[463] Туаева Б.В. Этнокультурный опыт выстраивания межнациональных отношений на Северном Кавказе // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015.– № 8-4 (39). – С. 80.

[464] Богатырева О.В. Проблемы межкультурной коммуникации народов Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 573.

[465] Шарафутдинова Э.Ф. Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – С. 133.

[466] Юсупова Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Махачкала, 2009. – С. 287.

Русское население занимает важное место в установлении гармоничных отношений на Северном Кавказе[467]. С момента присоединения Кавказа к Российской империи русские стали неотъемлемой частью многонационального общества региона. Их богатая история формировала уникальную культурную среду, способствующую взаимопониманию и сотрудничеству между кавказскими народами. Интеграция Северного Кавказа в общероссийское и мировое культурное пространство во многом происходила благодаря русским.

Одним из ключевых факторов, способствующих укреплению межэтнических отношений, являлось использование русского языка как средства общения. В условиях многоязычия, характерного для Северного Кавказа, русский язык выступал в роли общего языка, который объединял людей разных национальностей и культур. Миграция русского населения привела к дезинтеграционным процессам и способствовала архаизации обществ Северного Кавказа, а также возобновлению застарелых межэтнических конфликтов[468]. Поэтому миграция русских из республик Северного Кавказа остается актуальной проблемой в настоящее время.

В национальных республиках Северного Кавказа, особенно в Ингушетии и Чечне, русское население острее сталкивается с серьезными трудностями, что приводит к его оттоку в более безопасные регионы[469]. В этих республиках наблюдается не только снижение численности русских, но и изменение социальной структуры общества, что создает дополнительные вызовы.

Аналогичные процессы происходят и в других субъектах, таких как Дагестан, Кабардино-Балкария или Карачаево-Черкессия. В некоторых частях Ставропольского края ситуация не менее тревожная, что подчеркивает общую тенденцию миграции русских из Северного Кавказа. По результатам переписи 2020

---

[467] Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос: монография. – М.: МИЦ «Этносоциум», 2016. – С. 47.

[468] Денисова Г.С. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д, 2003. – С. 242.

[469] Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 23.; Горохова Е.Ю. Национальная политика Российской Федерации в 1991-2000 гг.: концептуальные основы, направления, механизмы реализации: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02. – М., 2019. – С. 124.

года процент русских составлял 3,3 % в Дагестане, 1,2 % в Чечне и 0,7 % в Ингушетии[470].

Резкое сокращение числа русскоязычных жителей на Северном Кавказе изменяет структуру и жизненные стратегии городского населения региона[471]. Возвращение к реликтовым управленческим методам в Северо-Кавказском регионе стало обусловлено серьезным дефицитом идеологических установок и социально-экономическими трудностями региона. Отсутствие качественного образования, медицинских услуг, специалистов в инженерной и других отраслях в силу оттока русского населения способствовало деиндустриализации республик, что усугубило проблемы социально-экономического характера значительной части северокавказского социума, ставшей более уязвимой к влиянию идеологий экстремистских течений. Испытывая чувство отчуждения и недовольства, все большее количество представителей тех или иных этнорелигиозных групп становятся восприимчивыми к пропаганде ваххабизма, обещающего им восстановление утраченной идентичности и социального статуса. На это обстоятельство накладываются вопросы разрешения территориальных споров между кавказскими республиками, а социальные конфликты принимают форму этнорелигиозного противостояния.

В этой связи взвешенное сотрудничество органов государственной власти с институтами гражданского общества, основанное на законодательных нормах Российской Федерации, служит не только средством предотвращения конфликтов, но и основой для формирования гармоничного гражданского общества, устойчивого к глобальным вызовам и социально-политическим потрясениям. Такое взаимодействие не только способно укрепить этнорелигиозные отношения, но и стать залогом стабильности и процветания как для северокавказского региона, так и для всей страны[472].

---

[470] См. Приложение.

[471] Поляков Е.М. Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе: 1990-е-2000-е годы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Воронеж, 2009. – С. 14.

[472] Смирнова А. В. Гармонизация межэтнических отношений как решающий фактор обеспечения стабильного и устойчивого развития российского общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 5. – С. 174-177.

Эффективное управление этнорелигиозными вопросами достигается через соблюдение законности, совместное принятие решений при равенстве всех сторон. Ключевую роль играют открытый диалог между представителями различных групп, а также общественный контроль за законодательством и распределением бюджета. Эта деятельность способствует налаживанию связей между разными стратами населения, повышает доверие к власти, укрепляет социальную стабильность и способствует мирному сосуществованию народов. Активное участие всех сторон позволит построить более справедливое и инклюзивное политическое пространство[473].

9.2. Проблема архаизации социальных отношений

В постсоветский период северокавказские сообщества пережили значительные изменения, связанные с процессами традиционализации и архаизации[474]. Возвращение к архаичным обычаям на Северном Кавказе в последние годы становится заметной тенденцией, отражающей стремление северокавказского общества к переосмыслению исторических корней и культурной идентичности. Архаизация представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий от органов государственной власти внимательного учета его различных аспектов[475].

Отсутствие политических противовесов, оппозиционных структур на различных уровнях власти, является серьезным недостатком политической жизни современного Северо-Восточного Кавказа. Причиной такой специфики выступают особенности северокавказского истеблишмента, связывающего любую оппозиционную деятельность с запрещенными в России политическими организациями «несистемной» оппозиции. Дефицит диалога и альтернативных

---

[473] Толстик В.А. Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление // Актуальные Проблемы Экономики и Права. – 2020. – 14 (1). – С. 186-200.

[474] Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 17.

[475] Гозгешева С.М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 293-300.

политических структур лишь усугубляет ситуацию, способствуя развитию недовольства властью и подрывая доверие к ее органам.

Оппозиционный вакуум не только ограничивает возможности для политического участия граждан, но и создает опасные предпосылки для дестабилизации региона. В связи с этим необходимы своевременные меры, направленные на развитие политической культуры, поддержку гражданского общества и создание условий для конструктивного диалога между властью и населением.

В условиях сложных политической, социальной и экономической ситуаций на Северном Кавказе важным принципом преодоления архаизации является развитие модернизации[476]. Однако решение этой задачи под силу только централизованной власти России.

Ускорение процессов архаизации политической культуры северокавказского общества является следствием не только исторических процессов, но и современного контекста, в котором эти общества существуют. Проблемы и проявления кризисных ситуаций возникают из-за несогласованности и непоследовательности действий в процессе государственного управления в данном регионе. Органы власти часто принимают решения, не учитывающие сложную этнорелигиозную структуру региона, что влечет возникновение ощущений игнорирования интересов и проблем населения.

Невыраженное участие федеральной власти в защите прав граждан в регионе, отсутствие комплексного подхода и согласованных действий создает дополнительные риски для стабильности и безопасности. Архаичные формы разрешения конфликтов в регионе должны быть исключены. Несмотря на то, что институт по разрешению межличностных и внутриобщинных конфликтов *маслаатчи,* выражающийся в привлечении авторитетного посредника из числа деятелей политики, религиозных лидеров и др., и такие традиционные практики,

[476] Боров А.Х. Муратова Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность – 2011. – № 4. – С. 157-166.; Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография / отв. ред. Медведев Н.П. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 22-27.

как кровники, насчитывающие столетия истории в регионе, в современных реалиях они могут оказаться неэффективными и опасными для кавказского общества.

Необходимо преодолеть тенденцию к монополизации отдельных этнорелигиозных общностей в ключевых сферах общественной и экономической жизни, а также обеспечить условия для развития светского правового поля. Приоритет светского правосудия будет учитывать в регионе как традиционные, так и современные особенности социальной организации, для обеспечения устойчивого развития и мирного сосуществования различных этнических и религиозных групп.

Поскольку территория является ключевым элементом государства, без которого его существование невозможно, одним из основных признаков ослабления государственной власти является утрата контроля над своими территориями. В этом контексте способность государства подавлять угрозы территориальной целостности воспринимается как свидетельство его силы.

Силовые методы допустимы только в крайних случаях, когда напряженность достигает критического уровня, а отсутствие взаимопонимания угрожает серьезными последствиями для безопасности всего общества. В таких ситуациях государство вынуждено отказаться от диалога с сепаратистскими или радикальными группами, поскольку его природа требует единства и стабильности, несовместимых с переговорами с теми, кто ставит под сомнение его суверенитет.

Силовая тактика, включающая применение силы, введение чрезвычайного положения и активное участие правоохранительных органов, направлена на быстрое и эффективное устранение причин конфликта. Предотвращение эскалации, минимизация ущерба и восстановление порядка выступают закономерными целями такой стратегии. Применение силы в данном контексте является вынужденной мерой для защиты общества от деструктивных сил, а не актом агрессии.

Эффективность силового подхода зависит от уверенности властей в своих силах и ресурсах, а также от глубокого понимания политической ситуации. Перед применением силы необходимо тщательно оценить возможные риски и негативные

последствия. Ошибки могут привести к обострению конфликта, росту недовольства и дальнейшему расколу общества.

Необходимо учитывать не только рациональные, но и эмоциональные стороны конфликта. Игнорирование позиций всех участников, включая оппонентов, может усугубить раскол и создать новые очаги напряженности. В результате государство, стремясь сохранить свою целостность и укрепить авторитет, вынуждено балансировать между применением силы и стремлением к диалогу. Однако, истинная сила государства заключается не только в способности применять насилие, но и в умении строить диалог, уважать многообразие и создавать условия для мирного сосуществования всех граждан. Только такой комплексный подход может обеспечить долгосрочную стабильность и процветание.

Для купирования этнорелигиозных конфликтов крайне важно противодействовать деструктивным идеологиям, таким как ваххабизм, что требует согласования этноконфессиональной политики региональных властей с федеральной, укрепления вертикальных механизмов взаимодействия между различными уровнями власти и горизонтального сотрудничества между этнорелигиозными сообществами[477].

Налаживание диалога между представителями различных конфессий в регионе, путем укрепления связей между их духовными лидерами, позволит повысить уровень взаимопонимания и минимизировать угрозу религиозных конфликтов. Устойчивое мирное сосуществование и прогресс возможны только при проведении открытой продуманной политики, учитывающей интересы всех сторон. Одним из ключевых инструментов для достижения этой цели является открытое публичное сотрудничество государственных структур с этническими и религиозными организациями, направленное на разрешение споров и предотвращение насилия.

[477] Государственная национальная политика Российской Федерации: учебное пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений. – М.: Просвещение, 2020. – С. 152-160.

Выводы по Главе III

Современные локальные конфликты часто являются не только результатом давних разногласий, но и сознательным инструментом в политической борьбе. Поэтому крайне важно постоянно и объективно отслеживать этнорелигиозные процессы, чтобы выявлять потенциальные источники напряженности. Основной целью такого мониторинга выступает идентификация потенциальных конфликтогенных факторов. При этом особое значение приобретает анализ влияния институтов гражданского общества, включая религиозные организации и общественные движения, поскольку их деятельность оказывает существенное, как позитивное, так и негативное, воздействие на безопасность государства. Ключевым аспектом в данном контексте является превентивное противодействие формированию политических движений, чья основа базируется на этнорелигиозной идентичности. При этом неизбежность наказания за совершение виновного общественно опасного деяния, подпадающего под запрет административного и уголовного закона, должна применяться вне зависимости от традиционности или новизны этнорелигиозной группы.

В условиях кризиса легитимности, ослабления центральной власти, когда население утрачивает доверие к федеральным институтам, возникает поиск альтернативных форм самоидентификации и самоуправления, появляются сепаратистские идеи, которые могут находить поддержку в гражданском обществе[478], приводя к дестабилизации ситуации в регионах и даже к угрозе территориальной целостности государства.

Одной из главных причин возникновения сепаратистских настроений на религиозной почве на Кавказе является вмешательство извне, что проявляется в поддержке экстремистских религиозных направлений, таких как ваххабизм, через различные исламские иностранные фонды и учебные заведения.

Нестабильность на Северо-Восточном Кавказе является следствием комплекса взаимосвязанных проблем, включающих социально-экономические

[478] Савва М.В., Савва Е.В. Сепаратизм в современной России: актуальность и классификация // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 125.

трудности (безработица, бедность, недостаток инвестиций и др.), кризис идентичности, отток русского населения, неэффективное государственное управление, влияние внешних сил (Турция, США и др.) и распространение радикальных идеологий (ваххабизм, панисламизм и т.п.).

В целях предотвращения развития сепаратизма необходимо принимать во внимание особенности конкретных регионов и активно привлекать местные сообщества к управленческим процессам, что поможет создать устойчивую социально-политическую среду и избежать кризиса идентичности, вызванного распространением радикальных идей. В данном контексте важнейшими факторами предупреждения деструктивных явлений и поддержания стабильности являются эффективное управление и идеологическая консолидация общества.

Создание эффективной системы безопасности на Северном Кавказе возможно лишь при условии тесного партнерства между государственными структурами, правоохранительными органами и гражданским обществом. Такая синергия позволит не только оперативно реагировать на возникающие угрозы, но и заблаговременно их нейтрализовывать. В этом направлении введение законодательных ограничений на пропаганду радикальной идеологии ваххабизма станет важным шагом к обеспечению устойчивости региона. Организации, распространяющие экстремистские, террористические, националистические и ваххабитские идеи, должны быть лишены регистрации и признаны террористическими. Противодействие деструктивным процессам требует активной координации усилий федеральных и региональных властей, а также продуктивного диалога между государственными органами и общественными институтами, что подразумевает неукоснительное соблюдение федеральных законов, регулирующих деятельность религиозных объединений, общественных организаций, политических партий и других субъектов.

Укрепление единства и разработка эффективных политических стратегий на региональном уровне невозможны без глубокого понимания и уважения этнорелигиозных особенностей коренных народов. Пренебрежение или игнорирование этнических и религиозных меньшинств не только усиливает

недопонимание, но и создает благоприятную почву для конфликтов и противостояний, подрывая социальную сплоченность.

Эффективным методом профилактики экстремизма является совершенствование системы образования. В религиозных учебных заведениях необходимо интегрировать изучение исламской теологии, истории и культуры с учетом современных реалий. Образовательные программы должны продвигать толерантность, уважение к различным вероисповеданиям и мирное сосуществование, а также разоблачать искаженные экстремистские трактовки религии.

Современный мир сталкивается с серьезной угрозой со стороны деструктивных группировок, которые цинично используют религию для манипулирования сознанием людей. Подогревая насилие и разжигая межэтническую вражду, они ставят под удар не только региональную, но и международную безопасность. Религиозный экстремизм разрушает критическое мышление, подрывает личностную идентичность, делая людей уязвимыми для деструктивного влияния. В этой борьбе за умы и души крайне важно поддерживать и развивать традиционные ценности и устои, являющиеся основой общественного согласия и стабильности.

Экстремистские группы активно используют современные технологии для распространения своих идей, что значительно повышает риск возникновения насилия и агрессии. Под прицелом радикалов оказываются традиционные религиозные учения, что провоцирует конфликты внутри религиозных общин и между ними.

Особую тревогу вызывает деятельность иностранных миссионеров, которые под видом социальных инициатив и благотворительности распространяют исламистскую идеологию, ослабляя гражданское общество. Пропагандируемый ими исламский фундаментализм, отрицающий прогресс и стремящийся к возвращению средневековых порядков, зачастую сопровождается насилием и террором. Эта идеология, связывая религию и политику в глобальном масштабе, представляет собой серьезную угрозу мировой стабильности. Фундаментализм,

отвергающий современность и модернизацию, проявляется в форме политического радикализма, воплощающего религиозный экстремизм и нацеленного на насильственное изменение социального порядка.

Идеология терроризма в целом опасна для международной безопасности. Террористические действия, используемые как политический инструмент, несут в себе послания обществу и власти, часто подпитываются религиозными или политическими убеждениями. Они разрушают государственные институты, подрывают суверенитет, дестабилизируют социум и стремятся создать альтернативные центры влияния. Радикальный исламизм проявляется в попытках насильственного захвата власти через террористические методы. Религиозный терроризм усугубляет этнические и религиозные противоречия, становясь орудием в руках внешних игроков.

К радикальным исламистским течениям можно отнести ваххабизм и консервативный салафизм. Эти направления возникли на фоне упадка духовных ценностей и политического угнетения. Изначально направленные на освобождение арабов от османского владычества, они трансформировались в идеологию, отвергающую западные ценности и стремящуюся к созданию исламского государства.

На Северном Кавказе наблюдается усиление активности салафитских группировок, представляющих серьезную угрозу для безопасности России. Они активно привлекают молодежь и провоцируют столкновения с властями. Деятельность салафитского подполья создает новые риски для региональной стабильности.

На Северо-Восточном Кавказе салафизм представляет собой течение, идущее вразрез с традиционными исламскими укладами. Однако умеренное направление салафизма демонстрирует способность соблюдать государственные ограничения и правовые процедуры, что говорит о многогранности этого движения и его способности к адаптации к современным реалиям.

Радикальные исламисты используют религиозные лозунги для достижения своих политических целей, прибегая к насилию, которое зачастую противоречит

истинным учениям ислама. Умеренное же направление стремится решать общественные и политические проблемы путем убеждения, а не силовыми методами. В отличие от радикального, умеренный исламизм может стремиться к участию в политической жизни законными способами. Однако несмотря на существенные различия во взглядах и методах, исламистские, и, уже – салафитские движения, объединяет общая идея – восстановление исламского халифата.

Этнорелигиозные процессы играют значительную роль на Северо-Восточном Кавказе. Восприятие правовой системы через призму религии и политизация истории усугубляют политическую напряженность. Неофициальное влияние религиозных структур на государственную власть может приводить к вспышкам недовольства, а распространение дезинтеграционных идей радикального исламизма, особенно ваххабизма, представляет серьезную опасность.

Современные ваххабиты, или консервативные салафиты, выступают против западных ценностей и стремятся к исламизации общества. Их ряды пополняет молодежь, недовольная реформами и западным влиянием. Экстремистские группы ваххабитского толка угрожают стабильности в России и соседних странах, применяя террор против сторонников светских ценностей.

Эскалация конфликтов на Ближнем Востоке, подпитываемая ваххабитской идеологией, уже привела к преследованиям этнорелигиозных меньшинств, включая геноцид христиан в Сирии. Внешние игроки, в частности США, использовали салафитские организации для достижения своих геополитических целей, что способствовало дестабилизации региона и усилению радикальных элементов.

Приход к власти талибов в Афганистане ознаменовал собой новую геополитическую реальность на Ближнем Востоке. Это событие спровоцировало цепную реакцию, способную кардинально изменить баланс сил и создать новые очаги напряженности. Хотя талибы не являются салафитами в религиозном смысле, их политическая близость к этому течению позиционирует Афганистан как потенциальный центр притяжения для радикальных исламистских сил. Данная

трансформация оказывает прямое влияние на соседние страны, в первую очередь на Иран, и косвенное – на Кавказский регион. В последнем Турция активно продвигает свои интересы, апеллируя к неоосманскому ревизионизму. Эта политика включает в себя манипулирование исторической памятью, поддержку оппозиционных групп руководству республик Северо-Восточного Кавказа и распространение турецкой культуры посредством суфийских братств и фондов.

При проведении взвешенной этноконфессиональной политики необходимо учитывать влияние ислама на духовно-нравственное развитие и законодательные процессы на Северо-Восточном Кавказе. Однако сохранение светского характера власти и предотвращение проникновения религиозных организаций в политическую сферу должно оставаться приоритетом федеральных властей. Четкое разграничение полномочий религиозных и политических институтов в регионе является необходимым условием для предотвращения искажения религиозных принципов и деструктивных политических манипуляций. В противном случае это приводит к формированию альтернативных социальных связей, основанных на архаичных политизированных идеях.

Для политической стабилизации Северо-Восточного Кавказа необходимо комплексное решение, включающее модернизацию региона и развитие гражданских институтов – независимых медиа и дискуссионных площадок, которые станут мостом между традициями и развитием. Укрепление государственных институтов должно происходить путем противодействия радикальным идеологиям и сдерживания этнократических настроений. Ключевая роль в этом процессе принадлежит центральной власти России.

Заключение

Будучи крупнейшим государством мира на протяжении всей своей истории, Россия сталкивалась с фундаментальной задачей гармоничного управления взаимодействием богатых историко-культурных традиций и многообразных этнорелигиозных отношений. Уважение и соблюдение этих уникальных особенностей, независимо от этнической или религиозной принадлежности, являются краеугольным камнем величия страны. В современном мире, где размываются индивидуальные и коллективные идентичности, а множество религиозных течений предлагают свои взгляды на жизнь, гражданское общество сталкивается с неопределенностью и внутренней дестабилизацией. В этом контексте особую роль играет ислам, формирующий идентичность народов Северо-Восточного Кавказа, выступая не только духовной основой, но и значимым фактором политической жизни, особенно в контексте национально-освободительных движений.

На протяжении всего времени присоединения Северного Кавказа к России государственная политика в области религии изменялась и адаптировалась, иногда весьма существенно, в зависимости от обстоятельств в регионе и влияния как внутренних, так и внешних факторов. Религиозно-идеологическая политика на Кавказе в разные исторические эпохи отражала стремление российских властей к контролю и управлению разнообразием культур и верований.

В период с начала XVIII до начала XX века религиозно-идеологическая политика на Кавказе была сосредоточена на интеграции этого региона в состав империи и укреплении власти центрального правительства. Реализовывалось стремление государственной власти к секуляризации религиозной жизни через осуществление контроля над духовными институтами и ограничение влияния местных религиозных лидеров, выражаемое в создании православных миссий и христианизации местного населения. Это ожидаемо вызывало сопротивление со стороны местного населения.

Для минимизации недовольств имперское правительство отдавало дань уважения местным обычаям и традициям, что касалось, в частности, разрешения судебных процессов по шариату. Такой подход помогал сгладить острые углы, уменьшить недовольство и, как следствие, обеспечить лояльность местного населения. Параллельно с этим государственная власть стремилась установить жесткий административный контроль в Северо-Кавказском регионе, включавший в себя как реорганизацию управления путем создания новых административных единиц.

С приходом советской власти на территорию Северо-Восточного Кавказа отношение к религии кардинально изменилось, став гораздо более жестким. В основе идеологии лежал атеизм, сопровождаемый активной антирелигиозной пропагандой и провозглашенным интернационализмом. Несмотря на декларируемую дружбу народов, власти часто использовали религиозные и этнические различия для манипуляций и контроля. В Чечне и Ингушетии проводились кампании по уничтожению местных культурных и религиозных традиций, что неизбежно вызывало сопротивление и конфликты.

Основной целью советской политики было искоренение религиозных убеждений и их замена марксистско-ленинской идеологией. Периодически применялись репрессивные меры, включая депортацию народов, закрытие и разрушение культовых сооружений, а также преследование духовных лидеров.

В периоды «оттепели» при Хрущеве и Брежневе наблюдалось некоторое ослабление антирелигиозной политики, допускалось ограниченное возрождение религиозной жизни. Однако эти изменения были скорее исключением, чем правилом, и ситуация кардинально изменилась с падением Советской системы.

Распад СССР в 1991 году ознаменовал новый этап в развитии религиозной и идеологической жизни на Северо-Восточном Кавказе. Этот период характеризуется как подъемом религиозной активности, так и появлением новых вызовов, связанных с межнациональными и межконфессиональными противоречиями.

После долгих лет ограничений в постсоветский период произошло значительное оживление духовной сферы. Принятие в 1997 году Федерального

закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» стало важнейшим шагом, предоставив гражданам более широкие возможности для реализации их духовных потребностей. Закон способствовал созданию благоприятной среды для диалога, терпимости и уважения к праву каждого человека на свободу вероисповедания, подтвердив неотъемлемость этих свобод и закрепив принцип равноправия всех перед законом, независимо от их религиозных взглядов.

Религиозная традиция вновь заявила о себе как важнейшем элементе идентичности для многих народов Северного Кавказа. Влияние религиозного аспекта на процессы самоидентификации северокавказской уммы было обусловлено сложностью и многогранностью формирования национальной идентичности, «интеллектуальной и политической деятельности одновременно элит и масс»[479].

На фоне политической турбулентности и экономических трудностей, усугубляемых отсутствием четкой государственной идеологии и стабильных управленческих механизмов, религия заняла значимое место в политическом ландшафте Северо-Восточного Кавказа. Религиозные институты и организации региона стали важными акторами, формирующими общественное мнение и мобилизующими население на основе религиозных идеалов. В контексте сложной этнической структуры Северного Кавказа, где переплетаются различные народы и культуры, ислам стал не только духовной основой, но и платформой для политической активности. Рост влияния религиозных лидеров и их способности к мобилизации масс привел к появлению новых религиозных движений и течений, включая те, что носят экстремистский характер.

В таких условиях федеральные власти стремились контролировать религиозные процессы, чтобы предотвратить развитие радикальных течений. Возникла необходимость в укреплении политической стабильности в системе международной и региональной безопасности на Северо-Восточном Кавказе.

[479] Suny R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire // Ab imperio. – 2001. – № 1-2. – P. 8.

Здесь первостепенными составляющими стабильности многонационального и поликонфессионального государства должны стать общественное признание и поддержка основных концепций и ценностных ориентаций государственной политики, что требует постоянной адаптации программных документов, направленных на гармонизацию национальных и религиозных отношений, к актуальным запросам времени.

Укрепление политической стабильности в системе региональной и международной безопасности на Северо-Восточном Кавказе выражается в нижеследующем.

Во-первых, для эффективного противодействия деструктивным процессам необходимо, чтобы общественные инициативы способствовали обеспечению безопасности на всех уровнях государственного управления при тесной интеграции федеральной политики с региональной. Здесь решающее значение имеет активное взаимодействие федерального центра и региональных властей, а также сотрудничество между государственными структурами и общественными институтами.

Государственная политика, направленная на культивирование уважения и взаимопонимания между этническими и религиозными группами, создает условия для устойчивого развития государства, укрепления социальной гармонии и стабильности. Только при таком подходе возможно формирование доверия к институтам власти.

Государственные органы обязаны неукоснительно защищать права и свободы всех граждан, руководствуясь принципами демократии и светского государства, что означает гарантию равных прав и возможностей для каждого, независимо от его этнической или религиозной принадлежности. Недопустимо как ущемление прав одной этнорелигиозной группы, так и предоставление необоснованных привилегий другой.

Основные очертания государственного управления этноконфессиональной сферой должны опираться, прежде всего, на идеологические принципы, устанавливающие условия солидарности и унификации взаимоотношений между

различными участниками политического процесса. Неизбежность наказания за совершение виновного общественно опасного деяния со стороны представителей религиозного объединения должна наступать вне зависимости от его формы и принадлежности к традиционности или новизне вероучения.

Во-вторых, первостепенными составляющими стабильности многонационального и поликонфессионального государства выступают общественное признание и поддержка основных концепций и ценностных ориентаций государственной политики, что требует постоянной адаптации программных документов, направленных на гармонизацию национальных и религиозных отношений, к актуальным запросам времени.

На Северном Кавказе ислам остается ключевым фактором, формирующим идентичность и определяющим политическую динамику региона. В условиях, когда русское население покидает регион, местные сообщества могут сталкиваться с непониманием, социальным неравенством и конфликтами. В такой ситуации действия, мотивированные религиозными лозунгами, могут привести к расколу общества и разрушению социальных связей.

Проблемы и кризисы в регионе часто возникали из-за неслаженности и непоследовательности в действиях государственных органов. Поэтому важно управлять идеологической сферой гражданского общества через систему обратной связи, чтобы предотвратить деструктивные процессы.

Успешное взаимодействие государства и религиозных организаций на Северном Кавказе требует учета уникальных исторических особенностей региона. Возрождение ислама на Северо-Восточном Кавказе, укрепление его ценностей и традиций, а также привлечение духовных лидеров к общественной жизни показывают, что ислам может быть важным политическим и идеологическим ресурсом для развития региона.

Исламская традиция способствует общественному развитию, объединяя людей и прививая уважение к нормам, справедливости, обычаям и духовному росту. Она предлагает систему знаний и ориентиров, полезных как для отдельных людей, так и для всего общества Северного Кавказа. Основываясь на высоких

моральных принципах, ислам предлагает путь гармоничного развития для северокавказского общества. Его принципы, проникая во все сферы жизни, могут улучшить качество жизни, укрепить единство, способствовать нравственным преобразованиям и поддерживать мир и согласие.

Обеспечение стабильности и безопасности на многонациональном и многоконфессиональном Северо-Восточном Кавказе остается сложной задачей. Для ее решения необходимо разработать единую концепцию политического устройства, учитывающую этнические, религиозные и цивилизационные особенности региона. Важно анализировать политические факторы как с точки зрения институтов, так и с точки зрения неформальных отношений. Для обеспечения региональной и международной безопасности необходимы комплексные меры, включая правовое регулирование, сотрудничество государства с гражданским обществом и контроль над идеологическими процессами.

В этом контексте особенно важно разработать механизм, который позволит учитывать идеологические и духовно-нравственные принципы при проведении государственной политики в отношении этноконфессиональных групп, что будет способствовать консолидации гражданского общества. Эффективным инструментом государственного управления, обеспечивающим соблюдение ключевых идей и ценностей, является идеократический механизм. Он представляет собой комплекс мер, направленных на поддержание доминирующей идеологии в обществе путем установления единых принципов для всех, с целью преобразования общественной жизни в соответствии с целями государства.

Однако, важно подчеркнуть, что положительное влияние идеократии возможно только при условии, что идеологические установки не будут преобладать над реальными потребностями и интересами гражданского общества. В противном случае это неизбежно приведет к напряженности, усилению противоречий и конфликтам на этнической и религиозной почве, что может спровоцировать вооруженные столкновения и даже крах политической системы.

В-третьих, наряду со стремлением государства к созданию гражданского общества, которое отражало бы социальные приоритеты государственного

управления, необходимо учитывать интересы и потребности граждан для улучшения их жизни общества в целом. Изменение моделей общественного устройства, социально-экономической среды и возникновение новых социальных подсистем должно быть направлено на решение способствующих росту недовольства и протестных настроений актуальных социальных проблем, таких как увеличение социального неравенства[480], маргинализация отдельных слоев населения, не разделяющих религиозное мировоззрение, и отсутствие эффективных механизмов социальной интеграции.

Исторический опыт сложных государственно-религиозных отношений и уничтожение религиозных лидеров в советский период привело к трагическим последствиям в постсоветское время, когда традиционные ценности, характерные для северокавказских народов, были заменены чуждыми идеями салафизма и ваххабизма. Наблюдалось существенное ухудшение политической ситуации, обусловленное архаизацией общества, этническим национализмом, религиозным фундаментализмом и маргинализацией значительной части северокавказского социума, ставшей уязвимой к влиянию различных идеологий и экстремистских настроений.

Наряду с деятельностью федеральной власти по стабилизации социально-политической сферы региона в процессе наделения властными полномочиями и назначения на должности проявились этнократические тенденции, тормозившие социально-экономические преобразования.

Различия в вероисповедании и груз исторических противоречий могут стать источником недопонимания, столкновения интересов и конфликтов, особенно в многонациональных обществах. Поэтому одной из главных задач государства является развитие и поддержание культуры межэтнических и межрелигиозных отношений, что включает в себя не только защита культурных традиций различных народов и уважение к ним, но и активное вовлечение их представителей в процессы

[480] Лукьянов А.Г. Этноконфессиональная ситуация в Северо-Кавказском регионе как угроза национальной безопасности России (философско-политический анализ): автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2004. – С. 10.

принятия решений, предоставление возможности всем быть соучастными в выборе пути развития государства и своего региона.

В-четвертых, одним из основополагающих признаков гражданского общества и его прогрессивного развития является формирование социальных связей, укрепляющих идеологическое единство северокавказского социума. Уровень правовой культуры гражданского общества выступает в качестве индикатора результативности государственного управления. Стимулирование законопослушности может осуществляться посредством апелляции к морально-нравственным и духовным ориентирам, базирующимся на идеологических и религиозных ценностях, а также через применение государством монополии на легитимное насилие в случае неэффективности первых методов. Следовательно, законодательное ограничение экстремистской религиозной деятельности в республиках Северного Кавказа стало закономерной реакцией, направленной на обеспечение как государственной целостности, так и сохранения традиционных конфессиональных ценностей региона. Однако, при этом возникла проблема нивелирования политизации религии и установления партнерской модели взаимодействия государства и этнорелигиозных объединений в призме верховенства закона Российской Федерации.

В-пятых, многонациональное и поликонфессиональное общество представляет собой значимый фактор устойчивости перед внешними угрозами лишь при взаимном уважении между различными этноконфессиональными группами. Организация свободной коммуникации между различными этническими, религиозными и другими группами гражданского общества, являются здесь основой для создания устойчивых политических субъектов.

Государство призвано выстраивать продуктивные партнерские отношения с религиозными объединениями, основанные на уважении свободы совести и вероисповедания, четко разграничивая сферы компетенций. Важно применять меры контроля и запрета деятельности этнорелигиозных организаций, выступающих против общегражданского единства многонационального народа России, отказывать в регистрации, классифицировать как экстремистские,

привлекать к уголовной и другой юридической ответственности, а также использовать административные и общественные меры реагирования.

По мнению политолога С. Х. М. Нунуева, «политизация религии, в том числе ислама, детерминирована объективными закономерностями общественного развития, а не фантастическими вспышками пассионарности либо возрождением духовности»[481]. Выполняя ключевую роль в формировании идентичности местного населения, ислам глубоко интегрирован в общественные институты, культурные традиции и политические структуры Северо-Восточного Кавказа. Он не только определяет духовные и моральные ценности, но и, содействуя налаживанию связи между населением и государственными органами, принимает активное участие в трансформации социальной среды.

Укрепление позиций традиционного ислама как фактора, способствующего социальной консолидации и противодействующего радикальным идеологиям, сопряжено с тем, что решения исламских духовных лидеров на Северо-Восточном Кавказе практически не подвергаются критике. В связи с этим необходимо установление четких границ между сферой влияния религиозных организаций и государственных институтов для предотвращения использования религии в политических целях.

В-шестых, тасаввуф и его духовные лидеры играют важную роль в профилактике этнополитических конфликтов, в противодействии деструктивным внешним влияниям и враждебным элементам. Религиозная иерархия суфизма, основанная на доверии и уважении, формирует дисциплину и порядок в мусульманском обществе.

На Северо-Восточном Кавказе суфизм выполняет двойную функцию: он не только обогащает духовную жизнь местных народов, но и является краеугольным камнем их культурной идентичности. Регион характеризуется наличием кадирийского, шазилийского и накшабандийского тарикатов, которые отличаются четкой иерархией и дисциплиной, основанной на мистических посвящениях.

[481] Нунуев С.Х.М. Политические факторы распространения религиозного радикализма в постсоветской Чечне // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 241.

Параллельно с этим, вирды, тайпы, тукхумы и советы алимов активно вовлекаются в политизацию ислама, создавая неформальные партнерства, которые приобретают значительный политический вес.

Тарикаты способствуют не только укреплению доверия между государством и обществом, но и формированию площадок для решения актуальных проблем. Умелое применение нравственно-этических принципов и норм мусульманского права позволяет духовным лидерам поддерживать гармоничные отношения в обществе, а концептуальные основы суфизма являются основанием в системе противодействия идеологии ваххабизма.

В-седьмых, остается нерешенным вопрос законодательного запрета на федеративном уровне радикальной идеологии ваххабизма, который необходимо решать положительно. Архаизация межэтнических и межрелигиозных отношений на Северо-Восточном Кавказе стала заметным явлением и в последнее время. Утрата советской идентичности, служившей объединяющим фактором для различных народов региона, привела к тому, что многие жители не смогли воспринять новую российскую идентичность как свою, в результате чего появился идеологический вакуум, который заполнил привнесенный из-за рубежа салафизм.

Радикальный салафизм в регионе выступил в форме ваххабизма, воспитывающего глубокую враждебность и агрессию в отношении последователей других религиозных и философских взглядов и учений. Радикальные идеологии способствуют насилию и дестабилизации, в том числе через внешнее вмешательство и поддержку террористических организаций. Недостаточное понимание основ ислама и стремление навязать свои субъективные убеждения другим являются движущими силами формирования религиозного радикализма.

Угроза ваххабизма на территории Северного Кавказа остается одной из самых серьезных проблем для безопасности региона и национальной безопасности страны в целом. Стремление восстановить древние религиозные идеалы и нормы поведения, целенаправленная деятельность по созданию всемирного исламского государства, установление в качестве первостепенной исламской идентичности в

противопоставление модернизации и светским ценностям выливаются в разрушение социальной структуры.

Крайние проявления исламистской идеологии ваххабизма, выражаются в насильственных действиях и террористической деятельности, характеризуются такфиром – объявлением других мусульман неверными, джихадом – вооруженной борьбой во имя установления исламского порядка, нетерпимостью к другим вероучениям и их последователям, неготовностью принимать другие религии и культурные взгляды в глобальном масштабе.

В-восьмых, помимо регулярного мониторинга этнорелигиозных процессов, запрета деятельности деструктивных организаций и привлечения их к ответственности, необходимо обеспечение качественной подготовки специалистов, ответственных за борьбу с терроризмом. Образовательная деятельность должна фокусироваться на использования концептуальных основ традиционных вероучений в целях нивелирования негативного влияния экстремистской пропаганды на различные группы населения.

Предупреждение этнорелигиозных конфликтов на Кавказе является критически важной задачей для федеральной власти в России. Ввиду чего, в целях сохранения стабильности и безопасности региона, необходимы комплексные меры, включающие профилактику радикализации, особенно среди молодежи.

Одной из ключевых угроз, подрывающей основы государственности и общественной стабильности на Кавказе, является деятельность деструктивных религиозных групп заключающаяся в их способности использовать религиозные убеждения для манипуляции сознанием, что ведет к подрыву государственной безопасности и дестабилизации общества. Их фанатичное отношение к смерти делает силовые методы борьбы менее предпочтительными по сравнению с более мягким идеологическим противодействием. Наличие умеренных направлений внутри исламистского сообщества, ориентированных на мирное развитие и диалог, указывает на многообразие политических взглядов в рамках салафизма, что подчеркивает необходимость сосредоточить усилия на системном противодействии именно радикальным экстремистским течениям.

И в-девятых, следует отметить, что в условиях сохраняющейся неопределенности разграничения компетенций между государством и религиозными объединениями на Северо-Восточном Кавказе ключевым принципом этноконфессиональной политики, регулирующей национальные и религиозные взаимоотношения, становится подход, основанный на принципе субвенции (обособления). Данный принцип должен регулировать обособленность религиозных организаций от государственных дел и обеспечивать равенство всех граждан независимо от их религиозной принадлежности.

В контексте республик Северо-Восточного Кавказа в настоящее время наблюдается феномен религиозно-политического синкретизма, выражающийся во взаимовлиянии государственных и религиозных институтов. Смешение политики и религии в обществе Северного Кавказа представляет собой сложный и многогранный процесс, который коренится в историко-культурных и национальных характеристиках региона. Тем не менее, угроза сращивания религии и политики создает опасения для общественной безопасности, связанные с устремлениями отдельных представителей этноэлиты нарушать конституционную вертикаль в реализации личных амбиций по достижению политических целей.

В связи с изложенным, политика федерального центра должна быть направлена как на предотвращение использования религиозных структур иностранными государствами и организациями для достижения враждебных целей по дестабилизации северокавказского региона, так и на адресное решение проблем безработицы, бедности и оттока населения, что будет служить эффективным методом снижения социальной напряженности и пресечения распространения радикальных идеологий.

Библиографический список

Нормативно-правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 02.08.2022).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 02.08.2022).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mqk2qag1pz491544385 (дата обращения: 19.06.2026).

4. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 24.07.2023 № 360-ФЗ) // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 02.08.2022).

5. Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О политических партиях» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 17.09.2026).

6. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 28.12.2022 № 169-ФЗ) // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/12127578/ (дата обращения: 17.09.2026).

7. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 17.09.2026).

8. Федеральный закон от 30.11.2010 № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» (с изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/12180712/ (дата обращения: 02.08.2022).

9. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 02.08.2022).

10. Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/8009901aacd36e5cfd8b821a75921986f42aeb65/ (дата обращения: 09.09.2026).

11. Указ Президента Российской Федерации от 14.03.1996 № 378 «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.03.1996. № 12. Ст. 1063. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=300000&volume=1001996012000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=2168&volid=1001996012000 (дата обращения: 02.08.2022).

12. Указ Президента Российской Федерации от 15.02.2006 № 116 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по противодействию терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_118476/ (дата обращения: 02.08.2022).

13. Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// base.garant.ru/413134563/?ysclid=mtrgomksck645881252/ (дата обращения: 07.09.2026).

14. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 02.08.2022).

15. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/?ysclid=mnm11nawvr665059203 (дата обращения: 02.08.2022).

16. Распоряжение Президента Российской Федерации от 24.04.1995 № 192-рп «О взаимодействии Президента Российской Федерации с религиозными объединениями» // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.05.1995. № 18. Ст. 1644. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=300000&volume=1001995018000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=178&volid=1001995018000 (дата обращения: 02.08.2022).

17. Распоряжение Президента Российской Федерации от 02.08.1995 № 357-рп «Об утверждении Положения о Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации и его состава» // Собрание законодательства Российской Федерации. 07 августа 1995. № 32. Ст. 3294.

[Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=300000&volume=1001995032000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=97&volid=1001995032000 (дата обращения: 02.08.2022).

18. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.1992 № 214 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 02.08.2022).

19. Постановление Правительства Российской Федерации от 09.07.1994 № 820 «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации и ее персонального состава» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18 июля 1994. № 12. Ст. 1402. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=400000&volume=1001994012000&page=1&sort=-date&limit=50&nd=4348&volid=1001994012000 (дата обращения: 02.08.2022).

Нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации

20. Закон Республики Дагестан от 16.01.1998 №5 «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях» (ред. от 16.03.2020 № 8) // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/26502841/ (дата обращения: 02.08.2022).

21. Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 г. № 15 «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/26502658/ (дата обращения: 02.08.2022).

22. Указ Главы Чеченской Республики от 05.02.2016 № 14 «О Концепции государственной национальной политики Чеченской Республики» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/ 35916759/?ysclid=mubdoyryzt677000021/ (дата обращения: 02.08.2026).

23. Указ Главы Чеченской Республики от 05.10.2021 № 177 «О Единой концепции духовно-нравственного воспитания и развития подрастающего поколения Чеченской Республики» // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: publication.pravo.gov.ru/Document/View/2000202110070001?ysclid=mube126rt9251799992&index=1 (дата обращения: 02.08.2026).

24. Указ Главы Республики Ингушетия от 21.01.2022 № 11 (утратил силу 13.08.2026) «Об утверждении Концепции государственной национальной политики в Республике Ингушетия» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/406018486?ysclid=mubfgh8afx744740673/ (дата обращения: 07.09.2026).

Нормативно-правовые акты СССР и РСФСР

25. Закон СССР от 01.10.1990 № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях» // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://base.garant.ru/5226692/ (дата обращения: 02.08.2022).

26. Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1 «О свободе вероисповеданий». Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://base.garant.ru/10200191/ (дата обращения: 02.08.2022).

27. Постановление Кабинета Министров СССР от 26.04.1991 № 209 «Об утверждении Положения о Совете по делам религий при Кабинете Министров СССР» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102011251 (дата обращения: 02.08.2022).

Нормативно-правовые акты Российской империи

28. Высочайший манифест Николая II от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Сайт Конституции Российской

Федерации. Список актов конституционного значения 1600-1918 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/ (дата обращения: 06.07.2023).

29. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI. 1720-1722 гг. № 3718. // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VI. 1720-1722 гг. № 3480-4136 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 818 с.

30. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713-1719 гг. № 2734 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том V. 1713-1719 гг. № 2620-3479 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 781 с.

31. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728-1732 гг. № 5333 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728-1732 гг. № 5220-6293 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1018 с.

32. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XI. 1740-1743 гг. № 8664 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том VIII. 1728-1732 гг. № 7997-8848 / сост. Сперанский М.М. – СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 990 с.

33. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVIII. 1767-1769 гг. № 12949 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVIII. 1767-1769 гг. № 12812-13400 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1033 с.

34. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIX. 1770-1774 гг. № 13966 // Полное собрание законов Российской Империи.

Собрание Первое. Том XIX. 1770-1774 гг. № 11401-14222 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1083 с.

35. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781-1783 гг. № 15708 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XXI. 1781-1783 гг. № 15106-15901 / сост. Сперанский М.М.– СПб: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. – 1092 с.

36. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VII. 1832 г. № 5506, 5508 // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том VII. 1832 г. № 5053-5876. – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1832. – 1450 с.

37. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). Статья 36 // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1915. – 744 с.

38. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.) // СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1892. С. 44-45.

39. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). Статья 40 // Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи (1876-1917 гг.). – СПб: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1915. – 744 с.

40. Указ Николая II от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» // Сайт Конституции Российской Федерации. Список актов конституционного значения 1600-1918 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://constitution. garant.ru/history/act1600-1918/3080/ (дата обращения: 06.07.2023).

Священные книги мировых религий

41. Коран: перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой / гл. ред. Мухаммад Саид Аль-Рошд. – М.: Изд-во «РИПОЛ классик», 2018. – 799 с.

Монографии

42. Абдулатипов, Р.Г., Михайлов, В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос: монография / Р.Г. Абдулатипов, В.А. Михайлов. – М.: МИЦ «Этносоциум», 2016. – 102 с. ISBN 978-5-904336-77-6.

43. Абдуллаев, М.А. Суфизм и его разновидности на Северо-Восточном Кавказе / М.А. Абдуллаев. – 2-е изд., доп. – Махачкала, 2003. – 529 с.

44. Авксентьев, В.А. Этническая конфликтология: в 2 ч. / В.А. Аксентьев. – Ставрополь: СГУ, 1996. Ч. 1. – 1996. – 153 с.; Ч. 2. – 1996. – 168 с. ISBN 5-88648-020-X.

45. Авксентьев, В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2001. – 267 с. ISBN 5-88648-279-2.

46. Акаев, В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность / В.Х. Акаев, Г.Б. Вок, М.М. Керимов. – Грозный, 2006. – 70 с. ISBN 5-98896-012-X.

47. Акаев, В.Х. Суфизм в контексте арабо-мусульманской культуры. Монография / В.Х Акаев. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2020. – 513 с.

48. Акаев, В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: теоретические и практические аспекты / отв. ред. Г.В. Драч. – Изд. 2-ое, перераб. и доп. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2011. – 208 с. ISBN 978-5-98896.

49. Алиев, А.-Г.К., Юсупова, Г.И. Миротворчество и народная дипломатия на Северном Кавказе / А.-Г.К. Алиев, Г.И. Юсупова. – Махачкала: Изд-во тип. ДНЦРАН, 2002. – 142 с. ISBN 5-94434-007-X.

50. Алмонд, Г., Верба, С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. / Г. Алмонд, С. Верба – М.: Мысль, 2024. – 500 с.

51. Арапов, Д.Ю. Ислам в Российской империи. Законодательные акты,

описания, статистика / Д.Ю. Арапов. – М.: Академкнига, 2001. – 366 с. ISBN 5-201-04765-3.

52. Арапов, Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д.Ю. Арапов. – М.: МПГУ, 2004. – 287 с. ISBN 5-94845-098-8.

53. Аристотель. Аналитики первая и вторая: перевод с греческого / ред. М. Иткин. – Ленинград: Госполитиздат, 1952. – 439 с.

54. Армстронг, К. Битва за Бога: История фундаментализма / К. Армстронг. – М.: АНФ, 2013. – 502 с. ISBN 978-5-91671-148-6.

55. Арон, Р. Опиум для интеллигенции: перевод с французского / Р. Арон. – Мюнхен: Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. – 240 с.

56. Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М., Сусоколов, А.А. Этносоциология: учебное пособие для вузов / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с. ISBN 5-7567-0215-6.

57. Аствацатурова, М.А., Тишков, В.А., Хоперская, Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе / М.А. Аствацатурова, В.А. Тишков, Л.Л. Хоперская. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 264 с. ISBN 978-5-4211-0029-4.

58. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г.Г. Матишова. В 6 томах. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. – Т. 1. – 152 с.; 2007. – Т. 2. – 128 с.; 2008. – Т. 3. – 260 с.; 2009. – Т. 4. – 186 с.; 2011. – Т. 5. – 160 с.; 2013. – Т. 6. – 200 с.

59. Ахмадов, Я.З., Хасмагомадов, Э.Х. История Чечни в XIX-XX веках / Я.З. Ахмадов, Э.Х. Хасмагомадов. – М.: Пульс, – 2005. – 995 с. ISBN 5-93486-046-1.

60. Баранов, Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: План и содержание курса / Н.А. Баранов. – СПб: Изд-во БГТУ, 2003. – 281 с.

61. Баширов, Л.А. Ислам в контексте этнополитических процессов

современной России / Л.А. Баширов. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 246 с. ISBN 978-5-7729-0355-1.

62. Безопасность в Северо-Кавказском федеральном округе в современных условиях: коллективная монография / отв. ред. Н.П. Медведев. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – 167 с. ISBN 978-5-9296-0724-0.

63. Бердников, И.С. Краткий курс церковного права православной церкви / И.С. Бердников. – М.: Нобель Пресс, 2011. – 365 с. ISBN 978-5-4241-6431-6.

64. Бобровников, В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана / В.О. Бобровников. – М.: Восточная литература, 2002. – 367 с.

65. Боков, Х.Х., Алексеев, С.В. Российская идея и национальная идеология народов России / Х.Х. Боков, С.В. Алексеев. – М.: ИПО Профиздат, 1996. – 96 с.

66. Боров, А.Х. Национальная стратегия многонациональной России: Северо-Кавказский срез. Северный Кавказ в национальной стратегии России / А.Х. Боров; ред. В.А. Тишков. – М.: ФГНУ Росинформагротех», 2008. – 264 с. ISBN 5-201-00860-7.

67. Бромлей, Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1987. – 333 с.

68. Вакула, И.М. и др. Этноконфессиональная конфигурация республик Северного Кавказа / И.М. Вакула и др. – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2007. – 128 с. ISBN 978-5-89288-202-6.

69. Васильев, А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX века) / А.М. Васильев / отв. ред. Н.А. Иванов. – М: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1982. – 454 с.

70. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М: Прогресс, 1990. – 808 с. ISBN 5-01-001584-6.

71. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер: (пер. с нем. и вступит. ст. А.Ф. Филиппова). – М.: РИПОЛ классик, 2021. – 292 с. ISBN 978-5-386-13904-9.

72. Витте, С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II Том 1. В 3х томах. 2-е изд. / С.Ю. Витте. – М.: ГосИздат Ленинград, – 1924. – 471 с.

73. Воронцов-Дашков, И.И. Всеподданнейший отчет за 8 лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова / И.И. Воронцов-Дашков. – СПб: Государственная типография, 1913. – 36 с.

74. Воронцова, М.В., Макаров, В.Е., Бюндюгова, Т.В. Теория деструктивности: учебник для вузов / М.В. Воронцова, В.Е. Макаров, Т.В. Бюндюгова. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 330 с. ISBN 978-5-534-13596-1.

75. Гаджиев, М. Светильники счастья – золотая цепь спасительного света. Часть 1 / М. Гаджиев. – Махачкала: Нур-ул Ислам, 2015. – 464 с.

76. Гаранова, Е.П., мон. Участие духовенства в выборах, политических партиях и органах власти с точки зрения светского и церковного законодательства / Е.П. Гаранова (монахиня Елена) // Ортодоксия. – 2021. – № 1. С. – 175–190.

77. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. / Г.В.Ф. Гегель; отв. ред. М.М. Розенталь, ред. кол. Э.В. Ильенков, М.М. Розенталь, Е.П. Ситковский. – М: Мысль, 1970. – 501 с.

78. Государственная национальная политика Российской Федерации: учебное пособие для специалистов в сфере национальных и религиозных отношений / В.А. Тишков и др. – М.: Просвещение, 2020. – 288 с. ISBN 978-5-09-079251-6.

79. Государственно-конфессиональные отношения в России: учебное пособие / Р.А. Набиев, А.А. Гафаров, Р.Р. Ибрагимов; под общ. ред. проф. Р.А. Набиева. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 203 с. ISBN 978-5-00019-067-8.

80. Грамши, А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с. ISBN 5-250-00897-6.

81. Гумилев, Л.Н. Passionarium. Теория пассионарности и этногенеза: этногенез и биосфера Земли. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев. – М.: АСТ, 2016. – 934 с. ISBN 978-5-17-096484-0.

82. Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы / Л.Н. Гумилев. – М.: Прогресс, Пангея, 1993. – 543 с.

83. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 812 с. ISBN 978-5-902725-25-1.

84. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность / В.В. Дегоев. – М.: Русская панорама, 2003. – 510 с. ISBN 5-93165-105-5.

85. Денисова, Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. / Г.С. Денисова, В.П. Уланов. – Ростов-н/Д, 2003. – 350 с. ISBN 5-8480-0365-3.

86. Джанаби, М.М. Политическая идея современного исламоцентризма (философско-культурологический анализ). Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Т. 1. Страны Северной и Северо-Восточной Африки / М.М. Джанаби; отв. ред. А.Д. Саватеев, Э.Ф. Кисриев. М.: Ленанд. – 2015. – 416 с. ISBN 978-5-9710-2138-4.

87. Дибиров, А.-Н.З., Сафаралиев Г.К., Пронский Л.М. и др. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие / А.-Н.З. Дибиров, Г.К. Сафаралиев, Л.М. Пронский и др.; ред. Г.К. Сафаралиев. – Махачкала: Изд-во «Лотос», 2009. – 640 с. ISBN 978-5-91471-071-7.

88. Дякин, В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX-начало XX вв.) / В.С. Дядкин. – СПб: ЛИСС, 1998. – 1000 с. ISBN 5-87050-109-1.

89. Ермаков, И., Микульский, Д. Ислам в России и Средней Азии / И. Ермаков, Д. Микульский. – М.: Лотос, – 1993. – 271 с.

90. Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: политическая реакция 80-х – начала 90-х годов / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 442 с.

91. Ибрашева, Л.Р., Шогина, Ю.А. Социология межэтнических отношений: учебное пособие / Л.Р. Ибрашева, Ю.А. Шогина. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – 138 с.

92. Игнатенко, А.А. Ислам и политика: сборник статей / А.А. Игнатенко. – М.: Институт религии и политики, 2004. – 256 с. ISBN 5-98379-018-8.

93. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / В.П. Любин, Х.А. Амирханов, П.У. Аутлев и др.; отв. ред. Б.Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1988. – 543 с. ISBN 5-02-009486-2.

94. История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII-XIX веках: учебник / М.А. Аствацатурова и др.; отв. ред. Г.Н. Малахова. – Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2004. – 282 с. ISBN 5-87872-291-7.

95. Кавказоведение: стратегия развития в XXI в. и взаимодействие с образованием: материалы IV Международного форума историков-кавказоведов / Институт социологии и регионоведения ЮФУ / ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016. – 375 с.

96. Казенин, К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках / К. Казенин. – М.: Регнум, 2012. – 78 с. ISBN 978-5-91887-018-1.

97. Кандур, М.И. Мюридизм: История Кавказских войн, 1819-1859 гг. / М.М. Кандур. – Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 1996. – 308 с.

98. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – СПб: Издание книжного магазина М.В. Попова, 1897. – 193 с.

99. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер., ред. Н.О. Лосский. – М: Наука, 1999. – 655 с. ISBN 5-02-008366-6.

100. Кант, И. Критика способности суждения. / И. Кант; ред. А.Я. Зись, К.М. Долгов, А.В. Михайлов и др. – М: Искусство, 1994. – 368 с. ISBN 5-210-02324-9.

101. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. / Ю. А. Клейберг. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 287 с. ISBN 978-5-534-16487-9.

102. Клочков, В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Клочков. – М.: Политиздат, 1982. – 160 с.

103. Козлов, М.В. Религиозный фактор в политическом радикализме на Ближнем Востоке. Вера и отчаяние / М.В. Козлов. – Саарбрюккен: LAP Lambert,

2015. – 196 с.

104. Левин, З.И. Очерки природы исламизма / З.И. Левин. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 126 с. ISBN 978-5-89282-605-1.

105. Лейпхарт, А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 286 с. ISBN 5-7567-0208-3.

106. Ленин, В.И. Философские тетради / В.И. Ленин / под ред. В.В. Адоратского, В.Г. Сорина. – М.: Партийное издательство, 1936. – 476 с.

107. Логика и методология науки. Философия и методология истории: сборник статей / общ. ред. И.С. Кон. – М.: Изд-во «Прогресс», 1977. – 335 с.

108. Логинов, А.В. Власть и вера: государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – 495 с.

109. Мангейм, К. Идеология и утопия: перевод. В 2 ч. Ч. 1 / К. Мангейм. – М.: АН СССР. Ин-т науч. информации по обществ. наукам, 1976. – 247 с.

110. Малашенко, А.В. Исламская альтернатива и исламский проект / А.В. Малашенко. – М.: Весь мир, 2006. – 220 с. ISBN 5-7777-6329-1.

111. Малашенко, А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа. / А.В. Малашенко. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с. ISBN 5-88044-160-1.

112. Маринченко, А.В. Геополитика: учебное пособие / А.В. Маринченко. – М.: ИНФРА-М, 2009, 415 с. ISBN 978-5-16-003530-7.

113. Маркс, К. Диалектический материализм / К. Маркс. – М.: Партийное издательство, 1933. – 230 с.

114. Маркс, К., Энгельс, Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1988. – 574 с. ISBN 5-250-00085-1.

115. Матвеев, В.А. Российское мусульманство на Северном Кавказе: исторические аспекты проблемы / В.А. Матвеев. – Ростов н/Д: Кубанское отделение «Русского исторического общества», 2004. – 64 с.

116. Международное сотрудничество в условиях глобализации / ред. С.А. Семедов – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 388 с. 210-237. ISBN

978-5-7749-1335-0.

117. Мельников, В.И. Роль и место региональной безопасности в общегосударственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Комитет Совета Федерации по обороне и безопасности / В.И. Мельников. – М.: Издание Совета Федерации, 2010. – 63 с.

118. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 томах. Том 1. 3 изд., испр. и перераб. / Б.Н. Миронов. — СПб: Дмитрий Буланин, 1999. – 548 с. ISBN 5-86007-395-X. С.62-63.

119. Мурзина, Д.Ш. Политизация религии в современной России // Вызовы религиозного экстремизма в глобализирующемся мире: коллективная монография / науч. ред. Р.Ф. Патеев, В.Т. Сакаев. – Казань: Фолиант, 2017. – 232 с. ISBN 978-5-6040420-0-7.

120. Муртузалиев, С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе) / С.И. Муртузалиев – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2006. – 166 с.

121. Мухаммад, Ю.Х. Тарикат в свете Корана и Сунны / Ю.Х. Мухаммад. – М.: Ансар, 2012. – 480 с. ISBN 978-5-98443-041-8.

122. Мчедлов, М.П. Диалектика общечеловеческого и классового / М.П. Мчедлов. – М.: Знание, 1989. – 62 с. ISBN 5-07-000604-5.

123. Нарский, И.С. Проблема противоречия в диалектической логике / И.С. Нарский. – М.: Изд-во Московского Университета, 1969. – 178 с.

124. Нуруллаев, А.А., Нуруллаев Ал.А. Религия и политика: учебное пособие / А.А. Нуруллаев, А.Ал. Нуруллаев. – М.: КМК, 2006. – 330 с. ISBN 5-87317-313-3.

125. Олех, Л.Г. Регионализм и федерализм: учебное пособие / Л.Г. Олех. – Новосибирск: СибАГС, 1998. – 218 с. ISBN 5-8036-0009-1.

126. Омаров, А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века / А.И. Омаров. – Махачкала: Алеф, 2014. – 329 с.

127. Омаров, М.А. Этика и аксиология Ислама. В двух частях. Часть II. / М.А. Омаров. – Махачкала: Издательский дом: «Ихсан», 2018. – 446 с.

128. Основы религиоведения: учебник / Ю.Ф. Борунков, И.Н. Яблоков и др.; ред. И.Н. Яблоков. – М.: Высшая школа, 1994. – 368 с. ISBN 5-06-002849-6. С. 326-327.

129. Парето, В. Социалистические системы: пер. с фр. / В. Парето. – М.: РИОР, 2024. – 716 с. ISBN 978-5-369-01774-6.

130. Пачина, Н.Н. Политические отношения и политический процесс в современной России: учебное пособие / Н.Н. Пачина – Липецк: Изд-во Липецкого государственного технического университета, 2019. – 62с. ISBN 978-5-88247-968-7.

131. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения. Том II / Г.В. Плеханов. – М.: Госполитиздат, 1956. – 824 с.

132. Победоносцев, К.П. Великая ложь нашего времени / К.П. Победоносцев. – М.: Развитие духовности, культуры и науки, 2004. – 765 с.

133. Познышев, С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: к реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях / С.В. Познышев. – М.: Университетская типография, 1906. – 313 с.

134. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. / Н.И. Покровский. – М.: РОССПЭН, 2000. – 511 с. ISBN 5-8243-0078-X.

135. Политическая регионалистика и государственная региональная политика: российский опыт и перспективы: учебное пособие / общ. ред. А.В. Федякин. – М: Проспект, 2021. – 352 с. ISBN 978-5-392-34211-2.

136. Полунов, А.Ю. Под властью обер-прокурора: Государство и Церковь в эпоху Александра III. / А.Ю. Полунов. – М.: АИРО-XX, 1996. – 141 с. ISBN 5-88735-024-5.

137. Попов, А.В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву / А.В. Попов. – Казань: Типо-Литография Императорского Университета, 1904. – 516 с.

138. Рагузин, В.Н. Роль религиозного фактора в межнациональных

отношениях / В.Н. Рагузин. М.: Изд-во РАГС, 1998. – 100 с.

139. Райх, В. Анализ характера / В. Райх. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс. – 2000. – 528 с. ISBN 5-04-004421-6.

140. Рейснер, М.А. Государство и верующая личность: сборник статей / М.А. Рейснер. – СПб: типография товарищества «Общественная польза», 1905. – 423 с.

141. Религиоведение: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / ред. И.Н. Яблоков. – М.: Изд-во Юрайт, 2024. – 371 с. ISBN 978-5-534-05253-4.

142. Религия и конфликт / ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: РОССПЭН, 2007. – 289 с. ISBN 978-5-82243-0921-8.

143. Розенталь, М.М. Марксистский диалектический метод / М.М. Розенталь. – М.: Госполитиздат, 1952. – 348 с.

144. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: Пропилеи, 1995. – 400 с. ISBN 5-7354-0026-6.

145. Савицкий, П.Н. Избранное / П.Н. Савицкий; сост., авт. вступл. Е.Л. Петренко; авт. коммент. М.И. Иванов, Т.В. Иванова, А.Л. Петренко. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 776 с. ISBN 978-5-8243-1306-2.

146. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII-начале XX в.: монография / отв. ред. А.С. Туманова. – М.: РОССПЭН, 2011. – 886 с. ISBN 978-5-8243-1528-8.

147. Семедов, С.А. Ислам в политике: идеология и практика / С.А. Семедов. – М.: Экон-Информ, 2009. – 272 с. ISBN 978-5-9506-0462-1.

148. Семедов, С.А. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Международный терроризм как главная угроза миропорядку. Международное сотрудничество в условиях глобализации под ред. С.А. Семедов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – С. 210-237. ISBN 978-5-7749-1335-0.

149. Семедов, С.А., Лаза, В.Д. Религиозно-политический экстремизм и

терроризм в современном мире: учебное пособие для вузов / С.А. Семедов. – М.: Изд-во «Проспект», 2020. – 144 с. ISBN 978-5-98597-444-7.

150. Сиражудинова, С.В. Ожидания Дагестана: социально-политические трансформации и элиты: монография / С.В. Сиражудинова, А.А. Саидов, М.А. Алигаджиева. – М.: Изд-во «Перо», 2014 – 196 с. ISBN 978-5-00086-299-5.

151. Смолин, О.Н. Политический процесс в современной России: учебное пособие / О.Н. Смолин. – М.: Проспект, 2004. – 326 с. ISBN 5-98032-731-2.

152. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: учебное пособие / ред. М.В. Ильин, А.Ю. Мельвиль. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с. ISBN 5-7567-0261-X.

153. Стародубровская, И.В., Соколов, Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография / И.В. Стародубровская, Д.В. Соколов и др. – М.: Дело, 2013. – 277 с. ISBN 978-5-7749-0748-9.

154. Сулаев, И.Х. Государство и мусульманское духовенство в Дагестане: история взаимоотношений (1917-1991 гг.) / И.Х. Сулаев. – Махачкала, – 2009. – 375 с.

155. Тахо-Годи, А. Революция и контр-революция в Дагестане / А. Тахо-Годи. – Махачкала: Дагестанский научно-исследовательский институт, 1927. – 236 с.

156. Торнау, Н.Е. Изложение начал мусульманского законоведения / Н.Е. Торнау. – М.: МНТПО «Адир», 1991. – 641 с.

157. Торнау, Н.Е. Особенности мусульманского права / Н.Е. Торнау. – СПб: типография Академии наук, 1892. – 88 с.

158. Траси, де А.-Л.-К.Д. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. / А.-Л.-К.Д. де Траси. – М.: Академический Проект, 2013. – 333 с. ISBN 978-5-8291-1476-3.

159. Трубецкой, С.Н., Е.Н. Трубецкой. Избранное / С.Н. Трубецкой, Е.Н. Трубецкой; сост., авт. вступ. ст. и коммент. О.В. Волобуев, А.Ю. Морозов. – М.: РОССПЭН, 2010. – 733 с. ISBN 978-5-8243-1041-2.

160. Трунов, А.А. Человек, обретающий смыслы / А.А. Трунов. –

Саарбрюккен: LAP LAMBERT, 2017. – 88 с. ISBN 978-3-330-01196-0.

161. Укрепление российской нации в сфере этнокультурных и межконфессиональных отношений: учебно-методическое пособие / Н.В. Зин, С.А. Завражин, Н.В. Наумова, Д.И. Петросян, Е.А. Плеханов, О.А. Семенова, Л.А. Февралева; общ. ред. Е.А. Плеханов. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. – 378 с. ISBN 978-5-906773-55-5.

162. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия / ред. И предисл. Л.С. Выготский, А.Р. Лурия. – М: Современные проблемы. Н.А. Столляр. – 1925. – 108 с.

163. Фрейд, З. Я и Оно / З. Фрейд. – М.: АСТ. – 2018. – 333 с. ISBN 978-5-17-108547-6.

164. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М: АСТ, 2004. – 635 с. ISBN 5-17-023209-8.

165. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 480 с. ISBN 978-5-91103-302-6.

166. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 47-96.

167. Ханбабаев, К.М. Религиозный фактор в процессах миротворчества и народной дипломатии на Северном Кавказе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / ред. В.А. Тишков. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. – 264 с. ISBN 5-201-00860-7.

168. Хисматулин, А.А. Суфизм / А.А. Хисматулин. – СПб.: «Азбука-классика», 2003. – 224 с. ISBN 5-352-00405-8.

169. Цыпин, В., прот. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды, (1700-2005). 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с. ISBN 978-5-7533-0364-6.

170. Шарафутдинова, Э.Ф. Чеченский конфликт: этноконфессиональный аспект / отв. ред. И.П. Добаев. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. – 173 с. ISBN 978-587872-371-8.

171. Шахов, М.О. Вероисповедная политика Российского государства:

учебное пособие / отв. ред. М.О. Шахов. – М.: Издательство РАГС, 2003. – 207 с.

172. Эбзеев, А.А. Западный Кавказ: проблемы политической реинтеграции / А.А. Эбзеев. – Ростов н/Д Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 139 с. ISBN 5-87872-141-4.

173. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1953. – 328 с.

174. Эриашвили, Н.Д., Горохова, В.В., Расоян, К.С. и др. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие для вузов / Н.Д. Эриашвили и др. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. – 207 с. ISBN 978-5-238-03367-9.

175. Эсадзе, С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. Том 2 / С.С. Эсадзе. – Тифлис: типография «Гуттенберг», 1907. – 246 с.

176. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М.: Наука, 2012. – 653 с. ISBN 978-5-02-038025-7.

177. Ядов, В.А. Идеология как форма духовной деятельности общества / В.А. Ядов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1961. – 122 с.

Авторефераты диссертаций

178. Агамов, А.А. Исламский фактор и социально-экономические процессы на Северном Кавказе (на примере Республики Дагестан): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13 / Агамов Агасемед Агакеримович. – М., 2006. – 32 с.

179. Гусаева, К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. / Гусаева Каринэ Гамидовна. – Махачкала, 2006. – 44 с.

180. Далгатов, А.Г. Политика советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): автореф. дис. … канд. истор. наук : 07.00.02 / Далгатов Артур Гередатович. – СПб, 2004. – 41 с.

181. Землякова, С.Ю. Идеология этноэтатизма на Северном Кавказе: институционализация и социальная функция: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Землякова Светлана Юрьевна. – Ростов н/Д, 2012. – 29 с.

182. Кирьянов, А.Ю. Региональная безопасность в условиях современной России (общеправовой анализ): автореф. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кирьянов Артем Юрьевич. – Н. Новгород, 2006. – 26 с.

183. Лукьянов, А.Г. Этноконфессиональная ситуация в Северо-Кавказском регионе как угроза национальной безопасности России (философско-политический анализ): автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Лукьянов Алексей Григорьевич. – М., 2004. – 28 с.

184. Мусаева, Н.М. Суфизм и его распространение в Дагестане: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.13 / Мусаева Нигар Муфараджевна, – Махачкала, 2003. – 24 с.

185. Мусайханов, С.С. Исламский фактор в военно-политических процессах в Чеченской Республике (1991-2011 гг.): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.14 / Мусайханов Сайхан Султанович. – М., 2012. – 33 с.

186. Нурилова, А.З. Философские проблемы авраамического монотеизма: автореф. … канд. филос. наук: 09.00.13 / Нурилова Альбина Захарьяевна. – Махачкала, 2001. – 24 с.

187. Поляков, Е.М. Политика органов государственной власти России на Северном Кавказе: 1990-е-2000-е годы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Поляков Евгений Михайлович. – Воронеж, 2009. – 23 с.

Диссертации

188. Аджигова, А.М. Ингушетия в российском цивилизационном процессе во второй половине XIX-первой трети XX века: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Аджигова Ая Магометовна. – Нальчик, 2016. – 217 с.

189. Албогачиева, М.С.-Г. Ислам в социальной жизни ингушей: история, практики, институции (XVIII – начало XXI в.): дис. … д-ра истор. наук: 07.00.07 / Албогачиева Макка Султан-Гиреевна. – СПб, 2021. – 434 с.

190. Баубериков, Г.Ж. Религиозный фактор в цивилизационном развитии постсоветского пространства: дис. ... канд. фил. наук: 09.00.11 / Баубериков Газиз Жолдасбекович. – М., 2016. – 189 с.

191. Булатов, А.С. Социокультурная доктрина суфизма: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Булатов Артур Садыкович. – Уфа, 2011. – 137 с.

192. Волчкова, О.О. Онтология политического в контексте глокализации: новые смыслы в контексте конфликтной парадигмы развития: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Волочкова Ольга Олеговна. – Казань, 2019. – 141 с.

193. Гаджиев, М.М. Государственная национальная политика: базовые подходы к моделированию межнациональных отношений и политические технологии их оптимизации: на примере Республики Дагестан: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Гаджиев Магомедэмин Магомедрасулович. – М., 2019. – 282 с.

194. Герейханов, Г.П. Религиозная ситуация на Северном Кавказе и ее учет в управленческой деятельности органов и войск ФПС РФ: философско-политологический анализ: дис. … канд. филос. наук: 09.00.10 / Герейханов, Гаджи Пирмурадович. – М., 1999. – 238 с.

195. Горохова, Е.Ю. Национальная политика Российской Федерации в 1991-2000 гг.: концептуальные основы, направления, механизмы реализации: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Горохова Евгения Юрьевна. – М., 2019. – 302 с.

196. Гусаев, М.М. Этноконфессиональные процессы в современном Дагестане: дис. ... канд. фил. наук: 09.00.06 / Гусаев Магомедсалих Магомедович. – Махачкала, 2000. – 152 с.

197. Гусейнова, М.Р. Тарикат и особенности его проявления в Дагестане: дис. … канд. филос. наук: 00.09.13 / Гусейнова Мадина Рамазановна. – Махачкала, 2004. – 171 с.

198. Дендиев, К.Г. Политические репрессии в Чечне 1920-1930-х гг.: предпосылки и динамика развития: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Дендиев Казбек Гиланиевич. – Грозный, 2019. – 223 с.

199. Денильханов, С.А. Ценностные основания межконфессиональных отношений в современном обществе: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Денильханов Султан Абуевич. – Пятигорск, 2016. – 154 с.

200. Дзарасов, А.О. Российский имперский универсалистский вызов первой половины XIX века и реакция на него горцев Центрального и Северо-Восточного

Кавказа: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Дзарасов Аслан Олегович. – Владикавказ, 2016. – 187 с.

201. Ефимовских, В.Л. Религиозные преступления в русском праве X – начала XX в.: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ефимовских Василий Леонидович. – Екатеринбург, 2002. – 229 с.

202. Камалова, А.А. Основные принципы и направления государственно-религиозных отношений в светском государстве: мировой и российский опыт: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Камалова Аида Армаисовна. – М., 2019. – 189 с.

203. Круглова, А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / Круглова Анна Юрьевна. – Ростов н/Д, 2019. – 224 с.

204. Кумпан, Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе. 1861-1917 гг.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Кумпан Екатерина Николаевна. – Краснодар, 2005. – 258 с.

205. Лукьянов, А.Г. Этноконфессиональная ситуация в Северо-Кавказском регионе как угроза национальной безопасности России: философско-политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. / Лукьянов Алексей Григорьевич. – М., 2004. – 199 с.

206. Мекерова, М.Д. Суфизм как мистико-аскетическое течение в мусульманской культуре: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13 / Мекерова Мариям Джамаловна. – Ставрополь, 2005. – 209 с.

207. Мирзаев, С.Б. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: причины возникновения, сущность и особенности функционирования: дис. … канд. филос. наук: 09.00.14 / Мирзаев Султан Бетерович. – М., 2012. – 149 с.

208. Мирзаханов, Д.Г. Процесс политизации мусульманского сообщества в постсоветской России: автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Мирзаханов Джабраил Гасанович. – Пятигорск, 2019. – 48 с.

209. Мусаев, М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Мусаев Махач Абдулаевич.

– Махачкала, 2003. – 199 с.

210. Нечитайло, Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.01 / Нечитайло Дмитрий Анатольевич. – М., 2017. – 633 с.

211. Нунуев, С.Х.М. Исторические этапы и особенности распространения ислама в Чечне: конец VIII – начало XXI вв. : дис. … канд. ист. Наук: 09.00.13 / Нунуев Саид-Хамзат Махмудович. – М., 2007. – 196 с.

212. Орешин, С.А. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе. 1917-1921 гг.: дис. … канд. истор. наук: 07.00.02 / Орешин Сергей Александрович. – М., 2015. – 254 с.

213. Пинкевич, В.К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906-1917 гг.): дис. … д-ра ист. наук: 09.00.06 / Пинкевич Василий Константинович. – М., 2000. – 318 с.

214. Сайфулин, И.С. Идеологизация экстремизма и аксиологическая рефлексия антиэкстремистской деятельности в современной России: дис. … канд. полит. наук: 23.00.03 / Сайфулин Илья Сергеевич. – Саратов, 2015. – 176 с.

215. Семедов, С.А. Политический ислам в современном мире: дис. ... д-ра фил. наук: 09.00.13 / Семедов Семед Абакаевич. – М., 2009. – 368 с.

216. Сидоров, Д.В. Политические факторы структурирования мусульманского сообщества Российской Федерации: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Сидоров Денис Владимирович. – М., 2015. – 203 с.

217. Тузов, Н.В. Этнорелигиозные отношения и проблемы политической стабильности в России в 90-е годы XX века (на примере Северного Кавказа): дис. … канд. ист. наук: 07.00.09 / Тузов Николай Витальевич. – М., 2003. – 219 с.

218. Эскерханов, Г.Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: дис. … канд. фил. наук: 09.00.03 / Эскерханов Гелани Лемович. – Грозный, 2011. – 185 с.

219. Юсупова, Г.И. Влияние глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России: дис. ... д-ра фил. наук: 09.00.13 / Юсупова Гурия Исламгараевна. – Махачкала, 2009. – 358 с.

220. Якубова, С.З. Феномен экстремизма в аспекте трансформаций общественного религиозного сознания: дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / Якубова Саида Заидиновна. – Махачкала, 2017. – 160 с.

Научные статьи

221. Аватков, В.А. Особенности межкультурной коммуникации в Республике Турция / В.А. Аватков, А.И. Павлова // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 1(1). – С. 65-75.

222. Авдеев, Ю.И. Религиозный экстремизм: сущность, типология, характерные черты / Ю.И. Авдеев // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. – 2013. – № 2. – С. 44-60.

223. Акаев, В.Х. Религиозно-политические элиты на Северном Кавказе: факторы формирования, идеологические противоречия и практическое противоборство / В.Х. Акаев // Центральная Азия и Кавказ. Журнал социально-политических исследований. – 2014. – Т. 17, №1. – С. 89-102.

224. Акаев, В.Х. Шейх Кунта-Хаджи Кишиев в духовной культуре чеченцев: основные вехи жизни, суть учения и его современное значение / В.Х. Акаев // Россия и мусульманский мир. – 2017. – №3 (297). – С. 39-54.

225. Аликберов, А.К. О некоторых особенностях зарождения и становления книжной культуры Дагестана / А.К. Аликберов // Рукописная и печатная книга в Дагестане. – Махачкала, 1991. – С. 52-64.

226. Андреев, Ю.В. Проблемы суверенитета и международная безопасность / Ю.В. Андреев // Власть. – 2011. – №1. – С. 97-100.

227. Арапов, Д.Ю. Ермолов А.П. и мусульманский мир Кавказа / Д.Ю. Арапов // Вестник Московского университета. – 2001. – № 6. – С. 51-61.

228. Астапов, С.Н. Социокультурная природа религиозного фундаментализма / С.Н. Астапов // Религиоведение. – 2023. – № 1. – С. 65-70.

229. Ахметов, А.А. Кризис легитимности власти как ключевой фактор актуализации сепаратизма в России в 90-е гг. XX в. / А.А. Ахметов // Вестник МГОУ. – 2011. – № 3. – С. 98-102.

230. Ахромеева, Ю.В. Религиозный и культурный фундаментализм как условия возникновения религиозного экстремизма / Ю.В. Ахромеева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2015. – № 1. – С. 66-74.

231. Банникова, А.В., Кулешова, Б.Э., Джомертогуллары, Н., Табаринцева-Романова, К.М. Турция и глобальное лидерство: роль турецкой публичной дипломатии во внешней политике / А.В. Банникова, Б.Э. Кулешова, Н. Джомертогуллары, К.М. Табаринцева-Романова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2023. – Т. 7, вып. 4. – С. 520-529.

232. Батуркин, А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. / А. Батуркин // Власть. – 2009. – № 2. – С. 75-80.

233. Баширов, Л.А. Религиозный экстремизм: недооцененная опасность / Л.А. Баширов // Национальные интересы. – 2008. – № 2. – С. 45-48.

234. Богатырева, О.В. Проблемы межкультурной коммуникации народов Северного Кавказа / О.В. Богатырева // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – С. 573.

235. Боров, А.Х. Муратова, Е.Г. Северный Кавказ в современном общественном дискурсе / А.Х. Боров, Е.Г. Муратова // Общественные науки и современность – 2011 – № 4 – С. 157-166.

236. Быков, Р. А. Религиозный экстремизм в России: от явного дискурса к скрытому / Р.А. Быков // Религиозная ситуация в российских регионах: Тезисы докладов и сообщений Шестой всероссийской научно-практической конференции, Омск, 28–29 сентября 2018 года / отв. Л.В. Денисова, А.А. Морозов. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 86-88.

237. Ветренко, И.А. Политические проблемы управления «Российским Кавказом» / И.А. Ветренко // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2016. – № 1(9). – С. 121-126.

238. Витте, Дж.-мл. Проблемы и перспективы прозелитизма в России //

Права человека и религия / сост. В. Новик, игум. – М.: Библейско- богословский институт св. апостола Андрея, 2001. С. 393-409.

239. Газимагомедов, Р.Ш. Конфессиональная политика Российской империи в Дагестане в середине XIX – начале XX вв. / Р.Ш. Газимагомедов // Вопросы истории. – 2014. – № 5. – С. 164-171.

240. Гозгешева, С.М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе / С.М. Гозгешева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 293-300.

241. Горовиц, Д.Л. Разрушенные основания права сецессии / Д.Л. Горовиц // Власть. – 2013. – №11. – С. 189-191.

242. Гранкин, Ю.Ю. Северный Кавказ в политических коллизиях XVIII в / Ю.Ю. Гранкин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2019. – №2. – С. 14-20.

243. Даллакян, Д.С. Этничность этнонации: дифференциация концептуальных определений / Д.С. Даллакян // Научный вестник МГТУ ГА. – 2013. – №191. – С. 88-93.

244. Ерасов, Б.С. Теоретическая эволюция А. Абдель-Малека / Б.С. Ерасов // Народы Азии и Африки. – 1990. – № 2. – С. 18.

245. Журин, К.А. Талибан, радикальный ислам и Афганистан / К.А. Журин // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – №3. – С. 83-87.

246. Забарчук, Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности / Е.Л. Забарчук // Журнал российского права. – 2008. – № 6 (138). – С.3-10.

247. Зорин, В.Ю. Диалог культур против конфликта цивилизаций / В.Ю. Зорин // Вестник Российской нации. – 2010. – № 1, 2. – С. 141-154.

248. Игнатенко, А.А. Исламские концепции социально-экономического и политического развития Ближнего и Среднего Востока / Философия и религия на зарубежном Востоке: XX век. / отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва Наука, 1985. – С. 210-221.

249. Иншаков, С.М. Международная безопасность: право силы против силы

права / С.М. Иншаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2019. – №2 (831). – С. 180-192.

250. Ирхин, А.А., Москаленко, О.А. Мир больше пяти. Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России / А.А. Ирхин, О.А. Москаленко // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2021. – Т. 21, № 1. – С. 91-107.

251. Исаева, А.А. Религиозный фактор и обеспечение национальной безопасности в многоконфессиональной жизни российского общества: конституционно-правовое исследование / А.А. Исаева // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 442. – С. 226-232.

252. Казакова, М.Н. Региональная безопасность в системе национальной безопасности России / М.Н. Казакова // Регионология. – 2011. – №3(76). – С. 40-46.

253. Кангиева, А.М. Коммуникативная позиция наставника в суфийской педагогике // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2019. – № 8. – С. 86-88. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-pozitsiya-nastavnika-v-sufiyskoy-pedagogike (дата обращения: 01.02.2025).

254. Косов, Ю.В. Безопасность России: геополитический аспект / Ю.В. Косов // Внешняя политика и безопасность современной России. – 2002. – Т. 2. – С. 48-56.

255. Котенко, Д.Г. Векторы и парадигмы концепции «Великого Турана» во внешней политике Турции / Д.Г. Котенко // Семнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. – Часть II. – 2024. – С. 368-374.

256. Куропаткина, О.В. Роль религии в нациестроительстве современной России / О.В. Куропаткина // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 26-38.

257. Лонский, Я.А. Идейно-теоретическая и практическая составляющая религиозного экстремизма / Я.А. Лонский // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. – 2019. – № 3. – С. 35-42.

258. Магомедов, Н.Г. Об исламском религиозном и религиозно-политическом экстремизме / Н.Г. Магомедов // Исламоведение. – 2020. – № 1 (43). – С. 95-111.

259. Майстренко, Г.А. Противодействие политическому экстремизму: современные тенденции / Г.А. Майстренко // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Том 10, № 1А. – С. 16-23.

260. Макаров, Д.О. Фактор этнорелигиозной идентификации в международных отношениях / Д.О. Макаров // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 3. – С. 351- 360.

261. Малашенко, А.В. 2020 год – последний шанс для Кавказа? / А.В. Малашенко // Россия и мусульманский мир. – 2011. – №8. – С. 70-86.

262. Матюхин, А.В. Роль идеологии в общественных преобразованиях / А.В. Матюхин // Обозреватель – Observer. – 2017. – №4 (327). – С. 6-14.

263. Медведев, Н.П. Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года. Часть1). – Вопросы политологии. – 2023. – № 1 (89). – С. 20-28.

264. Милославкая, Т.П. Деятельность «Братьев-мусульман» в странах Востока» / Т.П. Милославская // Ислам в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы – 1982. – С. 7-24.

265. Мирский, Г.И. Радикальный исламизм: сила идеи // Гроза с Востока. Как ответит мир на вызов ИГИЛ? / сост. Ф.А. Лукьянов. М.: Эксмо, 2016. – С. 13-96.

266. Митрофанова, А.И. К вопросу о политике Османской империи на Кавказе в XIX в. / А.И. Митрофанова // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. – 2019. – № 1. – С. 239-243.

267. Михайлов, Г.А. Нужен ли России государственный орган по делам религий? / Г.А. Михайлов // Религия и право. – 1999. – № 6. – С. 9.

268. Мусаев, М.А. Попытки христианизации дагестанцев, как один из методов уменьшения влияния ислама и упрочения позиций Российской империи на Кавказе в середине XIX века. / М.А. Мусаев // Научные проблемы гуманитарных

исследований. – 2006, – № 1. – С. 82-86.

269. Муханов, В.М., Запальский, Г.М. Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857-1864 гг.). / В.М. Муханов, Г.М. Запальский // Вопросы истории. – 2006, – № 12. – С. 130-146.

270. Мчедлова, М.М. Религиозные смыслы в современной России: общество и политика / М.М. Мчедлова // Религиозные смыслы в современной России. Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 403-418.

271. Назаров, А.А. Основные тенденции, перспективы и исторические предпосылки реализации программы взаимодействия государства и религиозных объединений / А.А. Назаров // Вестник РМАТ. – 2016. – №2. – С. 12-17.

272. Нунуев, С.М. Политические факторы распространения религиозного радикализма в постсоветской Чечне / С.М. Нунуев // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 240-244.

273. Оганисьян, Ю.С. Международная безопасность: сетевой контекст / Ю.С. Оганисьян // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – №5. – С. 117-126.

274. Осипова, В.В. Эволюция органов регулирования государственно-конфессиональных отношений в условиях постсоветской трансформации России (1990-1997 гг.) / В.В. Осипова // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2020. – №3. – С. 76-93.

275. Пашенцев, Д.А. Роль религии в формировании российской правовой традиции / Д.А. Пашенцев. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 6. – С. 168-173.

276. Перепелкин, Л.С. Межэтнические конфликты: причина возникновения и механизмы предупреждения / Л.С. Перепелкин // Конфликт – диалог – сотрудничество. Бюллетень №1 (сентябрь-ноябрь). Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. – М.: МОО ЦСПИ, 1999. – С. 8-9.

277. Пинкевич, В.К., Золотых, С.В. Вероисповедные реформы П.А. Столыпина в контексте преобразований в российской империи начала XX века / В.К. Пинкевич, С.В. Золотых // Электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2019. – № 1. – С. 20-25.

278. Победоносцев, К.П. Государство и церковь. Борьба государства с церковью в Германии / К.П. Победоносцев // Гражданин. – 1873. – № 34. – С. 915-918.

279. Поспелова, О.В. Политическая онтология и ее методолого-теоретический контекст / О.В. Поспелова // Вестник ЛГУ имени А. С. Пушкина. Серия: Философия. – № 3. –Том 2. – 2009. – С. 202-210.

280. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин // Вестник Российской нации. – 2012. – № 2-3. – С. 59-65.

281. Разин, А.С. Специфика этноконфессионального фактора и формирование этноконфессиональных отношений / А.С. Разин // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2010. – № 2 (12). – С. 63–69.

282. Растоу, Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели / Д.А. Растоу // Полис. – 1996. – № 5. – С.5-15.

283. Рашковский, Б., Хорос, В. Мировые цивилизации и современность (К методологии анализа) / Б. Рашковский, В. Хорос // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – №1. – С. 14-19.

284. Росенко, М.Н. Диалектика общественного бытия и общественного сознания в современном обществе / М.Н. Росенко // Информация–Коммуникация–Общество. – 2010. – Т. 1. – С. 166-169.

285. Рощин, М. Возрождение суфизма в Дагестане / М. Рощин // Отечественные записки. – № 5. – 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.strana-oz.ru/2003/5/vozrozhdenie-sufizma-v-dagestane (дата обращения: 08.04.2026).

286. Рябченко, Е.В. Идеология экстремизма как средство социального управления / Е.В. Рябченко // Общество и право. – 2015 – № 1 (51) – С. 305-308.

287. Рягузова, Е.В. Разрыв связей в репрезентациях взаимодействия Я – Другой как предиктор экстремистского поведения / Е.В. Рягузова // Известия Саратовского университета. – 2021. – Т. 21, вып. 1. – С. 78-84.

288. Ряжев, А.С. Просвещенное духовенство при Екатерине II / А.С. Ряжев // Вопросы истории – 2004. – №4. – С. 43-57.

289. Савва, М.В., Савва, Е.В. Сепаратизм в современной России: актуальность и классификация / М.В. Савва, Е.В. Савва // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 124-126.

290. Саймон, Г.Л. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г.Л. Саймон // THESIS. – 1993. – №3. – С. 16-38.

291. Сатановский, Е. Я. Компромиссы бессмысленны / Е. Я. Сатановский // Россия в глобальной политике. – 2004. – Т. 2, № 5. – С. 18-26.

292. Сафонов, А.Л., Орлов, А.Д. Нация и этнос: разграничение понятий в контексте глобализации / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – №6. – С. 26-32.

293. Семедов, С.А. Исламизм и феномен политических религий / С.А. Семедов // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 435-454.

294. Семедов, С.А. Причины политизации ислама в современном мире / С.А. Семедов // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 230-239.

295. Семедов, С.А. Противодействие экстремизму и терроризму как проблема национальной безопасности / С.А. Семедов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2022. – № 8 (466). – С. 10-20.

296. Семедов, С.А. Фасхудинов, Р.Р. Сайфулла-Кади Башларов – один из ярких представителей суфизма / С.А. Семедов, Р.Р. Фасхудинов // Вестник ЧелГУ. – 2021. – №5 (451). – С.26-32.

297. Силантьев, Р.А., Мальцев, В.В., Саввин, А.В. Основные причины вовлечения новообращенных мусульман России в экстремистскую и террористическую деятельность / Р.А. Силантьев, В.В. Мальцев, А.В. Саввин // Исламоведение. – 2016. – № 2 (28). – С. 39-45.

298. Смирнова, А.В. Гармонизация межэтнических отношений как решающий фактор обеспечения стабильного и устойчивого развития российского общества // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 5. – С. 174-177.

299. Соловьев, В.С. Идеократия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Том 24 / В.С. Соловьев; ред. Андреевский И.Е., Арсеньев К.К.,

Петрушевский Ф.Ф. – СПб: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. – 963 с.

300. Спирина, О.А., Рожкова, Л.В. Состояние системы международной безопасности на современном этапе / О.А. Спирина, Л.В. Рожкова // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2015. – №2 (14). – С. 79-84.

301. Тауфик, И. Основные ценности и институты классического ислама / И. Тауфик // Россия и мусульманский мир. – 2003. – №10. – С. 138-146.

302. Телегин, В.Н., Телегина, С.В., Шмидт, В.В. Религиозный фактор как инструмент политики стран Европейского союза / В.Н. Телегин, С.В. Телегина, В.В. Шмидт // Евразия. Лаборатория ИАРИП РПУ. Духовные традиции народов. – 2012. – № 2. – С. 92-107.

303. Тишков, В.А. О природе этнического конфликта / В.А. Тишков // Свободная мысль. – 1993. – № 4. – С. 5-14.

304. Толстик, В.А. Концептуальные основы нормального (справедливого) государства и их конституционное закрепление / В.А. Толстик //Актуальные Проблемы Экономики и Права. – 2020. – 14(1). – С. 186-200.

305. Туаева, Б.В. Этнокультурный опыт выстраивания межнациональных отношений на Северном Кавказе / Б.В. Туаева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 8-4 (39). – С. 80-82.

306. Федосеева, Л.Д. Иностранное вмешательство в Кавказскую войну / Л.Д. Федосеева // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2005. – №4. – С. 15-19.

307. Хазиев, А.М. Социокультурные инструменты профилактики экстремизма в молодежной среде / А.М. Хазиев // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2017. – № 3(36). – С. 41-51.

308. Цицкиева, М.О. Религиозные обряды и национальные традиции / М.О. Цицкиева // Религиозные секты на территории ЧИАССР и актуальные проблемы атеистического воспитания. – Грозный, – 1987. – С. 53-67.

309. Чекалина, А.А. Превенция экстремизма молодежи: опыт Великобритании / А.А. Чекалина // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9-

11. – С. 2556-2560.

310. Шихалиев, Ш.Ш. Дагестанская суфийская литература XIX – XX вв.: текстологический и источниковедческий разбор / Ш.Ш. Шихалиев // Исламоведение. – 2009. – № 2. – С. 75-91.

311. Шнирельман, В.А. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности / В.А. Шнирельман // Вестник Российской нации. – 2010. – № 1-2 (9-10). – С. 189-218.

312. Шпильрейн, С. Деструкция как причина становления. / С. Шпильрейн // перевод Менихи Исааковны Шпильрейн по изданию Sabina Spielrein, Die Destruktion als Ursache des Werdens. Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatologische Forschungen, 1994. – № 5. – 207 с.

313. Яхьяев, М.Я. Ислам в политических и социокультурных процессах на Северном Кавказе // Исламоведение. – 2014. – № 1. – С. 86-90.

Словари

314. Ислам: энциклопедический словарь. / АН СССР, Институт востоковедения / Г.В. Милославский и др. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, – 1991. – 311 с. ISBN 5-02-016941-2.

315. Лейбин, В.М. Словарь-справочник по психоанализу. 3-изд. – М.: Московский институт психоанализа-Когито-Центр, 2020. – 812 с. ISBN 978-5-89353-575-4.

316. Новейший политологический словарь / Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филлипов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 318 с. ISBN 978-5-222-16671-0.

317. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений/ 28-е изд., перераб. / С.И. Ожегов; ред. Л.И. Скворцов. – М.: Мир и Образование, 2019. – 1376 с. ISBN 978-5-94666-657-2.

318. Расскажи мне об Исламе. Краткая энциклопедия для начинающих / Духовное управление мусульман Чеченской Республики / ред. А. Абдурашидов. – Грозный: «Даруль-Фикр», 2017. – 150 с.

319. Словарь иностранных слов современного русского языка / сост. Т.В.

Егорова – М.: «Аделант», 2014. – 800 с. ISBN 978-5-93642-322-2.

320. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 799 с. ISBN 985-433-167-9.

321. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. – М.: Норма, 2008. – 608 с. ISBN 978-5-468-00195-0.

322. Энциклопедический словарь социологии религии / ред. М.Ю. Смирнов. – СПб: Платоновское общество, 2017. – 508 с. ISBN 978-5-9909527-7-5.

323. Энциклопедия религий / ред. А.П. Забияко, А.Н. Красников, Е.С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2008. – 1520 с. ISBN 978-5-8291-1084-0.

324. Хрестоматия по исламу: переводы с арабского, введения и примечания / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», – 1994. – 238 с. ISBN 5-02-017243-X.

Зарубежные монографии на английском языке

325. Al-Banna, H. Six Tracts of Hasan Al-Bana' A Selection from the Majmti'at Rasa'll al-Imam al-Shahid Hasan al-Banna (1906-1949) / H. Al-Banna. – Salimlah-Kuwait: International Islamic Federation of Student Organizations, 2006. – 192 p.

326. Bell, D. The End of Ideology – with a New Afterword / D. Bell. – Cambridge: Harvard University Press, 1988. – 501 p. ISBN 9780674252295.

327. Bentley, A.F. The Process of Government: A Study of Social Pressures / A.F. Bentley. – Chicago: University of Chicago Press, 1908. – 502 p.

328. Berelson, B.R. Voting: A Study of Opinion Formation in a Presidential Campaign (Midway Reprint) / B.R. Berelson. – London: University of Chicago Press, Ltd, 1986. – 416 p. ISBN-10 0226043509.

329. Black, M.A. The Theory of Committees and Elections / M.A. Black – Lancaster: Kluwer Academic Publishers, 1987. – 241 p.

330. Brzezinski, Z. Out of control: global turmoil on the eve of the twenty-first century / Z. Brzezinski. – New York: Simon and Schuster, 2010. – 227 p.

331. Commins, D.D. Islamic Reform, Politics and Social Change in Late Ottoman Syria / D.D. Commins. – New York: Oxford University Press, 1990. – 224 p.

332. Cudsi, A.S., Dessouki, A.E.H. Islam and power. Croom Helm Series on the Arab World / A.S. Cudsi, A.E.H. Dessouki. – London: Croom Helm, 1981. – 204 p.

333. Davidson, C.M. Shadow Wars: The Secret Struggle for the Middle East / C.M. Davidson. – London: Oneworld, Allen & Unwin, 2016. – 688 p.

334. Dennis, A.J. The rise of the Islamic empire and the threat to the West / A.J. Dennis. – Lima: Wyndham Hall Press, 1996. – 180 p. ISBN 1-55605-339-8.

335. Dijk, T.A. van. Discourse and Context A sociocognitive approach / T.A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 267 p. ISBN-13 978-0-521-89559-0.

336. Downs, A. An Economic Theory of Democracy / A. Downs. – New York: Harper & Row Publishers, 1957. – 310 p.

337. Downs, A. Inside Bureaucracy. Rand Corporation / A. Downs. – Boston: Little, Brown, 1967. – 292 p.

338. Eckstein, H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway / H. Eckstein. – Princeton: Princeton University Press, 1966. – 293 p.

339. Esposito, J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality? / J.L. Esposito – New York: Oxford University Press, 1992. – 243 p.

340. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 257 p. ISBN-10 0745606741.

341. Fitzgerald, T. The Ideology of Religious Studies / T. Fitzgerald. – Oxford University Press, 2003. – 296 p. ISBN 9780195120721.

342. Furnivall, J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India / J.S. Furnivall. – Cambridge: Cambridge University Press, 1948. – 568 p.

343. Ghadbian, N. Democratization and the Islamist Challenge in the Arab World / N. Ghadbian. – Boulder: West View Press, 1997. – 188 p.

344. Ghannouchi, R. Public Freedoms in the Islamic State. World thought in translation / R. Ghannouchi. – New Haven: Yale University Press, 2022. – 570 p. ISBN 9780300211528.

345. Haynes, J. An Introduction to International Relations and Religion / J.

Haynes – New York: Pearson Education Limited, 2007 – 445 p. ISBN: 978-1-4058-2474-3.

346. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations / S.P. Huntington. – New York: Simon and Schuster, 1996. – 367 p.

347. Ḥusaini, I.M. The Moslem Brethren, the Greatest of Modern Islamic Movements / I.M. Ḥusaini. – Westport: Hyperion Press, 1981. – 186 p. ISBN 0-8305-0039-1.

348. Jameelah, M., Islam and Modernism / M. Jameelah. – Lahore: Publisher Mohammad Yusuf Khan Sant Nagar, 1968. – 279 p.

349. Keddie, N.R. An Islamic Response to Imperialism: Political and Religious Writings of Sayyid Jamal Ad-Din «al-Afghani» / N.R. Keddie. – Berkeley: University of California Press, 1968. – 212 p.

350. Kramer, M. The Islamism Debate / M. Kramer. – Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, 1997. – 178 p. ISBN 965-224-024-9.

351. Kuper, L. Plural Societies: Perspectives and Problems. Pluralism in Africa / L. Kuper. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. – 546 p.

352. Laclau, E., Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy Towards a Radical Democratic Politics Second Edition / E. Laclau, C. Mouffe. – London: Verso, 2001. – 198 p. ISBN 1-85984-621-1.

353. Landau, J.M. The politics of Pan-Islam: Ideology and Organization / J.M. Landau. – Oxford: Clarendon press, 1990. – 438 p.

354. Laslett, P. The world we have lost: further explored. 3rd cd. / P. Laslett. – New York: Charles Scribner’s Sons, 2014. – 390 p.

355. Lasswell, H.B. Politics: Who Gets What, When, How / H.B. Lasswell. – Albuquerque: Pickle Partners Publishing, 2018. – 137 p.

356. Lazarsfeld, P.F., Berelson, B.R., Gaudet, H. The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign / P.F. Lazarsfeld, B.R. Berelson, H. Gaudet. – New York: Columbia University Press, 1968. – 178 p. ISBN 0-231-08583-4.

357. McLellan, D. Ideology. Concepts in Social Thought / D. McLellan. – Minneapolis: Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 1986. – 320 p. ISBN

0-8166-1522-5.

358. Merriam, C.E. New aspects of politics / C.E. Merriam. 2d ed. – Chicago: The University of Chicago press, 1931. – 300 p.

359. Nasr, S.H. Traditional Islam in the Modern World / S.H. Nasr. – London and New York: Columbia University Press. – 1987, – 221 p.

360. Nicholson, R.A. The mystics of Islam / R.A. Nicholson. – London: G. Bell and sons ltd., 1974. – 196 p.

361. Rahman, F. Prophecy in Islam / F. Rahman. – London: George Allen and Unwin, 1974. – 118 p.

362. Riker, W.H. The Art of Political Manipulation / W.H. Riker. – New Haven: Yale University Press, 1986. – 152 p. ISBN 978-300-03592-6.

363. Roy, O. Généalogie de l'islamisme (in English) / O. Roy. – Montreal: Hachette Pluriel Editions, 2011. – 132 p.

364. Roy, O. The Failure of Political Islam / O. Roy. – Cambridge: Harvard University Press, 1994. – 238 p. ISBN 0-674-29140-9.

365. Rothschild, J. Ethnopolitics, a Conceptual Framework / J. Rothschild. – New York: Columbia University Press, 1981. – 255 p. ISBN 0-231-05236-7.

366. Said, E.W. Power, Politics, and Culture / E.W. Said. New York: Vintage Books, 2001. – 512 p. ISBN-10 1400030668.

367. Seliger, M. Ideology and Politics / M. Seliger. – London: Allen & Unwin, 1976. – 354 p.

368. Sumner, W.G. Folkways: A Study of Mores, Manners, Customs and Morals / W.G. Sumner. – New York: Cosimo Classics, 2007. – 704 p. ISBN-10 1602067589.

369. The Invention of Tradition / edit. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 322 p.

370. The Kingdom of Saudi Arabia / ed. M. Scott. – London: Stacey intern; Riyadh: Al-Turath, 2006. – 256 p.

371. Tibi, B. The challenge of fundamentalism. Political Islam and the new world disorder / B. Tibi. – Berkeley: University of California Press, 1998. – 262 p.

372. Truman, D.B. The Governmental Process: Political Interests and Public

Opinion / D.B. Truman. – New York: Alfred A. Knopf, 1962. – 584 p.

373. Wahhab, M.A, al. Kitab At-Tauhid / M.A. al-Wahhab. – Riyadh: Publications Riyadh-Saudi Arabia, 1996. – 130 p.

374. Walpole, N.C. and oth. Area Handbook for Saudi Arabia / N.C. Walpole and others. – Washington: The American University, 1966. – 371 p.

375. Watson, J.B. Psychology from the Standpoint of a Behaviorist / J.B. Watson. – New York: Andesite Press, 2017. – 452 p. ISBN-10 1375770780.

376. Wodak, R., Meyer, M. Critical Discourse Analysis: History, Agenda. Theory, and Methodology. 2nd revised edition / R. Wodak, M. Meyer. – London: Sage, 2009. – 204 p.

Зарубежные статьи на английском языке

377. Achilov, D., Sen, S. Got Political Islam? Are Politically Moderate Muslims Really Different from Radicals? / D. Achilov, S. Sen // International Political Science Review. – 2017. – 38(5). – Pp. 608-624.

378. Almond, G.A. Political Theory and Political Science / G.A. Almond // The American Political Science Review. – 1966. – Vol. 60, №. 4. – Pp. 869-879.

379. Bisk, T. The War on Islamism. Lone Actors / T. Bisk. // An Emerging Security Threat / ed. by A. Richman, Y. Sharan. – Amsterdam: IOS Press. – 2015. – Pp. 132-145.

380. Hermassi, M.A. Islam, Democracy, and the Challenge of Political Change // J. Muravchik, L. Mylroie, G. Fuller, M. Kramer, M.A. Hermassi. Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. – Washington: A Washington Institute Monograph, 1993. – P. 41-53.

381. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations? / S.P. Huntington. – Foreign Affairs, – 1993. – Vol. 72. – № 3. – Pp. 22-49.

382. Lakes, D., Rothschild, D. Containing Fear: The Origins and Management of Ethnic Conflict / D. Lakes, D. Rothschild. – International Security. – 1996. – № 2 (21). – Pp. 41-75.

383. Lipshutz, R.D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for

Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts // R.D. Lipshutz, B. Crawford. The Myth of «Ethnic Conflict»: Politics, Economics, and «Cultural» Violence Beverly. – Berkeley: California University Press, 1998. – Pp. 44-78.

384. March, A.F. Political Islam: Theory / A.F. March // Annual Review of Political Science. – 2015 – Vol. 18. – Pp. 103-123.

385. Murariu, M. On Ideocratic Polities and Projects: Theoretical Considerations / M. Murariu. // Political Studies Forum. – 2023. – № 1 (1). – Pp. 37–46.doi.org/10.58441/psf.v1i1.8

386. Olson, M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups / M. Olson. – Cambridge: Harvard University Press, 1965. – 176 p. ISBN 0-674-53751-3.

387. Qutb, S. Ma'alim fi al-Tariq / S. Qutb. – Chicago: Kazi Publications, 1964. – 249 p. ISBN 1-56744-494-6. (книга внесена в федеральный список экстремистских материалов).

388. Schwedler, J. Can Islamists Become Moderates? Rethinking the Inclusion-Moderation Hypothesis / J. Schwedler // World Politics. – 2011. – 63(2). – Pp. 347-376.

389. Spiro, M. Religion: Problems of Definition and Explanation / M. Spiro // Anthropological Approaches to the Study of Religion. – London & New York: Routledge, – 1966. – Pp. 85–125.

390. Suny, R.G. The Empire Strikes Out: Imperial Russia, «National» Identity, and Theories of Empire / R.G. Suny // Ab imperio. – 2001. – № 1-2. – Pp. 9-73.

391. Watson, J.B. Psychology as the Behaviorist Views It (1913) / J.B. Watson // Psychological Review, 1994. – Vol. 101, №. 2. – Pp. 248-253.

Электронные ресурсы и публицистика

392. Акаев, В.Х. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. А.В. Бритвин // Официальный сайт

Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

393. Акопян, А. Этнический состав Турции. Новейшие данные // Диалог. – 2021, 22 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://dialogorg.ru/analytics/articles/arman_akopyan-_etnicheskiy_sostav_turtsii-_noveyshie_dannye/ (дата обращения: 22.11.2025).

394. Алоев, М. Заморские благодетели из фонда TUGVA // Общенациональная газета Республики Ингушетия «Сердало». – 2022, 15 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://serdalo.ru/zamorskie-blagodeteli-iz-fonda-tugva (дата обращения: 22.11.2023).

395. Армянские СМИ: Пакистан разместил военных в Азербайджане для борьбы с Арменией // МК. – 2020, 4 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.mk.kg/politics/2020/10/04/armyanskie-smi-pakistan-razmestil-voennykh-v-azerbaydzhane-dlya-borby-s-armeniey.html?ysclid=moiws54bbi804028976 (дата обращения: 28.04.2026).

396. Билгич, Т. Ответ пресс-секретаря Министерства иностранных дел Турецкой Республики на вопрос о годовщинах изгнания крымских татар и черкесов. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Турецкой Республики. – 2022, 18 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/sc_-10_-cerkes-ve-kirim-tatar-surgunlerinin-yildonumleri-hk-sc.ru.mfa (дата обращения: 22.11.2023).

397. В Азербайджане заговорили о турецкой военной базе на фоне обострения отношений с Россией // Сетевое издание «МК в Турции» MK-Turkey.ru. – 2025, 3 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mk-turkey.ru/politics/2025/07/03/p-v-azerbajdzhane-zagovorili-o-tureckoj-voennoj-baze-na-fone-obostreniya-otnoshenij-s-rossiej.html (дата обращения: 04.07.2025).

398. В Ингушетии ликвидировали двух боевиков // РИА Новости. – 2020, 7 августа [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://ria.ru/20200807/1575472827.html (дата обращения: 22.08.2024).

399. В Ингушетии сотрудники ФСБ задержали двух сторонников ИГИЛ // Аргументы и Факты. – 2025, 19 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://aif.ru/incidents/v-ingushetii-sotrudniki-fsb-zaderzhali-dvuh-storonnikov-igil (дата обращения: 22.02.2025).

400. В Telegram-канале «Утро Дагестан» выявили признаки ненависти к израильтянам // МИА «Россия сегодня». – 2025, 23 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20251023/priznaki-2050021420.html (дата обращения: 22.11.2025).

401. В Чеченской Республике насчитывается 1539 мечетей // Информационное агентство Чеченской Республики «Грозный-информ». – 2025, 25 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.grozny-inform.ru/news/society/178475/. (дата обращения: 27.11.2025).

402. В Чечне преподаватели жалуются на исламский дресс-код // Сетевое издание (сайт) АО ИД «Комсомольская Правда». – 2012, 05 июня [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/daily/25894/2854132/ (дата обращения: 02.08.2022).

403. «Великий Туран»: геополитическая стратегия Турции или новая реальность? // ИА «Караван Инфо». – 2025, 2 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://caravan-info.pro/velikij-turan-geopoliticheskaja-strategija-turcii-ili-novaja-realnost/ (дата обращения: 12.12.2025).

404. «Великий Туран» – миф или перспектива? // «ИА Азия-Плюс». – 2022, 29 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20221129/velikii-turan-mif-ili-perspektiva (дата обращения: 12.12.2025).

405. «Великий Туран» нужен Западу, чтобы поссорить Казахстан с Россией, Китаем и Ираном // ИА «Евразия.Эксперт». – 2023, 27 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eurasia.expert/velikiy-turan-nuzhen-zapadu-chtoby-possorit-kazakhstan-s-rossiey/ (дата обращения: 12.12.2025).

406. Власти Чечни запретили ваххабизм // Независимая газета. – 2000, 27

июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/events/2000-07-27/2_prohibited.html (дата обращения: 23.12.2024).

407. «ВС России признал движение «баталхаджинцев» террористической организацией» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – 2026, 14 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vsrf.ru/news/37935 (дата обращения: 14.10.2026).

408. «Все для них – "крестоносцы"». Почему «ИГ-Хорасан» (запрещенная организация в РФ) считает Россию и США врагами // RTVI. – 2024, 26 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rtvi.com/stories/vse-dlya-nih-krestonosczy-pochemu-ig-horasan-schitaet-rossiyu-i-ssha-vragami/ (дата обращения: 12.11.2024).

409. Главное о террористических атаках в Дагестане // РБК. – 2024, 25 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/newspaper/2024/06/25/6678605c9a79473e6ab810cd?ysclid=m7ew8bz88n368831271 (дата обращения: 22.08.2024).

410. Григорьев, А. Эрдоганисты не рады экспорту бакинской нефти в Израиль // Интернет-журнал «Военно-политическая аналитика». – 2024, 26 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// vpoanalytics.com/sobytiya-i-kommentarii/turtsiya-eksport-azerbaydzhanskoy-nefti-v-izrail-pitaet-nedovolstvo-storonnikov-erdogana-/ (дата обращения: 29.04.2026).

411. Дагестан в честь Курбан-байрама объявил 6 июня нерабочим днем. Это уже стало традицией в регионах Северного Кавказа // АО ИД «Комсомольская правда». – 2025, 30 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/online/news/6399022/ (дата обращения: 21.11.2025).

412. Двадцатка самых исламизированных регионов России // Сетевое издание: Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня». – 2012, 23 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islam-today.ru/islam_v_rossii/dvadczatka_samyx_islamizirovannyx_regionov_rossii/. (дата обращения: 27.11.2025).

413. Дети чиновника, член СЗРП и боец ММА: кто устроил двойной теракт

в Дагестане // Газета.Ru. – 2024, 24 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2024/06/24/19300825.shtml (дата обращения: 22.08.2024).

414. «Заплатить обещали в Киеве». Какие сроки получили террористы из «Крокуса» // РИА Новости. – 2026, 12 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ria.ru/20260312/kriminal-2080007964.html?ysclid=moiwhxccmi968054507 (дата обращения: 28.04.2026).

415. Защиту духовно-нравственных и семейных ценностей как средство профилактики идеологии экстремизма и терроризма обсудят в Махачкале // Официальный сайт Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. – 2024, 17 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minnacrd.ru/press/87877 (дата обращения: 17.12.2024).

416. Исламский ученый объявил России джихад // БДГ Деловая Газета. – 2004, 23 апреля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bdg.news/archive/islamskiy-uchenyy-obyavil-rossii-dzhihad (дата обращения: 21.08.2024).

417. Кадыров, А.А. Из выступления Ахмат-Хаджи Кадырова перед алимами и главами администраций 1 мая 2004 г. в г. Гудермесе // Комитет Правительства Чеченской Республики по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2004, 1 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://comchs.ru/index.php/vacancy/7-blog/11-zoo-extension (дата обращения: 05.08.2024).

418. Как выстраивать взаимоотношения власти и конфессий в новом веке. // Независимая газета. – 2001, 27 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/facts/2001-06-27/4_mutual_relation.html (дата обращения: 03.02.2023).

419. Кто такие террористы из запрещенной в России «Вилаят Хорасан» // РБК. – 2024, 24 марта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/24/03/2024/65ff17d79a7947673e6e7b9d (дата обращения: 12.11.2024).

420. Курбан-Байрам объявлен выходным днем в Ингушетии. Соответствующий указ уже подписал глава республики // АО ИД «Комсомольская правда». – 2025, 2 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/online/news/6403366/ (дата обращения: 21.11.2025).

421. Магомедов, М.З. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. А.В. Бритвин // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

422. МВД: около 900 уроженцев Дагестана воюют в Сирии на стороне боевиков // РИА Новости – Махачкала. – 2015, 10 декабря [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/20151210/1339467067.html?ysclid=mc9njaich8871845151 (дата обращения: 24.06.2025).

423. Медведев, Д.А. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Правовой Сервер КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93657/ (дата обращения: 02.12.2023).

424. Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан. – Официальный сайт. – 2024, 25 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minnacrd.ru/files/30/%D0%A1%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%BE%D0%B1%D1%8A%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%

D1%8F%D1%85%20%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BF%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20%D0%94%D0%B0%D0%B3%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%20(1)%20(1).doc (дата обращения: 27.11.2025).

425. Молодцова, В. Турецкий марш. Часть пятая. Агенты влияния // Учительская газета. – №33. – 2003, 12 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ug.ru/tureczkij-marsh-chast-pyataya-agenty-vliyaniya/ (дата обращения: 22.11.2025).

426. «Мурат Зязиков» // Изборский клуб. – 2015, 7 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://izborsk-club.ru/11364 (дата обращения: 17.11.2025).

427. Мусаев, Ш. Какие люди называются «Саляф ас-Салих»? // Исламский образовательный портал IslamDag.ru. – 2016, 14 января. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islamdag.ru/verouchenie/23682 (дата обращения: 22.06.2024).

428. Муфтий РТ рассказал журналистам о способах борьбы с ваххабизмом. // Сетевое издание islam.ru. – 2018, 29 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islam.ru/news/2018-05-30/52976 (дата обращения: 30.11.2024).

429. От Дагестана до Крыма: из практики противодействия радикальной террористической идеологии // Сетевое издание islam.ru. – 2024, 15 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://islam.ru/content/analitics/63453 (дата обращения: 21.11.2025).

430. По итогам конференции «Мобилизация этнокультурного ресурса как важнейший фактор противодействия экстремизму и терроризму» в Чеченской республике // Портал Северного Кавказа. – 2019, 21 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sevkavportal.ru/news/po-itogam-konferentsii-mobilizatsiya-etnokulturnogo-resursa-kak-vazhnejshij-faktor-protivodejstviya-ekstremizmu-i-terrorizmu-v-chechne-opublikovana-nauchnaya-rabota/ (дата обращения: 02.08.2022).

431. Победив в Карабахе, Турция анонсировала создание нового военного блока // Электронное периодическое издание «MK.ru». – 2020, 26 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mk.ru/politics/2020/12/26/pobediv-v-karabakhe-turciya-anonsirovala-

sozdanie-novogo-voennogo-bloka.html (дата обращения: 12.12.2025).

432. Приймак, А. Неуязвимый ваххабизм // Независимая газета. – 2016, 19 октября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/ng_religii/2016-10-19/6_vahhabism2.html?ysclid=mu77tlpqko968776402 (дата обращения: 18.09.2026).

433. Путин, В.В. Интервью монгольской газете «Оноодор» // Официальный сайт Президента России. – 2024, 2 сентября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www. kremlin. ru/events/president/news/74978 (дата обращения: 02.09.2024).

434. Путин, В.В. Интервью французскому еженедельнику «Пари-матч» // Официальный сайт Президенте России. – 2000, 6 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24166 (дата обращения: 02.09.2024).

435. Путин, В.В. Путин назвал многонациональность России ее всепобеждающей силой // ТАСС. – 2023, 19 мая. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/17793009 (дата обращения: 22.11.2023).

436. Распространение пантюркизма на Северном Кавказе угрожает России: мнение // «ИА Реалист». – 2019, 30 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://realtribune.ru/news-news-2181/ (дата обращения: 22.11.2025).

437. Сеидова, Г.Н. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. А.В. Бритвин // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

438. Семедов, С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А. Экспертный

диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. А.В. Бритвин // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

439. «Семья террористов»: как дети дагестанского чиновника стали террористами // Сетевой новостной портал news.ru. – 2024, 24 июня [Электронный ресурс]. Режим доступа: news.ru /society/semya-terroristov-kak-deti-dagestanskogo-chinovnika-stali-radikalami?ysclid=mou08dhofl154142328 (дата обращения: 06.05.2026)

440. Султан Великого Турана: Президент Турции Эрдоган мечтает устроить «золотой век» для тюркского мира // АО ИД «Комсомольская правда». – 2025, 10 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kp.ru/daily/27723/5112298/ (дата обращения: 12.12.2025).

441. Сысоев, И. Десятки человек погибли в теракте в церкви в Сирии // Российская газета. – 2025, 22 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2025/06/22/desiatki-chelovek-pogibli-v-terakte-v-cerkvi-v-sirii.html?ysclid=moivj8b8ey648931390&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 28.04.2026).

442. Теракт в Грозном совершили два брата из Ингушетии // Eurasia Daily. – 2020, 28 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2020/12/28/terakt-v-groznom-sovershili-dva-brata-iz-ingushetii (дата обращения: 22.08.2024).

443. Три дня выходных объявлены в Чечне в связи с празднованием Кубан-байрама. Такой указ подписал глава республики Рамзан Кадыров // АО ИД «Комсомольская правда». – 2025, 3 июня. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.stav.kp.ru/online/news/6406177/ (дата обращения: 21.11.2025).

444. Турецкие интересы на Кавказе // Вестник Кавказа. – 2012, 16 августа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vestikavkaza.ru/analytics/Turetskie-

interesy-na-Kavkaze.html (дата обращения: 22.11.2025).

445. Туровский, Д. Мечети, в которые опасно ходить. Почему силовики объявили войну дагестанским салафитам // «ДУСЛЫК» Официальный сайт татар города Самара и Самарской губернии. – 2016, 25 февраля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tatar-duslyk.ru/mecheti-v-kotorye-opasno-xodit-pochemu-siloviki-obyavili-vojnu-dagestanskim-salafitam-reportazh-daniila-turovskogo/ (дата обращения: 21.08.2024).

446. Турция продолжает продвигать свои русофобские проекты, на этот раз «Великую Черкесию» // Репортер. – 2024, 7 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://topcor.ru/53339-turcija-prodvigaet-svoi-rusofobskie-proekty-na-jetot-raz-velikaja-cherkessija.html (дата обращения: 22.11.2025).

447. Фадеев, В.А. Право – очень тонкая вещь // РБК. – 2024, 3 декабря. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/03/12/2024/674c947f9a79474dd6f7fb6a?ysclid=mp2k0gsvm6952201370 (дата обращения: 15.05.2026).

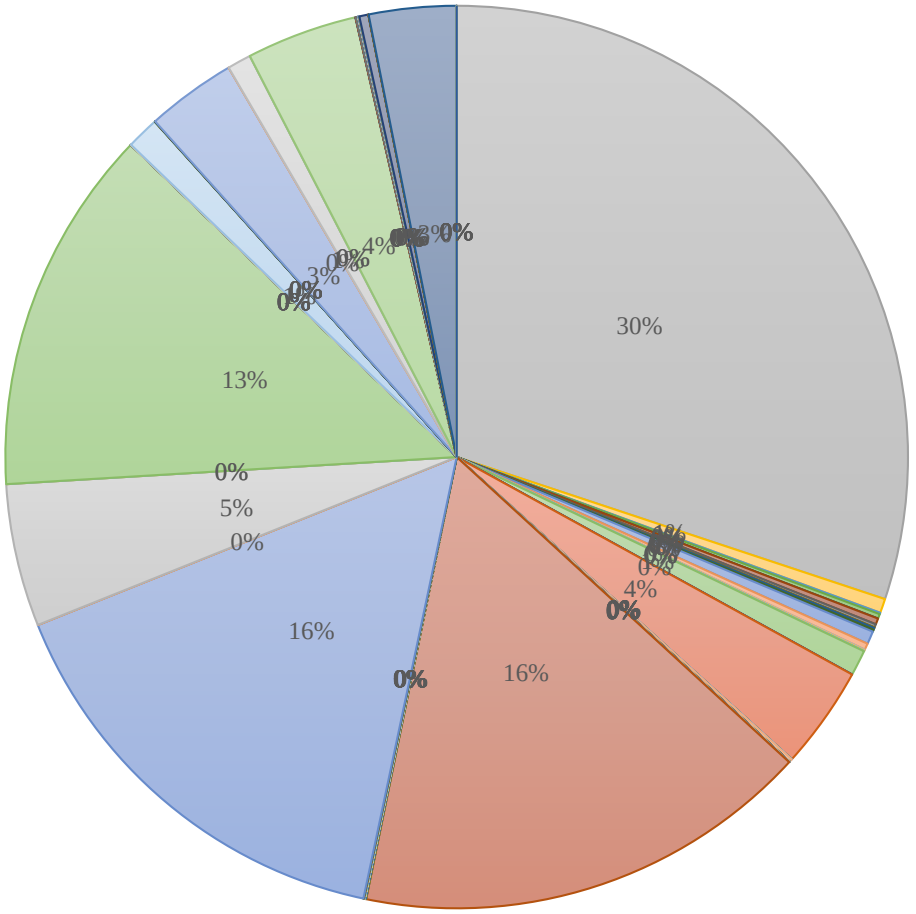
448. Харсиев, М.Д. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа // Акаев В.Х., Албогачиева М. С.-К., Магомедов М.З., Сеидова Г.Н., Семедов С.А. Экспертный диалог ИГСУ: ислам как фактор единства – мнения философов, богословов и общественных деятелей Кавказа / сост. А.В. Бритвин // Официальный сайт Института государственной службы и управления Президентской академии. – 2025, 28 июля. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://igsu.ranepa.ru/news/ekspertnyy-dialog-igsu-islam-kak-faktor-edinstva-mneniya-filosofov-bogoslovov-i-obshchestvennykh-deya/ (дата обращения: 28.07.2025).

449. Чума XXI века. В Ингушетии завершился форум, посвященный роли религиозных деятелей в борьбе с радикализмом // Интернет-газета - «Ингушетия». – 2023, 16 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gazetaingush.ru/obshchestvo/v-ingushetii-zavershilsya-forum-posvyashchennyy-roli-religioznyh-deyateley-v-borbe-s (дата обращения: 02.08.2022).

Приложение. Интерактивные диаграммы этнического состава Дагестана, Чечни и Ингушетии

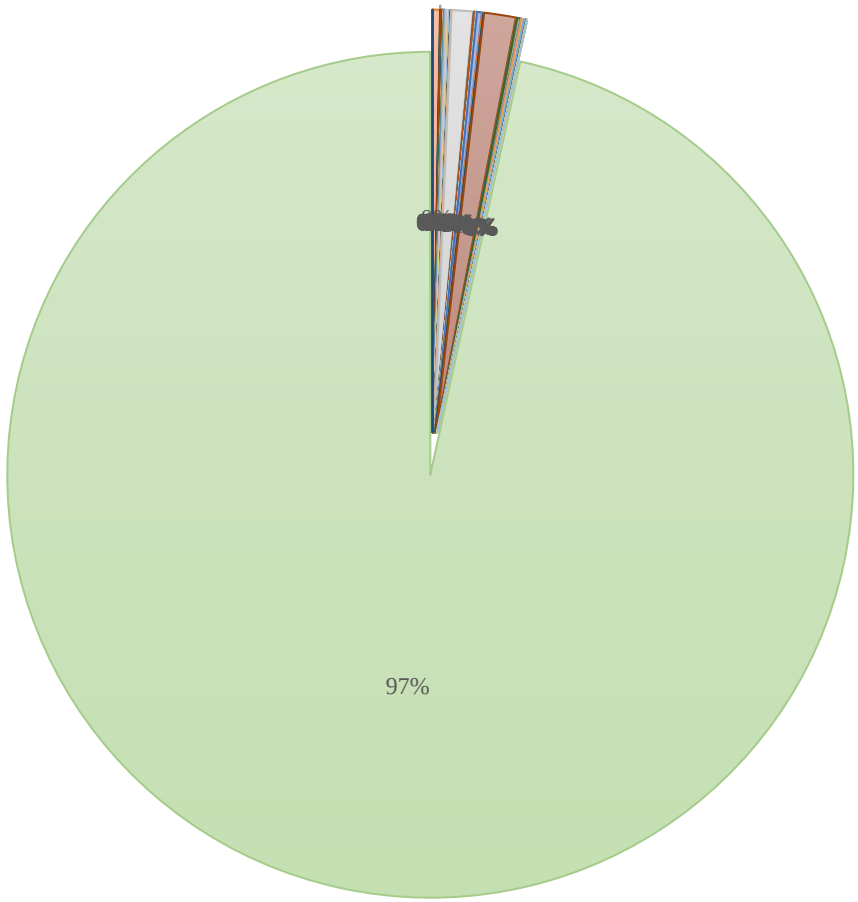
Этнический состав Республики Дагестан
по данным Всероссийской переписи населения 2020 года
(общая численность 3 134 249 чел.)

- Абазины, 25 чел.
- Абхазы, 20 чел.
- Аварцы, 956 831 чел.
- Андийцы, 16 245 чел.
- Арчинцы, 1 677 чел.
- Ахвахцы, 5 266 чел.
- Багулалы, 11 чел.
- Бежтинцы, 6 858 чел.
- Ботлихцы, 3 788 чел.
- Гинухцы, 624 чел.
- Годоберинцы, 2 170 чел.
- Гунзибцы, 2 361 чел.
- Дидойцы, 14 770 чел.
- Каратинцы, 7 305 чел.
- Тиндалы, 1 151 чел.
- Хваршины, 798 чел.
- Чамалалы, 71 чел.
- Агулы, 29 253 чел.
- Адыгейцы, 55 чел.
- Азербайджанцы, 116 907 чел.
- Алтайцы, 22 чел.
- Теленгиты, 1 чел.
- Челканцы, 1 чел.
- Американцы, 2 чел.
- Арабы, 184 чел.
- Армяне, 3 274 чел.
- Ассирийцы, 6 чел.
- Афганцы, 17 чел.
- Балкарцы, 48 чел.
- Башкиры, 91 чел.
- Белорусы, 68 чел.
- Болгары, 13 чел.
- Боснийцы, 3 чел.
- Британцы, 58 чел.
- Буряты, 41 чел.
- Гагаузы, 4 чел.
- Горские евреи, 60 чел.
- Греки, 71 чел.
- Грузины, 398 чел.
- Аджарцы, 1 чел.
- Ингилойцы, 1 чел.
- Лазы, 13 чел.
- Сваны, 1 чел.
- Даргинцы, 521 381 чел.
- Кайтагцы, 32 чел.
- Кубачинцы, 500 чел.
- Евреи, 863 чел.
- Езиды, 1 чел.
- Ингуши, 256 чел.
- Индийцы, 12 чел.
- Испанцы, 2 чел.
- Итальянцы, 1 чел.
- Ительмены, 1 чел.
- Кабардинцы, 294 чел.
- Казахи, 560 чел.
- Калмыки, 254 чел.
- Караимы, 3 чел.
- Карачаевцы, 84 чел.
- Карелы, 1 чел.
- Киргизы, 67 чел.
- Китайцы, 19 чел.
- Коми, 15 чел.
- Коми-пермяки, 1 чел.
- Корейцы, 101 чел.
- Крымские татары, 4 чел.
- Кумандинцы, 3 чел.
- Кумыки, 496 455 чел.
- Курды, 46 чел.
- Лакцы, 162 518 чел.
- Латыши, 5 чел.
- Латгальцы, 1 чел.
- Лезгины, 416 963 чел.
- Литовцы, 10 чел.
- Марийцы, 34 чел.
- Горные марийцы, 3 чел.
- Лугово-восточные марийцы, 1 чел.
- Молдаване, 88 чел.
- Мордва, 22 чел.
- Мордва-мокша, 2 чел.
- Мордва-эрзя, 1 чел.
- Немцы, 113 чел.
- Ненцы, 5 чел.
- Ногайцы, 36 944 чел.
- Осетины, 521 чел.
- Осетины-дигорцы, 5 чел.
- Пакистанцы, 1 чел.
- Памирцы, 2 чел.
- Персы, 234 чел.
- Поляки, 16 чел.
- Румыны, 5 чел.
- Русские, 102 243 чел.
- Казаки, 64 чел.
- Рутульцы, 27 043 чел.
- Сербы, 5 чел.
- Среднеазиатские евреи, 1 чел.
- Табасараны, 126 319 чел.
- Таджики, 314 чел.
- Талыши, 20 чел.
- Татары, 2 473 чел.
- Сибирские татары, 2 чел.
- Таты, 214 чел.
- Тувинцы, 20 чел.
- Турки, 257 чел.
- Турки-месхетинцы, 6 чел.
- Туркмены, 123 чел.
- Удины, 6 чел.
- Удмурты, 36 чел.
- Удэгейцы, 1 чел.
- Узбеки, 520 чел.
- Уйгуры, 12 чел.
- Украинцы, 580 чел.
- Французы, 3 чел.
- Хакасы, 4 чел.
- Хорваты, 1 чел.
- Цахуры, 10 320 чел.
- Цыгане, 206 чел.
- Черкесы, 74 чел.
- Чехи, 6 чел.
- Чеченцы, 99 320 чел.
- Чеченцы-аккинцы, 27 чел.
- Чуваши, 63 чел.
- Чукчи, 1 чел.
- Шорцы, 2 чел.
- Эвены, 3 чел.
- Эскимосы, 1 чел.
- Эстонцы, 5 чел.
- Якуты (саха), 4 чел.



Этнический состав Чеченской Республики по данным Всероссийской переписи населения 2020 года (общая численность 1 510 824 чел.)

- Абазины, 10 чел.
- Аварцы, 4 079 чел.
- Андийцы, 17 чел.
- Дидойцы, 4 чел.
- Чамалалы, 1 чел.
- Агулы, 103 чел.
- Адыгейцы, 10 чел.
- Азербайджанцы, 1 189 чел.
- Алтайцы, 60 чел.
- Тубалары, 1 чел.
- Арабы, 76 чел.
- Армяне, 348 чел.
- Ассирийцы, 2 чел.
- Балкарцы, 144 чел.
- Башкиры, 157 чел.
- Белорусы, 17 чел.
- Болгары, 8 чел.
- Британцы, 1 чел.
- Буряты, 63 чел.
- Вьетнамцы, 1 чел.
- Гагаузы, 2 чел.
- Греки, 6 чел.
- Грузины, 188 чел.
- Лазы, 2 чел.
- Даргинцы, 897 чел.
- Евреи, 8 чел.
- Ингуши, 1 100 чел.
- Кабардинцы, 384 чел.
- Казахи, 780 чел.
- Калмыки, 217 чел.
- Карачаевцы, 27 чел.
- Карелы, 1 чел.
- Киргизы, 68 чел.
- Китайцы, 36 чел.
- Коми, 7 чел.
- Коми-пермяки, 4 чел.
- Корейцы, 18 чел.
- Крымские татары, 4 чел.
- Кумыки, 12 184 чел.
- Курды, 5 чел.
- Лакцы, 191 чел.
- Латыши, 1 чел.
- Латгальцы, 1 чел.
- Лезгины, 1 450 чел.
- Литовцы, 4 чел.
- Македонцы, 1 чел.
- Марийцы, 39 чел.
- Молдаване, 25 чел.
- Мордва, 29 чел.
- Мордва-эрзя, 1 чел.
- Нагайбаки, 4 чел.
- Нганасаны, 1 чел.
- Немцы, 37 чел.
- Ненцы, 1 чел.
- Ногайцы, 2 819 чел.
- Осетины, 686 чел.
- Осетины-дигорцы, 1 чел.
- Памирцы, 2 чел.
- Персы, 4 чел.
- Поляки, 1 чел.
- Русины, 1 чел.
- Русские, 18 225 чел.
- Казаки, 42 чел.
- Рутульцы, 311 чел.
- Сербы, 3 чел.
- Табасараны, 1 984 чел.
- Таджики, 212 чел.
- Татары, 1 237 чел.
- Мишари, 1 чел.
- Тувинцы, 89 чел.
- Турки, 1 302 чел.
- Турки-месхетинцы, 5 чел.
- Туркмены, 86 чел.
- Удины, 3 чел.
- Удмурты, 31 чел.
- Удэгейцы, 1 чел.
- Узбеки, 184 чел.
- Украинцы, 154 чел.
- Хакасы, 11 чел.
- Цахуры, 84 чел.
- Цыгане, 19 чел.
- Черкесы, 23 чел.
- Чехи, 8 чел.
- Чеченцы, 1 456 792 чел.
- Чеченцы-аккинцы, 9 чел.
- Чуваши, 109 чел.
- Чукчи, 6 чел.
- Эстонцы, 6 чел.
- Якуты (саха), 2 чел.



Этнический состав Республики Ингушетия
по данным Всероссийской переписи населения 2020 года
(общая численность 491 137 чел.)

Абазины, 3 чел.
Абхазы, 3 чел.
Аварцы, 63 чел.
Гинухцы, 1 чел.
Агулы, 8 чел.
Адыгейцы, 3 чел.
Азербайджанцы, 86 чел.
Алтайцы, 3 чел.
Арабы, 9 чел.
Армяне, 24 чел.
Балкарцы, 50 чел.
Башкиры, 21 чел.
Белорусы, 6 чел.
Буряты, 7 чел.
Греки, 3 чел.
Грузины, 40 чел.
Ингилойцы, 1 чел.
Мегрелы, 4 чел.
Даргинцы, 43 чел.
Евреи, 2 чел.
Ингуши, 473 440 чел.
Кабардинцы, 71 чел.
Казахи, 88 чел.
Калмыки, 20 чел.
Карачаевцы, 33 чел.
Киргизы, 9 чел.
Китайцы, 1 чел.
Корейцы, 2 чел.
Кумыки, 82 чел.
Курды, 1 чел.
Лакцы, 38 чел.
Латыши, 1 чел.
Лезгины, 72 чел.
Марийцы, 5 чел.
Молдаване, 2 чел.
Монголы, 3 чел.
Мордва, 4 чел.
Немцы, 4 чел.
Ногайцы, 10 чел.
Осетины, 72 чел.
Персы, 1 чел.
Русские, 3 294 чел.
Казаки, 3 чел.
Рутульцы, 8 чел.
Словенцы, 1 чел.
Табасараны, 33 чел.
Таджики, 63 чел.
Татары, 54 чел.
Тувинцы, 7 чел.
Турки, 242 чел.
Турки-месхетинцы, 10 чел.
Туркмены, 5 чел.
Удмурты, 9 чел.
Узбеки, 38 чел.
Украинцы, 34 чел.
Цахуры, 1 чел.
Цыгане, 2 чел.
Черкесы, 10 чел.
Чеченцы, 12 240 чел.
Чуваши, 35 чел.
Чукчи, 1 чел.
Якуты (саха), 1 чел.

